

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ
ГИАНЭЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1965

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

ГИАНЭЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Оформление и рисунки Л. Рубинштейна

При загадочных обстоятельствах появилась космическая гостья Гианэя в стенах обсерватории на астероиде.

Люди коммунистического общества Земли встретили ее как друга, хотя все ее поведение оставалось странным и необъяснимым долгое время.

Ученый мир Земли был поглощен исследованием другой тайны: вблизи Земли были обнаружены неуловимые, невидимые «небесные тела». Возникали одна за другой и рушились гипотезы об этих таинственных «спутниках», совершенствовалась техника поиска, строились всевозможные предположения об их происхождении и назначении.

Не могла ли Гианэя помочь раскрыть эту беспокоящую людей Земли загадку?

Но она сама оставалась загадкой для всех, кто встречался с ней на Земле.

Почему же Гианэя вдруг решила помочь ученым Земли и сама отправилась с ними в Седьмую экспедицию на Луну?

В новом фантастическом романе Г. Мартынов увлекательно рассказывает о силе гуманизма и могуществе разума людей коммунистического общества Земли, готовых к дружеской встрече с человечеством из другой планетной системы.

ПРОЛОГ

1

Оранжево-желтый круг, пересеченный наискось голубой полосой, появился над бетонированной лентой автомагистрали, когда вечебус находился еще в пятистах метрах. Неподвижный, резко очерченный, пронизанный насквозь солнечными лучами, лившимися с безоблачного неба, он блестел точно маленькое солнце, внезапно возникшее в воздухе над самой дорогой.

Внутри вечебуса прозвучало негромко:

— Внимание! Приближаемся к линии шарэкса. Поезд находится в ста десяти километрах. Желающие наблюдать прохождение экспресса, поднимите руку!

В глубоких креслах сидело человек тридцать, вечебус не был заполнен даже на одну четверть. Восемнадцать пассажиров подняли руки.

Едва слышный шипящий звук нарушил бесшумность бега машины. Заработали тормоза. Вечебус остановился у самого оранжево-желтого знака, который, постепенно тускнея, вскоре совсем исчез, словно растворившись в воздухе.

Хотя желание увидеть экспресс на полном ходу выразили только восемнадцать человек, из машины вышли все находившиеся в ней пассажиры. Шарэкс появился не так уж давно, и интерес к нему еще не успел перейти в привычку. Жителям городов не часто выпадал случай увидеть поезд на середине перегона, когда скорость доходила до шестисот километров в час.

Внутри вечебуса было прохладно, снаружи июльский полдень дышал зноем. Местность у переезда была

открытая, равнинная. По обе стороны автомагистрали бесконечной прямой линией уходили к горизонту желтовато-серые опоры желобовой дороги, висящей в четырех метрах над землей. Золотисто блестящие, точно солнечные лучи раскалили их, полукруглые «рельсы» пути. Красные линии, ограждавшие с двух сторон «полотно» шарэкса, в ярком свете дня казались приподнятыми, будто не по земле были проведены они, а прямо по воздуху.

Пассажиры вечебуса были одеты очень легко, большинство — в светлые, из тонкой материи костюмы, но все же летняя жара давала себя чувствовать: день был безветренным.

Среди них сразу обращала на себя внимание высокая девушка в белом платье, более коротком, чем обычно носили в это время. Станный зеленоватый оттенок ее кожи, изумрудно-сапфировый отлив густых черных волос, ничем не покрытых, точно девушка не замечала зноя, косо поставленные глаза, приподнятые к переносице — удивительно длинные и кажущиеся вследствие этого более узкими, чем они были на самом деле, — все выдавало в ней человека не земной расы. От белых туфель до колен стройные, красивой формы голени были обвиты перекрещивающимися узкими белыми лентами, закрепленными тоже белыми, как будто металлическими, пряжками в виде удлинненных листьев какого-то неизвестного растения. Как два щитка, они закрывали ее колени. Тонкие руки, обнаженные до плеч, заканчивались длинными гибкими пальцами с ярко-зелеными блестящими ногтями, точно на конце каждого пальца девушка носила по крупному изумруду. Зеленый цвет ясно проступал в углах рта и особенно был замечен на крыльях прямого носа.

Но кровь девушки явно имела красный цвет. Зеленый оттенок, видимо, придавали ее коже особые свойства пигмента. Кое-где в местах сгибов это сочетание окрашивало ее тело в коричневый цвет загара.

Ее платье не доходило до колен и было сильно открыто сзади. Обнаженная спина почти совсем скрывалась под волнами длинных волос, перехваченных у затылка широкой белой пряжкой, все той же формы листка не известного на Земле растения. Из-за удивительной густоты эти волосы производили впечатление

тяжелой массы, в которой лучи Солнца создавали изумрудные переливы при каждом движении головы.

Но «зеленость» не портила внешнего вида девушки, наоборот, она казалась своеобразно красивой, возбуждала невольное чувство симпатии своей свежестью, нерастраченной силой цветущей юности. И только ее глаза, косо расположенные, придавали лицу выражение грусти.

Пассажиры вечебуса успели уже приглядеться к своей необычайной спутнице и не обращали на нее особого внимания. Все знали, кто она такая. Не было на Земле человека, который не слышал бы о ее фантастической и загадочной истории. Только иногда чей-нибудь любопытный взгляд украдкой останавливался на ее статной высокой фигуре, пытливо всматривался в черты лица, словно стараясь угадать, что нужно здесь «гостье Земли», зачем оказалась она в вечебусе, идущем по маршруту Киев — Полтава.

Девушка не замечала этих взглядов. Казалось, что она вообще не замечала никого из окружающих ее людей. Ни разу ни на ком не остановился взгляд ее бархатно-черных глаз.

Ее звали Гианэя. Как и она сама, это имя было известно во всем мире.

Рядом с ней неотлучно держалась другая девушка, но уже обычного земного типа. Она тоже была высокого роста, но все же на полголовы ниже своей спутницы, с такими же густыми черными волосами, но без зеленого оттенка, одетая в такое же белое платье, но более длинное и не столь открытое. На ее ногах были такие же туфли, но без лент. И ее черные глаза были немного узки, но расположены прямо.

Пассажиры вечебуса знали, кто эта вторая девушка. Так же, как Гианэю, ее знали все. И вся Земля знала ее имя и фамилию.

Они говорили между собой на звучном красивом языке, но говорили очень тихо. Слух Гианэи, и это тоже было известно всем, обладал исключительной, невозможной у людей Земли остротой.

И не только слух. Все органы чувств были развиты у пришельцы из другого мира в превосходной степени. Она видела то, что человек Земли не мог бы увидеть без бинокля, улавливала запах, которого не почуяла бы

и специально натренированная овчарка. Тонкие нервные пальцы Гианэи были способны ощутить совершенно недоступное пальцам людей.

Способности загадочной гостьи давно уже привлекли пристальное внимание ученых. Она обладала чудесным голосом, диапазон которого охватывал почти все октавы земного рояля, прекрасно рисовала. С непринужденной легкостью лепила из глины и высекала из мрамора скульптурные портреты. И все это делала так, словно всю жизнь была певицей, художником или скульптором. Ее тело было способно к самым невероятным гимнастическим упражнениям. Во всех видах легкой атлетики Гианэя далеко превосходила людей. Только спортсмены-мужчины, рекордсмены своего вида спорта, могли соревноваться с ней без риска обязательно оказаться побежденными.

Было замечено, что Гианэя больше всего любит плавание. И она плавала в отточенном стиле классического кроля, что доказывало, во-первых, распространенность этого вида спорта на ее родине, а во-вторых, что изобретение наиболее быстрого способа плавания не являлось прерогативой Земли.

— Физически, — говорили ученые, — Гианэя человек будущего. Такими, как она, должны стать и обязательно станут все люди у нас, на Земле. Эволюция человеческого организма закономерно приведет к тому, что все так называемые таланты станут обычной нормой здорового человека.

Говоря о физических данных, ученые ни словом не упоминали об умственных способностях Гианэи. Они их просто не знали. Только по косвенным признакам можно было предполагать в ней высоко развитый мозг.

За полтора года, прошедшие с момента первого появления на Земле этой девушки из другого мира, все еще не удалось найти с ней общего языка, достигнуть полного взаимопонимания. Гианэя не выражала ни малейшего желания изучить земной язык, предоставляя всю инициативу знакомства людям Земли. Перед группой ученых-лингвистов, взявшихся за изучение ее языка, встала нелегкая задача, и не только из-за трудностей самого языка, но главным образом из-за явного нежелания Гианэи помочь людям. Она очень неохотно «давала уроки», ограничиваясь самыми простыми сло-

вами и понятиями, без которых сама не могла обойтись, живя на Земле. Малейшая попытка расширить знакомство с ее языком, с целью затронуть научные вопросы, встречала неизменный молчаливый отпор. Создавалось впечатление, что Гианэя твердо решила ни за что не дать людям возможности задать ей вопросы научного или технического характера.

Может быть, Гианэя сама была не знакома с наукой своего мира? Обстоятельства ее появления на Земле решительно говорили против такого предположения. Она безусловно многое знала. Но было ли это «много» большим, чем знали на Земле?

Ученые не теряли надежды получить, наконец, ответ на интересующие их вопросы. Не будет же Гианэя вечно молчать? Если она хочет когда-нибудь вернуться на родину, то это может случиться только с помощью людей Земли, с помощью земной техники.

Совсем недавно эта надежда сломить непонятное упорство Гианэи усилилась. Гостья впервые заговорила о прошлом.

— Я покинула родину, — сказала она единственному человеку, к которому явно чувствовала расположение, — Марине Муратовой, ленинградской лингвистке, той самой, которая сопровождала ее теперь в поездке, — почти против своей воли. Но почему-то я не ощущаю особой тоски по ней. А к вам, на Землю, я попала совсем уж против воли. Удивительно неудачен был для меня этот рейс. Но остаться у вас навсегда... — она вздрогнула.

Наконец-то проявились в Гианэе человеческие чувства! Полтора года она держала себя, с первого же момента, с неестественным спокойствием.

— Ваша родина лучше нашей Земли? — спросила Муратова, вполне убежденная, что получит утвердительный ответ.

И ошиблась.

— Нет, — ответила Гианэя. — Ваша Земля гораздо красивее. Но мне все же дороги воспоминания детства и юности.

И это было все. Гианэя снова замкнулась в себе, не ответив на дальнейшие вопросы Муратовой, пытавшейся продолжить беседу.

Но и то, что она сказала, было проблеском. Гианэю окружили еще большими вниманием и заботой. Было

решено не форсировать событий, ожидать, когда она сама захочет высказаться. Раз заговорив о своем прошлом, Гианэя должна была рано или поздно снова вернуться к нему.

Муратова стала постоянным спутником и переводчиком Гианэи. Между двумя девушками постепенно устанавливались дружеские отношения. Возможно, что этому способствовало хотя и небольшое, но несомненное внешнее сходство.

Где находилась родина Гианэи? Откуда явилась она столь странным и загадочным образом в Солнечную систему? И как это могло произойти «против ее воли»? На эти вопросы могла ответить только сама Гианэя. Но она молчала, молчала уже полтора года.

Но когда-нибудь она должна была заговорить. Этого момента с нетерпением ожидало человечество Земли.

И вот сейчас, в жаркий июльский полдень, таинственная пришельца из другого мира стояла у переезда через линию шарэкса, среди зеленой равнины, в центре украинской земли.

Что привело ее сюда? Этого не знала и Муратова. Гианэя выразила такое желание, и этого было достаточно. Ее желания старались выполнять беспрекословно. Можно было только предполагать, что в Полтаву ее привлекло предстоящее в скором времени приземление Шестой лунной экспедиции на полтавском ракетодrome. Другую причину трудно было придумать.

Но было одно «но» в этом вопросе, и ученые Земли дорого бы дали за то, чтобы узнать, интересуется Гианэя Луна или не интересуется. Выяснение этого вопроса могло пролить свет на многое, что до сих пор оставалось тайной.

Сомнения вызывал тот факт, что о возвращении Шестой никто не говорил Гианэе. Откуда же она могла узнать об этом?

Но, как бы то ни было, Гианэя сказала, что хочет поехать в Полтаву, указав этот город на карте.

В своих поездках по Земле, а они были довольно часты и продолжительны, Гианэя упорно пользовалась наземным и морским транспортом, воздушного она не признавала. И в этот раз она предпочла автобус, хотя и знала, что этот путь длиннее и утомительнее.

Но, может быть, Гианэя хотела видеть вблизи земную природу?..

Времени оставалось немного. Для шарэкса, идущего на полной скорости, сто километров — это десять минут. Группа пассажиров направилась к небольшой возвышенности, находившейся метрах в сорока от автомагистрали. Наблюдать прохождение экспресса снизу было не так интересно.

Первой на вершине маленького холма оказалась Гианэя. Подвижность, явное предпочтение, отдаваемое бегу перед ходьбой, стремительность движений были характерными чертами этой девушки. Она легко взбежала по довольно крутому склону, одним прыжком одолев последние метры.

На фоне синего неба отчетливо вырисовывался ее стройный силуэт, свободно развернутые плечи и гордая посадка головы. В солнечном свете, издали, исчез зеленоватый оттенок ее тела, и Гианэя казалась коричневой статуей, одетой в ослепительно белое короткое платье.

— Очень красива! — заметил кто-то из пассажиров вчебуса.

Муратова была хорошей спортсменкой, но при подъеме на холм отстала от своей спутницы метров на десять. Оказавшись рядом, она невольно обратила внимание на то, как спокойно и ровно дышит Гианэя. Стремительный подъем, очевидно, нисколько не утомил ее и не нарушил ритма сердцебиения.

— Я слышу какой-то протяжный гул, — сказала Гианэя, протягивая руку в ту сторону, откуда должен был появиться экспресс.

Он был еще очень далеко, за горизонтом. Никто в мире не смог бы уловить на таком расстоянии характерный шум идущего полным ходом шарэкса. Но Муратова ни на секунду не усомнилась в том, что Гианэя действительно слышит этот звук. Слишком часто приходилось убеждать в феноменальной остроте слуха гостей.

В памяти Муратовой всплыла фраза из детской сказки: «Слушал, как трава растет».

«Кто-то, — подумала Марина, — а Гианэя, пожалуй, способна на это. Любопытно, сколько звуков слышит она, когда нам кажется, что кругом полная тишина».

Со стороны вечабуса металлический голос предупредил:

— Экспресс приближается!

Значит, и механический водитель машины слышал шум поезда. Кибернетический автомат обладал такой же остротой чувств, как и живая Гианэя.

Пассажиры заторопились.

— Что он сказал? — спросила Гианэя.

Муратова перевела.

— Да, он все ближе, — подтвердила девушка.

Шесть-семь метров подъема оказались преодолимыми не для всех из-за крутизны. Небольшая группа пожилых пассажиров остановилась на середине склона. К двум девушкам присоединился человек двадцать.

Линия шарэкса была отсюда — как на ладони. Влажно (так они были отполированы) блестели полукруглые опоры — рельсы. Их геометрическая правильность создавала зрительную иллюзию, что и внизу, где была пустота, они продолжают, замыкаясь невидимой поверхностью, создавая сплошную опору в форме трубы, разрезанной вдоль, — желоба. Потому и назывался этот путь «желобовой дорогой».

Но название имело и другую, историческую, причину. Самая первая линия шарэкса была действительно построена в виде сплошной полутрубы. Только впоследствии пришли к убеждению, что нижняя часть не нужна, что она даже уменьшает скорость, создавая излишнее трение. Сокращение площади «рельсов» вполне можно было компенсировать увеличением количества шариков на опорной поверхности самого шарэкса. Эта рационализация, предложенная и рассчитанная молодым тогда инженером — Виктором Муратовым, родным братом спутницы Гианэи, — дала блестящие результаты: скорость экспресса сразу возросла на двадцать процентов.

Форма пути изменилась, но первоначальное название так и осталось за дорогой.

Шарэкс приближался. Теперь его слышала не одна только Гианэя. Где-то, еще за горизонтом, но уже близко, словно гудела туго натянутая толстая струна.

— Нас не сметет отсюда? — опасливо спросил кто-то рядом с Муратовой.

— Ну, что ты! — ответил другой. — От нас до пути метров тридцать.

Точно услышав этот разговор, механический водитель вечевуса снова подал свой голос.

— Рекомендуется не стоять, а сесть на землю, — внятно и раздельно сказал он.

Все поспешили выполнить этот совет. Но, выслушав перевод, Гианэя осталась на ногах. Севшая было Муратова поспешно поднялась. Она не могла допустить, чтобы вверенная ее попечению гостья упала из-за своей неосторожности и, возможно, получила хотя бы и небольшую травму. Встав рядом с Гианэей, она крепко обняла девушку за плечи — так было устойчивей.

Гианэя улыбнулась и, в свою очередь, обхватила рукой талию Марины.

«Теперь мы не упадем», — подумала Муратова, ощутив всем телом, как надежна опора этой тонкой, нежной с виду, но такой сильной руки.

Она хотела поддержать Гианэю, а вышло, что Гианэя поддерживала ее.

«Как бы то ни было, а теперь мы не упадем, промчись тут хоть два шарэкса», — еще раз, про себя, сказала она.

— Эту дорогу построил ваш брат? — неожиданно спросила Гианэя.

Муратова вздрогнула. Нет, это уже слишком! О своем брате она никогда не упоминала в разговорах с Гианэей, исполняя просьбу Виктора. Он не хотел, чтобы гостья знала об их родстве. Ведь самого Виктора Гианэя хорошо знает, не подозревая, что он брат Марины. Кто же мог сказать ей о нем? И откуда она знает, что именно Виктор предложил идею такого пути?

Большие, столь необычно посаженные глаза внимательно смотрели на Муратову, ожидая ответа. Едва заметная улыбка тронула зеленоватые углы красиво изогнутого рта. И у Марины, не в первый раз, мелькнула мысль, что Гианэя притворяется, — она знает земной язык, втайне от нее читает газеты и журналы.

— Нет, — машинально ответила Муратова на своем родном языке. — Он не строил эту дорогу, а только предложил идею.

— Что вы сказали? — спросила Гианэя.

«Если притворяется, то очень искусно! Но, может быть, она знает не русский язык, а какой-нибудь другой?»

Муратова перевела сказанное на язык гости.

— Идет! — сказал кто-то.

Это относилось к шарэксу.

Вдали, там, где «рельсы» пути казались слившимися в одну тонкую прямую линию, появилась ярко блестящая точка. Она стремительно приближалась. Низкий протяжный гул усиливался с каждой секундой.

«Шофер» вечабуса услужливо информировал:

— Шарэкс идет со скоростью шестисот десяти километров в час, или ста шестидесяти девяти и семнадцати сотых метра в секунду.

Пока звучала эта фраза, экспресс успел пройти около двух километров и находился уже совсем близко. Отчетливо можно было рассмотреть длинный, идеально обтекаемой формы корпус переднего вагона, сделанный из серебристого металла. Позади экспресса, ясно видимый в солнечных лучах, тянулся шлейф взвихренного воздуха.

Некоторые из зрителей на холме заткнули уши. К могучему гулу присоединился все усиливающийся свист.

Гианэя стояла неподвижно, не спуская глаз с приближающегося экспресса. Много раз она ездила на шарэксе, но еще ни разу не видела его со стороны, во время движения. Говорил ли ей что-нибудь вид сверхбыстрого поезда, будил ли в ней воспоминания? Кто мог ответить на это?

В тот момент, когда короткий состав серебристой молнией промелькнул мимо холма, ударив по зрителям тугой волной рассеянного воздуха, Муратова случайно посмотрела в лицо Гианэи и успела заметить, как в темных глазах ее спутницы блеснул огонек.

К чему он относился? Что его вызвало? Было ли это восхищение могуществом земной техники, или... насмешкой над ее отсталостью?..

Когда шарэкс исчез за противоположной линией горизонта и замер для слуха людей Земли его гул, Муратова спросила:

— Каково ваше впечатление?

Но Гианэя ничего не ответила,

Обе девушки не знали, что человек, о котором они недавно говорили, находился в экспрессе, только что пронесшемся мимо них.

Виктор Муратов сидел в глубоком мягком кресле у стенки вагона и внимательно просматривал страницы какой-то рукописи.

Из газет он знал, как знали это все, что Гианэя отправилась в Полтаву, а с нею, конечно, и его младшая сестра. Но мысль, что минуту тому назад он находился совсем близко от них, естественно, никак не могла прийти ему в голову. И даже если бы он смотрел в окно, то при такой скорости все равно не смог бы заметить группу людей на маленьком холмике.

Это был очень высокий, сильно загорелый, атлетически сложенный мужчина, лет тридцати пяти. У него были такие же, как у сестры, густые черные волосы и темные глаза, приподнятые к переносице. Это делало его немного похожим на Гианэю.

Но сам он не замечал этого сходства, которое, безусловно, бросилось бы в глаза каждому. Правда, один раз, в очень памятный день, ему сказали об этом, но Муратов вскоре забыл эту фразу.

И не вспомнил о ней даже сейчас, когда перед его глазами была фотография Гианэи, наклеенная на одной из страниц рукописи.

Он даже не взглянул на снимок. В этом не было никакой нужды, так как именно он, в числе немногих других людей, первым увидел пришлицу из другого мира, и ее черты навсегда врезались в его память. Слишком необычайны были обстоятельства этой первой встречи и место, где она произошла.

Быстро прочтя последнюю страницу, вернее, только скользнув по ней глазами, Муратов сложил листки, аккуратно выровняв углы, и, согнув рукопись пополам, сунул ее в карман.

— Нет, это совсем не то! — сказал он, пожав плечами.

— Что не то? — спросил сидевший рядом в таком же кресле пожилой, скорей даже старый, человек с белоснежными волосами.

— Не то пишет автор. — Муратов дотронулся до кармана, где лежала рукопись. — Это очередная теория появления Гианэи. Меня просили прочесть и сказать свое мнение.

— И оно отрицательное?

— Да, как видите.

— А вы, простите, кто будете?

Муратов назвал себя.

— Слышал, — сказал старик. — Как же, слышал и не однажды. Кстати, вот этот самый шарэкс, на котором мы сейчас едем, ваше изобретение?

Муратов улыбнулся. Странно было встретить человека, не знавшего, кто был конструктором шарэкса.

— Нет, — ответил он, — к изобретению, как вы выражаетесь, шарэкса я не имею никакого отношения. Единственное, в чем я повинен, — это небольшое изменение формы пути, но не больше.

— Да, да, — сказал старик. — Вы правы, теперь я вспомнил. Прошу прощения. Но раз уж мы с вами встретились, то, если вы не возражаете, осмелюсь задать вам вопрос.

«Кто он такой? — подумал Муратов. — Даже манера говорить у него какая-то странная».

— Пожалуйста, — сказал он вслух.

— Вот еду, — начал старик. — Весь путь длится всего два часа. В мое время на это понадобились бы целые сутки на скором поезде. Еду, а не знаю, что же позволяет шарэксу мчаться с такой безумной скоростью...

— Почему безумной?

— Ну, не знаю, — сердито сказал старик. — Для вас это может казаться самым естественным, но для меня... для меня это не так. Так вот, если будете столь любезны, объясните, пожалуйста.

Муратов внимательно посмотрел на собеседника. Да, этот человек стар, очень стар. Теперь, когда наука во много раз продлила молодость человеческого организма, такое морщинистое лицо встречается редко. Да и самый факт, что он не знает вещей, хорошо известных детям, указывает на весьма и весьма почтенный возраст.

— Простите, — сказал он, подделываясь под манеру говорить своего спутника, — не скажете ли вы, сколько вам лет?

Старик неожиданно весело рассмеялся.

— Готов спорить, — сказал он, — что вы задаете себе вопрос: откуда взялся такой неуч? Не возражайте, я не обиделся. Это вполне естественно, что вы так подумали. Да, с современной точки зрения я мало знаю. А когда-то считался образованным человеком. Учил других. Трудно поверить, правда? — и он снова засмеялся, как показалось Муратову, с легким оттенком горечи.

Догадка мелькнула в мозгу Муратова. Неужели это тот самый? Похоже, что так. В то время людей еще называли не только по имени, но и по отчеству...

— Вы ошибаетесь, Николай Адамович, — сказал он, — никто не считает вас неучем.

Старик не удивился.

— Догадались, — усмехнулся он. — Да, я и есть Болотников, Николай Адамович, доктор биологических наук второй половины прошлого века. И мне девяносто семь лет. А если прибавить сюда время, которое я провел во сне, то и все сто двадцать два.

— Во сне... — машинально повторил Муратов.

— Ну не во сне, а в анабиозе. Разница небольшая. Анабиоз — это тот же сон, только более глубокий.

Муратов все вспомнил.

Это произошло в дни его детства, в начале века. Погружение в сон, или в состояние анабиоза, как средство продления жизни, служило тогда темой бесчисленных дискуссий среди медиков и биологов. Этот метод, наравне с другими, был признан заслуживающим внимания, но не во всех случаях. Опыты над животными показали, что наибольший эффект достигался тогда, когда анабиоз применяли к организму уже состарившемуся. Нужен был опыт над человеком. И вот девяностотрехлетний профессор Болотников предложил себя. Муратов помнил фотографии в журналах, которые он, ребенок, рассматривал с любопытством. Видимо, лицо Болотникова не произвело на него большого впечатления, если он совершенно забыл его и не узнал сразу. Значит, Болотникова вернули к жизни четыре года назад. Как раз в то время он, Муратов, находился далеко, увлеченный своим делом, и это событие прошло мимо него.

Он с любопытством смотрел на своего спутника.

Ведь этот человек был ровесником Октябрьской революции! Именно этот факт больше всего поражал двадцать девять лет тому назад маленького Виктора.

— Теперь вас не должно удивлять мое невежество во многих вопросах, — продолжал старый профессор. — Четыре года — срок небольшой. Мне едва хватило времени на ознакомление с достижениями биологии — моей области. Все остальное как-то выпало из поля зрения.

— Я понимаю, — сказал Муратов. — Интересная встреча. Я очень доволен. Мне вообще везет в этом отношении. Я много раз встречался лицом к лицу с знаменитыми людьми. Может быть, вы не знаете, но и Гианю...

— Это-то я знаю, — перебил Болотников. Он посмотрел на часы. — В нашем распоряжении осталось всего пятнадцать минут. В Полтаве я выхожу.

— Времени хватит, — сказал Муратов. — Вы хотите знать, как движется шарэкс?

— Да, если это не затруднит вас.

— Вы, конечно, знакомы с токами ультравысокой частоты? — Болотников кивнул головой. — Если мне не изменяет память, ко дню вашего выхода из жизни их передавали по подземным кабелям. Автобусы, берущие энергию для своих моторов от этих проводов, или, как их называют теперь, вечебусы, существовали уже тогда...

— Вы хотите сказать, что шарэкс...

— Вот именно. Только теперь токи ультравысокой частоты идут не по кабелям. Найден способ передавать их прямо по воздуху, наподобие радиоволны, и притом без потерь. На определенной высоте, над землей, разлита, если можно так выразиться, сплошная пелена энергии. Если раньше, например, вечебусы вынуждены были передвигаться только по тем дорогам, под которыми проложен кабель, то теперь они могут ходить где угодно. Но двигатели вечебуса — электромоторы, а у шарэкса они реактивные. Энергия, практически безграничной мощности, берется «с воздуха», а шариковый принцип скольжения... он известен очень давно. Скажем, шарикоподшипники. Трение между шарэксом и его опорой, в виде идеально гладких полукруглых «рельсов», весьма незначительно. Вот все это и дает возможность развить... безумную скорость, — улыбнулся Муратов.

— Ишь злопамятный! — сказал Болотников. — Ну, спасибо, голубчик. Все ясно. Недаром говорили в старину: «Дело мастера боится». Вы объяснили просто и исчерпывающе. Приближаемся к Полтаве, — прибавил он, посмотрев в огромное, во всю длину вагона, окно.

Шарэкс продолжал мчаться с прежней быстротой. За зеркальным стеклом, сколько хватал глаз, раскинулась панорама огромного города. Высоко в небо уходили шпили высотных зданий.

— Нет, это еще не Полтава, — сказал Муратов. — Это Селена, совсем новый город, выросший за последние пять лет вокруг ракетодрома. Это пригород Полтавы.

— Хорош пригород, — усмехнулся Болотников. — Побольше прежних столиц. Между прочим, я был здесь в последний раз ровно сто лет тому назад; это был сравнительно небольшой город. Я говорю, конечно, о Полтаве, а не о Селене.

Шарэкс начал замедлять ход. Мощный гул, едва слышный внутри вагонов, теперь как будто совсем смолк. А может быть, управлявший поездом автомат выключил двигатели, рассчитав, что инерции хватит до перрона станции.

Селена осталась позади. Быстро надвигались массивы окраинных зданий самой Полтавы.

Более нетерпеливые пассажиры стали подниматься со своих мест. Вагон не имел никаких перегородок, или купе. Он представлял собой одно сплошное помещение, пол которого был застлан мягким, пушистым ковром. Маленькие столики, буфетные и книжные шкафики, переносные экраны телеприемников составляли его обстановку. Кресла можно было ставить где угодно, по желанию пассажиров.

Металлический голос произнес:

— Полтава!

— Прощайте, голубчик! — сказал Болотников. — Мне было очень приятно познакомиться с вами.

— Вы долго пробудете в Полтаве?

— Недели две.

— Тогда не прощайте, а до свидания. Я буду здесь через три дня.

— Встречать. Шестую?

— Вот именно.

— Ну, значит, увидимся, если вы захотите, конечно.

— Обязательно захочу. Кстати, вы знаете, что Гианэя будет здесь?

— Знаю и хочу ее видеть. До сих пор не пришлось. Только на снимках и на экранах.

— Вы хотите с ней познакомиться?

— Даже очень хочу, но как это сделать?

— Гианэю сопровождает в качестве переводчика моя сестра. Подойдите к ней, передайте привет от меня, и она вас познакомит.

— Спасибо! Я обязательно это сделаю. Гианэя меня очень интересует. Кстати, это ее действительное имя? Я хочу сказать, оно так и звучит на их языке?

— Не совсем так. — Муратов произнес медленно, растягивая слоги: — Гий-аней-йа. Вот примерно так звучит это имя. Так представилась она при первой встрече с людьми полтора года тому назад. Мы стали звать ее проще — Гианэя.

— И она?

— Сразу стала отзываться на это имя.

— Вы знаете их язык?

— Знаю все слова, которые смог запомнить. Примерно слов двести.

— Трудный язык?

— Да нет, не очень. Вас удивит то, что я сейчас скажу. В этом языке мне чудится что-то знакомое.

— Как это может быть? Язык чужой планеты...

— Мне самому это странно. Но никак не отделаться от впечатления, что слова звучат знакомо. Может быть, когда будет известно больше... Пока мы знаем немного. Эта странная девушка не хочет знакомить нас со своим языком.

— Но почему?

— На это может ответить только сама Гианэя. Попробуйте!

Шарэкс остановился. Перрон вокзала скрывала глухая стена предохранительного туннеля. В полу образовалось отверстие (казавший сплошным ковер разошелся в этом месте). Откуда-то из нижней части вагона скользнули вниз ступени широкой лестницы.

Болотников еще раз попрощался с Муратовым, еще раз поблагодарил его и вышел. С ним вышло человек десять. Снизу поднялись другие пассажиры.

Муратов не спускался на перрон — он знал, что шарэкс простоят всего четыре минуты.

Прозвучал сигнал отправления. Люк в полу вагона закрылся. Ковер сдвинулся, и нельзя было заметить, где проходит его раздвижной шов.

Вагон чуть заметно покачнулся. Поплыли, рванулись, исчезли стены туннеля, поезд вылетел под открытое небо. Все быстрее и быстрее замелькали дома Полтавы, шарэкс стремительно набирал скорость.

Вскоре город исчез за горизонтом. По обе стороны полотна дороги расстилались бесконечные желтые поля. Всюду виднелись вечелекстры. Огромные, неуклюжие с виду, они медленно ползли среди моря хлебов, и, казалось, им не было числа. Шла вторая в это лето уборка урожая.

Муратов почувствовал, что голоден. Буфетный шкаф «снабдил» его стаканом горячего черного кофе и бутербродами.

Возвращаясь к своему креслу, Виктор вспомнил Болотникова.

«Славный старик! — подумал он. — Чудаковатый, но очень симпатичный. Интересно, как отнесется к нему Гианэя».

С откровенностью, какой не часто обладали люди Земли, девушка другого мира относилась к людям по-разному. Одним она улыбалась, охотно позволяла пожимать свою руку (сама она явно не была знакома с рукопожатием), к другим сразу же выказывала антипатию. Случалось, что она поворачивалась спиной к человеку, желавшему познакомиться с ней. И никогда не отвечала на вопрос, почему ей не нравится тот или иной человек. Было замечено, что чаще всего она хорошо относилась к людям высокого роста, тогда как малорослые люди, почти как правило, не возбуждали ее симпатий.

Первые месяцы пребывания на Земле Гианэя приветствовала людей поднятием открытой ладони до уровня плеча, но потом она перестала это делать. Молча протягивала руку для пожатия, но никогда не отвечала тем же.

«Скучает ли она на Земле? — думал Муратов. — Тоскует ли о своей родине? Почему не хочет ближе, глубже познакомиться с Землей и ее обитателями? Ка-

кую цель преследует Гианэя своим упорным молчанием?»

В том, что Гианэя ведет себя так с какой-то целью, Муратов не сомневался. Существовала причина, и причина серьезная. Но в чем она заключалась?

Муратова раздражала таинственность Гианэи. Именно поэтому он покинул гостью Земли сразу после того, как доставил ее на Землю. Он не терпел загадок, не поддающихся разгадке. А здесь была даже не загадка, а необъяснимая тайна. С первого же дня, с первого момента своего появления Гианэя замкнулась в себе, видимо заранее наметив линию поведения. Муратов знал это лучше других, был свидетелем первых часов и дней.

«Есть причина, есть! — часто думал он. — И кто знает, может быть, эта причина гораздо важнее, чем то, что стремятся узнать у Гианэи наши ученые».

Рукопись, которую он прочел, разговор с Болотниковым снова, в который раз, вернули его мысли к событиям прошлого.

Он помнил, помнил до мелочей все, что предшествовало появлению Гианэи...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Дорогой Виктор!

Очень прошу тебя приехать ко мне. Немедленно. Удалось, наконец, нащупать в пространстве объект, присутствие которого в Солнечной системе подозревалося еще в прошлом веке. Помнишь, я тебе рассказывал о нем. Но мне не все ясно. Какие-то странности. Приезжай! Тряхнем стариной — подумаем вместе. Проблема интересная, не пожалеешь. Приезжай обязательно! Ты мне очень, очень нужен!!!

Сергей».

Муратов дважды прочел короткое письмо друга.

Было ясно, что Сеницын писал, будучи взволнованным или находился в состоянии нервного возбуждения. На это указывали не свойственная ему неряшливость стиля и трижды повторенная просьба приехать. Да и почерк был необычный — неровный, явно торопливый. Это не вяжется с обликом всегда сдержанного, спокойного в словах и жестах астронома. И зачем писать, когда то же самое можно быстрее и проще сказать по радиотелефону.

О каком объекте идет речь? Муратов решительно не помнил, чтобы его друг рассказывал ему что-нибудь подобное.

Дело, конечно, в астрономическом открытии. «Пространство», «Солнечная система» — достаточно ясно. Но ведь Сергей хорошо знает, что он, Виктор, никогда особенно не интересовался небесными телами, знаком с

астрономией только в пределах школьной программы. Какую же помощь он хочет получить?

Проще всего было подойти к радиофону и вызвать обсерваторию, где работал Сеницын. Но Муратов просто органически не переносил, если вставшая перед ним, пусть самая пустяковая, загадка оставалась не разгаданной им самостоятельно.

Так и сейчас. В письме была неясность. Сергей просит приехать, но не пишет зачем. Значит, надо догадаться самому.

Муратов пытливо всматривался в каждое слово.

«Как бы неряшливо и торопливо ни писал человек, — думал он, — владеющая им мысль должна отразиться».

«Странности»! Вот, пожалуй, ключ к пониманию. Сергею удалось (он сам так пишет) открыть что-то новое в Солнечной системе. Факт удивительный сам по себе. Что-то, а Солнечная система как будто исследована вдоль и поперек. И вот обнаруженный им «объект» ведет себя «странно». Сергей не понимает причины. На это указывают слова: «подумаем вместе».

Так! Теперь дальше...

«Тряхнем стариной». О чем может идти речь? Не о спорте же. Они оба любили в дни юности решать совместно запутанные математические задачи. Подходит! В чем могут проявляться «странности» астрономического порядка? Только в движении тела, его орбите. И, наконец, «проблема интересна»! Все ясно! Сергею нужна помощь математика, чтобы разгадать, по какой орбите движется «объект».

Муратов улыбнулся. Стоило думать целых пять минут, когда все ясно и никакой загадки нет.

Он был занят и не расположен бросать работу. Может быть, можно помочь другу, оставаясь на месте? Так ли уж необходимо его личное присутствие?

Муратов подошел к аппарату. Но переговорить с Сергеем так и не удалось. Кто-то из сотрудников обсерватории сообщил, что «Сеницын второй день не выходит из своего кабинета. Заперся и не отвечает ни на какие вызовы». «Что же он, не ест и не спит?» — спросил Муратов. «Похоже на то», — был ответ.

Это вполне соответствовало характеру Сергея. Если что-нибудь поглощало его мысли, он был способен работать сутками без отдыха.

Да, видимо, вставшая перед ним проблема действительно очень интересна!

Не оставлять же трижды повторенную просьбу друга без внимания.

Не колеблясь, Муратов вылетел в тот же день.

Если бы он только мог знать, что последует за этим письмом! Поехал бы он тогда к Сергею?..

Выбросив из головы прежнюю работу, Муратов, как всегда, почувствовал нетерпение начать новую. Три часа показались ему очень долгими.

Трансатлантический лайнер пролетал как раз над местом, где была расположена обсерватория. Посадка предстояла более чем в тысяче километрах западнее. Значит, придется ехать обратно наземным транспортом и терять еще два часа...

Муратов заявил о своем желании высадиться с парашютом.

Бортрадист вызвал обсерваторию. Оттуда ответили, что к месту приземления Муратова вылетит планелет-автомат.

— Вам приходилось раньше прыгать? — спросил один из членов экипажа лайнера, помогая Муратову пристегнуть лямки парашюта.

— Только один раз, еще в школе. А разве это имеет какое-нибудь значение?

— Дело в том, что мы летим на высоте семи километров. Вам придется сделать затяжной прыжок.

— А это что, очень сложно?

— Нет, какая же сложность. Парашют раскроется сам в нужный момент, он автоматический. Но с непривычки свободное падение может быть неприятным.

— Не беспокойтесь, я не страдаю нервами.

Планелет явился через две минуты после приземления, прошедшего вполне благополучно.

А еще через пять минут Муратов уже входил в одно из зданий научного городка, где, как ему сказали, помещался кабинет Синицына.

На стук в дверь не последовало никакого ответа.

Муратов постучал сильнее.

— Я занят, прошу не мешать, — послышался сердитый голос Сергея.

— В таком случае, — смеясь ответил Муратов, — я улетаю обратно. Открой, чудак! Это я — Виктор.

Раздались поспешные шаги, и дверь открылась.

Муратов ахнул от неожиданности и неудержимо расхохотался.

Синицын стоял перед ним в одних трусах и в туфлях на босу ногу. Его лицо было испачкано маслом и какой-то темной краской. Взлохмаченные волосы торчали пучками во все стороны.

Из кабинета пахнуло горячим воздухом.

— Что здесь происходит? Ты что, ремонтом занялся на досуге? Почему здесь такая жара?

— Во-первых, здравствуй! — спокойно сказал Синицын. — Спасибо, что приехал. Ты мне нужен еще больше, чем когда я писал письмо. Прямо позарез. А жара — вот, — он указал на небольшую, кабинетного типа электронно-вычислительную машину, стоявшую у письменного стола. — Эта портативная машинка не рассчитана на тридцать часов непрерывной работы.

— Зачем же ты так терзаешь ее, несчастную? — Муратов быстрым внимательным взглядом окинул кабинет.

Пол был засыпан огромным количеством полиэтиленовых пластинок — программ. Они валялись всюду: у самой машины, на ковре, застилавшем середину комнаты, даже у двери. Видимо, хозяин кабинета бросал их куда попало. Одежда Синицына так же была разбросана по креслам и дивану. Окна наглухо закрыты тяжелыми портьерами. Горела люстра и несколько настольных ламп.

Красноречивая картина. Наверное, Сергей даже не знает, что сейчас день, а не ночь.

— Ничего не получается? — насмешливо спросил Муратов.

— Проклятая загадка! Прямо хоть волосы рви от отчаяния.

— Я вижу, что ты пытался это делать. Послушай, дорогой мой, я тебя не узнаю. Неужели ты рассчитываешь добиться успеха в таком состоянии? Я не спрашиваю, спал ли ты сегодня ночью, ясно, что нет. Но ты хоть ел что-нибудь?

— Кажется.

— Вот именно, кажется. А мне не кажется. Какой час?

— Что который час?

— Приехали! — Муратов пожал плечами. — Ставлю ультиматум: ты немедленно примешь ванну, позавтракаешь и ляжешь спать. Немедленно! Или я сейчас же уезжаю. Понял?

— Спать? — Синицын фыркнул. — Нашел время. Садись и слушай.

— Ничего не буду слушать. Охота мне разговаривать с таким чучелом. На кого ты похож? Жаль, тут нет зеркала.

Муратов подошел к окну и поднял портьеру. Лучи солнца ворвались в кабинет. Он настежь открыл окно.

— Вот именно! — Встретив удивленный взгляд друга, Муратов усмехнулся. — Сейчас два часа дня! Дня, а не ночи, как ты, несомненно, думаешь.

— Два часа?

— Да, по местному времени.

Синицын как-то сразу сник.

— Хорошо, — сказал он, — принимаю твой ультиматум. Выходит, — прибавил он, улыбаясь, — что я «терзаю» машину не тридцать часов, а более чем пятьдесят. То-то она так нагрелась.

— Еще того лучше. Двое суток без сна и пищи! И этот человек хочет решить сложную математическую задачу! Да тут не только твоя машинка, а и электронно-вычислительный мозг Института космонавтики не поможет.

— Он и не может помочь. Ничто не поможет, если я сам или ты не дадим правильной предпосылки. Сто двадцать семь вариантов! — воскликнул Синицын. — Сто двадцать семь! И всё впустую.

— Одевайся! — Муратов поднял вторую портьеру, выключил машину и погасил свет. — Не пойдешь же ты домой так. Здесь не пляж.

Синицын стал медленно одеваться.

Что-то вроде сожаления или досады шевельнулось в душе Муратова. Сергей ляжет и проспит часов десять, не меньше. А что же делать ему все это время?

— А если совсем коротко, — нерешительно спросил он, — в общих словах? В чем дело?

Синицын удивленно взглянул на друга, и оба рассмеялись.

Над континентом Южной Америки звездным покрывалом раскинулась ночь. Луны не было. В окно кабинета хорошо виден блестящий Южный Крест. Непривычные созвездия мерцают в бархатно-черной бездне. Где-то там, между ними, но близко, совсем близко от Земли, проплывает, быть может именно сейчас, таинственная загадка.

Муратов медленно шагает по кабинету, в несчетный раз пересекая его наискось. Окна раскрыты настежь. Горит только одна настольная лампа, освещающая часть стола и панель вычислительной машины.

В кабинете образцовый порядок. Программные карточки, разбросанные Синицыным по всей комнате, собраны и тремя аккуратными стопками лежат на краю стола. На другом краю возвышается порядочная стопка новых, использованных уже самим Муратовым.

Все тщетно! Загадка остается загадкой.

Сто двадцать семь вариантов Синицына и семнадцать Муратова. А воз и ныне там!

Днем они проговорили два часа. К Сергею вернулось спокойствие и присущая ему точность. Подробно и обстоятельно он познакомил Муратова со всей проблемой. Теперь Виктор знает столько же, сколько Сергей.

Конечно, можно обратиться за помощью в Институт космонавтики. Но Сергей не хочет, и Виктор хорошо понимает друга. Сам начал, сам доведи до конца. В институт обратиться все равно придется, но одно дело явиться с законченным открытием, и совсем другое — с пустыми руками. Сознаться в своей беспомощности всегда неприятно. Сергей прав! Он, Виктор, не в счет. Друг от друга у них никогда не было секретов. Если загадку разгадает Виктор, это все равно что сам Сергей.

Но как разгадать ее?

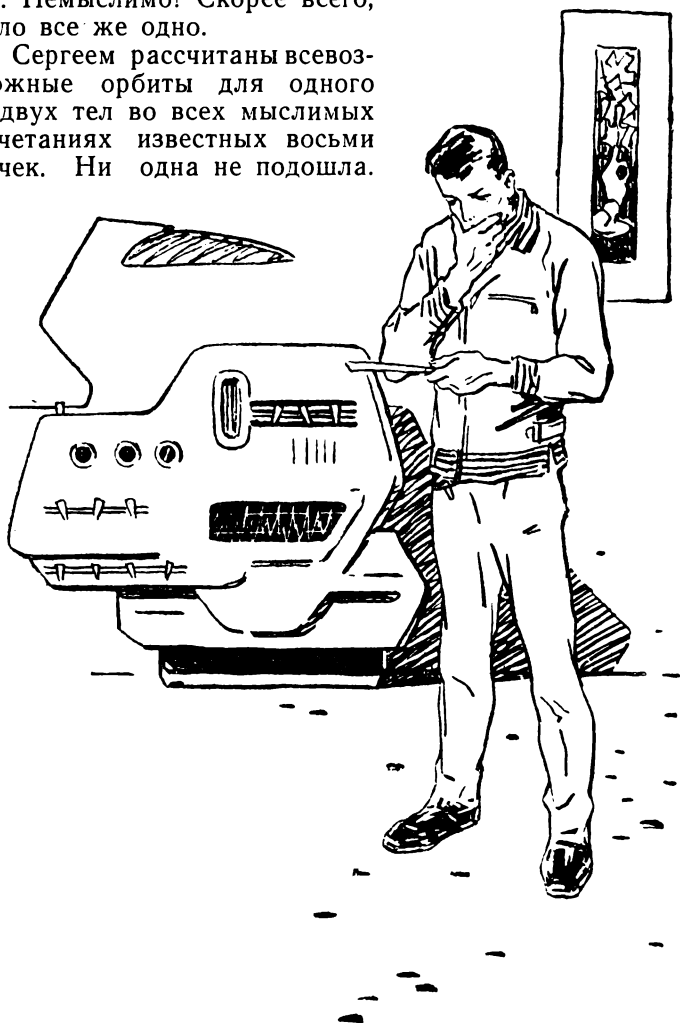
Внешне Муратов спокоен. Но внутри него клокочет буря. Вот уже десять часов, как Сергей непробудно спит. А он все топчется на одном месте, и ни на шаг не приблизился к разгадке. Такого еще не бывало. Правда, и с такой задачей он встречается впервые.

А кажется, все так просто. В течение одной недели радиолокатор восемь раз показал в пространстве неизвестное тело. Восемь точек орбиты! А ведь и трех достаточно, чтобы быстро и точно рассчитать любую.

Но расчеты неизменно заходят в тупик, вступают в вопиющее противоречие с законами небесной механики.

Может быть, тело не одно? Может быть, их два, три или больше? Но Сергей считает, и Муратов согласен с ним, что это невероятно. Несколько тел вблизи Земли, и ни одно не попало до сих пор в поле зрения телескопа. Немыслимо! Скорее всего, тело все же одно.

Сергеем рассчитаны всевозможные орбиты для одного и двух тел во всех мыслимых сочетаниях известных восьми точек. Ни одна не подошла.

Муратов начал было производить расчеты для трех, но вскоре оставил эту затею.

К разгадке надо подходить другим путем. Муратов знает: задача проста. Иначе быть не может. Она только кажется трудной. Стоит напасть на верную мысль, и расчеты не составят труда. Но где она, эта верная мысль? В чем тут дело?

Муратов садится на диван, откидывается на мягкую подушку, закладывает руки за голову. Так лучше думается.

Из окна веет приятной прохладой. Тропический зной ушел вместе с Солнцем на другую половину планеты.

Часы показывают девять. Но это для меридиана Москвы. По местному времени сейчас два часа ночи.

Муратов усмехается. Погнал Сергея спать, а сам... занял его место и не спит вот уже двадцать пять часов.

Но он ни за что не ляжет, пока Сергей не выспится. Сменяя друг друга, они будут работать до тех пор, пока не решат задачу или не найдут хоть сколько-нибудь приемлемую гипотезу. А тогда уже можно не краснея обратиться в Институт космонавтики.

Итак, что известно?

Муратов вспоминает рассказ друга...

Первый намек появился еще в двадцатом веке. В 1927 году К. Стермер заметил необъяснимое отражение радиолуча от какого-то тела, находившегося недалеко от Земли. Какого? Это осталось неизвестным. Тогда почему-то не обратили внимания на сообщение Стермера. Через пятьдесят лет история повторилась. И снова никто не заинтересовался странным явлением — радиолуч отражается как будто от пустого места. Оба факта объяснили ошибкой наблюдателя. В самом конце двадцатого века произошел едва не ставший трагическим случай с рейсовым звездолетом «Земля — Марс». В двухстах тысячах километров от Земли звездолет встретился с неизвестным небесным телом, приближение которого к кораблю не было своевременно замечено очень точными и чувствительными приборами штурманской рубки. Что-то скользнуло по борту, оставив след в виде глубокой вмятины. По счастью, все обошлось благополучно, звездолет не успел еще развить полной скорости. «Естественное» объяснение нашлось и здесь — метеорит, неисправность локаторов. И вот совсем не-

давно появился четвертый факт. И снова это случилось на звездолете. Грузовой корабль взял старт на Венеру. На борту находились строительные материалы и научное оборудование для сооружаемой на планете станции службы Солнца. Экипаж корабля состоял из командира, штурмана и радиста. Почти сразу после вылета поступило сообщение, что локаторами обнаружено какое-то тело, диаметром в сорок метров, летящее наперерез курсу корабля. Скорость опять-таки была еще незначительной, и это дало возможность вовремя затормозить звездолет и избежать столкновения. Штурман успел направить имевшийся на борту небольшой телескоп точно по лучу локатора, но ничего не увидел. Радист корабля сообщил, что по мере того как неизвестное тело приближалось к звездолету, ослабевал сигнал на экране локатора, а в момент наибольшего сближения совсем исчез. Это было уже никак необъяснимо. «Отделаться» ссылкой на метеорит или на неисправность приборов на этот раз было совершенно невозможно — факт подтверждали записи автоматов. В Институте космонавтики встревожились. Неведомое тело, прозядающее безопасности межпланетных путей, надо было найти во что бы то ни стало. Обсерватории приступили к поискам. Синицын включился в них с самого начала. В его распоряжении находилась очень мощная новейшая радиолокационная установка, с помощью которой на обсерватории велись работы по «лунному профилю». Круглые сутки, днем и ночью, невидимый луч прощупывал пространство в радиусе четырехсот тысяч километров от Земли. И вот неделю тому назад, придя утром на работу, Синицын увидел на ленте самопишущего прибора долгожданный сигнал. В три часа пятьдесят девять с половиной минут на высоте в двести восемнадцать тысяч километров пролетело какое-то тело Сорока метров в диаметре. Оно двигалось с востока на запад, то есть навстречу вращению Земли. Через двое суток, но уже днем, на том же участке неба, но на другой высоте, локатор вновь «увидел» что-то того же размера, что и в первый раз, но летящее с другой скоростью. И так восемь раз. Все наблюдения сходились в отношении размеров, но расходились в высоте и скорости. Ни одного полного совпадения. Попытка увидеть, наконец, таинственное тело в визуальный телескоп не привела ни к чему, его

не удалось обнаружить. Это никого не удивило: телескоп направляли приблизительно, да и тело было очень мало. К тому же его орбита неизвестна. В Институте космонавтики уже знали, что первый успех достигнут, и там ждут от Синицына подробного донесения...

Неужели придется все-таки расписаться в своей несостоятельности?..

Муратов больше часа сидит не меняя позы, и напряженно думает. Первоначальное убеждение, что тел не может быть несколько, постепенно бледнеет, заменяясь уверенностью, что их именно несколько. И не три или четыре, а два. К такому выводу приводит мысленный анализ всей работы, проделанной Сергеем и им самим. Два, только два! Они вращаются вокруг Земли, находясь всегда напротив друг друга по обе стороны планеты.

Но ведь такое предположение приходило в голову и Сергею. И он занимался вычислением возможных орбит. И пришел к бессмыслице.

Усомниться в правильности вычислений друга Муратов не может, такая мысль даже не возникает. У Сергея все правильно, все, кроме...

Муратов вскакивает с дивана и подходит к столу. Да, надо проверить и такой вариант, даже если он выглядит фантастическим. Сергей исходил из предпосылки, что они имеют дело с двумя естественно возникшими телами, движущимися по законам тяготения. Тогда, конечно, ни одна из мыслимых орбит не будет соответствовать фактическому движению тел, но если они... искусственные...

А в пользу подобного предположения говорит многое.

Во-первых, тела невидимы в визуальный телескоп даже с близкого расстояния (случай на грузовом звездолете). Это можно объяснить тем, что они окрашены в абсолютно черный цвет и не отражают лучей Солнца. Естественные тела не могут иметь такой окраски. Во-вторых, локаторы «видят» их издали и не «видят» вблизи. Это объяснить труднее, но можно предположить (фантазировать, так до конца), что те, кто запустил их, хотели затруднить людям нахождение этих тел. Как это сделано, — вопрос другой. И, в-третьих, тела движутся навстречу движению планет, навстречу вращению Земли. Такое явление, правда, встречается в природе, но очень редко.

Итак, искусственные спутники Земли, запущенные откуда-то со стороны!

Цепкая память Муратова услужливо напоминает, что такая гипотеза была высказана в двадцатом веке. Когда-то он читал о ней. Как фамилия автора? Муратов напрягает память. Да, Брейсуэлл.

«Но ведь искусственные спутники, созданные людьми, движутся по законам тяготения, — думает он. — Да, но только потому, что они летят по инерции, не имеют двигателей. При наличии посторонней силы орбита может принять самые причудливые очертания».

Облегчает ли задачу эта новая предпосылка? Нет, скорее, затрудняет. Как угадать траекторию, если совершенно не известна ее цель?

Но все же надо попытаться. Известно восемь точек. Они принадлежат двум орбитам. Какие какой — неизвестно. Но комбинаций восьми точек по четыре не так много. А если одной орбите принадлежат три, а другой — пять? Или как-нибудь иначе?

Неожиданно возникает еще одна мысль. Муратов даже вздрагивает, настолько она проста и очень, очень важна. Ведь если предположить, что тела искусственные, то естественно вытекает и другое соображение: они не сплошные, а полые. Это сильно изменяет массу, а следовательно, и все расчеты. И, конечно, не каменные, а металлические. Тогда может случиться и так, что одна из орбит, вычисленных Сергеем для двух лет, правильна, если внести в нее поправку на массу. Муратов начинает просматривать все записи Сергея сначала. Как ни нервничал Синицын во время работы, а записи и выводы предельно ясны, лаконичны и точны. Укоренившаяся привычка действует бессознательно...

В тропиках рассветает быстро. Лучи поднявшегося Солнца разгоняют мрак в углах кабинета. Лампа светит уже тусклым желтым пятном. Но Муратов не замечает этого. Пластинки-программы исчезают в машине одна за другой. На маленьком экране четко выступают результаты вычислений. Электронный математик хорошо помогает живому.

Орбиты, орбиты, орбиты! Только о них может думать Муратов, только они одни в его сознании. Ни для чего другого нет места!

Ровно в девять утра Синицын, свежесбранный, тщательно причесанный, в легком белом костюме, оживленный и даже веселый на вид, подошел к двери своего кабинета. Но веселость только внешняя, на душе тревожно и смутно. Удалось ли Виктору хотя бы отчасти, хоть в чем-нибудь подойти к разгадке? Возникла ли у него какая-нибудь новая мысль, могущая пролить немного света в потемки космической тайны?

Синицын хорошо знал проницательный ум Виктора, его огромные математические способности. И у него сильно развита черта, очень полезная для исследователя, черта, которой совсем нет у самого Синицына, — сила воображения. Синицын — практик, Муратов — теоретик.

Семнадцать часов работы (Синицын ни минуты не сомневался, что Виктор работал всю ночь) должны были что-то дать.

Нельзя медлить. Из Института космонавтики в любую минуту может прийти требование передать им все материалы. И нельзя будет отказать, никак нельзя. Синицын хорошо знал, что межпланетные трассы временно закрыты, звездолеты стоят на ракетодомах, ожидая, пока не будет очищено пространство возле Земли. А многочисленные экспедиции, находящиеся на Венере, на Марсе, на спутниках больших планет, на астероидах! Им закрыт путь к Земле. Все ждут!

Открыв дверь, Синицын в изумлении остановился на пороге.

Портьеры опущены, в комнате полумрак. Заложив руки за голову (знакомая поза!), на диване безмятежно спит Виктор!

Но изумление сразу же сменяется сильнейшим волнением. Неужели?!

И радость, безмерная радость, наполнила все существо Сергея. Он стремительно кинулся к столу, не сомневаясь, что найдет там что-то бесконечно важное, решающее! Разве мог Виктор заснуть, не найдя разгадки!

И действительность не обманула его ожиданий.

На небольшом листке бумаги, вырванном из блокнота, Синицын прочел:

«Сережка, кричи ура! Сегодня вечером получим фотоснимок твоего «объекта». А завтра утром — второго.

Орбита на экране. Любишь! Вторую вычисляй сам. Что я тебе — верблюд? Устал, как собака! Спокойной ночи!

Виктор.

Так и быть, подскажу! Оба «объекта» имеют одну и ту же массу. Учти!»

2

Ведущие ученые Института космонавтики не были расположены терять время. Слово сразу было предоставлено Синицыну.

Он доложил коротко:

— Вокруг Земли, вероятно, очень давно, обращаются два искусственных спутника неземного происхождения. Оба одного размера, полые внутри. Форма продолговатая. В продольном сечении — эллипс, в поперечном — круг. Длина сорок метров. Но это может оказаться не совсем точным. Орбиты спиральные. Оба тела то приближаются к Земле, то удаляются от нее. Вывод, подтвержденный наблюдениями с помощью локатора, — скорости все время меняются. Среднее расстояние от центра Земли: первого спутника — двести восемнадцать тысяч километров, второго — сто восемьдесят шесть тысяч. Спутники, вероятно, металлические, но удельный вес материала определить нельзя: неизвестно, что находится внутри. Средняя скорость первого спутника — пять с половиной километров в секунду, второго — семь. Полученные данные дают все основания предполагать, что на обоих спутниках все еще работают какие-то двигатели, хотя их появление вблизи Земли надо отнести к 1927 году или раньше. При движении по спиральным орбитам по инерции они давно бы упали на Землю или на Луну. Орбиты вычислены известным математиком Виктором Муратовым и частично — мною. Положение обоих спутников на их орбитах точно отмечено на ноль часов сегодняшних суток и может быть легко вычислено для любого момента. Но увидеть их непосредственно в визуальный телескоп до сих пор не удалось, хотя диаметр — сорок метров — вполне достаточен для этого. Муратовым высказано предположение, что они абсолютно черные и потому невидимы, так как не отражают

лучей Солнца. Мы сделали попытку получить фотографию в инфракрасных лучах. Ведь если они черные, то должны быть сильно нагреты солнечными лучами. Но изображения не получилось, несмотря на многочасовую выдержку. То же произошло с применением пластинок, чувствительных к ультрафиолетовым, а также рентгеновым лучам. Мне лично кажется, что спутники не абсолютно черные, а как раз наоборот — абсолютно белые. Здесь труднообъяснимая загадка. Вот все, что я могу доложить совету в данный момент. На нашей обсерватории работы по наблюдению за спутниками с помощью радиолокатора продолжают.

— А фотографию в гамма-лучах вы не пытались получить? — спросил кто-то.

— Таких пластинок у нас не было, но мы их требовали. Как только получим, сделаем и такую попытку.

— Мы не можем ждать и спокойно производить опыты, — сказал председатель научного совета Института космонавтики — профессор Генри Стоун. — Все звезды Земли бездействуют, все работы в космосе остановлены. Такое положение нетерпимо. Мы должны точно знать, и как можно скорее, что представляют собой эти тела. Основывать безопасность межпланетных сообщений на гипотезах и непроверенных данных невозможно. Если тела невидимы по какой бы то ни было причине, то нет уверенности в том, что орбиты вычислены правильно...

— И я, и Муратов уверены в этом, — вставил Синицын.

— Если тела невидимы, — повторил Стоун, мельком взглянув на Синицына, — то остается одно — отправиться к ним и, так сказать, ощупать их руками. Прошу товарища Синицына не обижаться. Он сам доложил нам, что, по его мнению, спутники имеют работающие двигатели и что скорости все время меняются. Где гарантия, что орбиты не изменятся? Это может случиться в любой момент. Мы не знаем, кто и как управляет ими. Люди? Это маловероятно. Но не исключен электронный мозг. А его программа нам не известна. Споры и дискуссии отложим до более подходящего момента. Первый вопрос: можно ли полностью доверять полученным данным?

— Имя Муратова нам известно, — ответил молодой с виду, но в действительности шестидесятилетний профессор Метьюз. — Синицына мы тоже хорошо знаем. По-моему, можно считать, что орбиты спутников в настоящее время соответствуют их вычислениям. Скажите, — обратился он к Синицыну, — ваши траектории совпадают со всеми восемью ранее известными точками?

— Да, совпадают полностью. Радиолокатор три раза засек более далекого спутника и пять раз более близкого.

— А другие комбинации вы пробовали? Например, четыре и четыре?

— Пробовали все возможные сочетания. Кроме того, сегодня утром локатор вновь «поймал» близкого спутника. И его местонахождение совпало с вычисленным.

— Это достаточно убедительно.

— Каково мнение остальных? — спросил Стоун.

Все десять присутствующих согласились с Метьюзом.

— Тогда ставлю второй вопрос: нужно ли посылать корабли на поиски этих спутников? И если да, то сколько — один, два или больше?

Совет высказался за посылку двух кораблей, к обоим спутникам одновременно.

— И, наконец, — сказал Стоун, — третий вопрос: является ли такая экспедиция безопасной?

Синицын встрепенулся. Стоун затронул вопрос, который они с Виктором обсуждали сегодня утром.

— Разрешите слово!

— Прошу вас, товарищ Синицын.

— Я хочу познакомить вас, — начал Сергей, — с мыслями, возникшими у меня и Виктора Муратова по вопросу о безопасности приближения к спутникам земных звездолетов. Мы имеем дело с двумя ракетами-разведчиками, посланными учеными другого мира для изучения нашей планеты на расстоянии. Несомненно, что оба спутника как-то передают информацию тем, кто их к нам послал. Все это, хотя и достаточно необычайно, но, в конце концов, естественно и нам понятно. Странно и даже таинственно другое. Сделано все, чтобы мы, люди Земли, как можно дольше не знали о существовании этих спутников. Спиральные орбиты, меняющиеся

скорости, окраска, а может быть, и самый материал, делающий их невидимыми визуально, и, наконец, помехи, безусловно искусственные и преднамеренные, мешающие локация этих тел, особенно с близкого расстояния. Столько предосторожностей сразу не случайны, а намеренны. И самое интересное, все эти меры рассчитаны на технику, бывшую на Земле в первой половине двадцатого века, то есть тогда, когда спутники, надо думать, и появились возле Земли. Это говорит за то, что разведка не первая! Те, кто послал к нам непрошенных гостей, хорошо знают нашу планету, знают, что она населена разумными существами, знают уровень нашей науки и техники. Вернее, знали сто лет назад. Но возможно, что они знают и современную Землю. Недаром они так затруднили поиск и нахождение своих разведчиков. О чем все это говорит? Допустим, что мы сами послали бы таких разведчиков в соседнюю солнечную систему, к какой-нибудь планете этого солнца. Стали бы мы принимать меры к тому, чтобы обитатели этой планеты не заметили бы наших посланцев? Конечно, нет! Наоборот, мы сделали бы все от нас зависящее, чтобы их заметили, потому что мы рассматривали бы их как средство общения с разумом иного мира, как средство дать им знать о нашем существовании. Так и только так должны поступать разумные существа любого мира. Но мы видим совсем другую картину.

Не с целью начать общение с нами посланы эти разведчики. Цель другая. И мы, люди Земли, не должны знать этой цели. Вот над чем надо подумать.

Члены совета с большим вниманием выслушали Синицына.

— Выходит, — сказал после долгого молчания профессор Метьюз, — что мы встретились с тем, что всегда отрицалось в деле общения миров. Первая встреча с чужим разумом и... злые намерения!

— Нет, почему же? — Синицын с трудом заставил себя возразить. Они с Виктором пришли как раз к такому же выводу, что и Метьюз. — Не обязательно злые. Можно допустить даже, что намерения самые дружеские. Например, так: разведчики опасны, с ними надо быть очень осторожными... Ведь уровень развития, которому доступны такие эксперименты, исключает низкие побуждения! — воскликнул он, видя сомнение на

лица слушателей. — Они могут быть опасны для нас! Предосторожности, принятые теми, кто их послал, могут означать: «Внимание! Опасность!» А если они из анти-вещества? Это уже мое личное заключение, — упавшим голосом заметил Синицын.

— Вы от него откажетесь сию же минуту, — улыбнулся Стоун. — Вспомните случай с рейсовым звездолетом «Земля — Марс». Неизвестное тело коснулось борта корабля. Теперь мы знаем, — это был один из спутников. Коснулось, оставило вмятину, но никакой аннигиляции не произошло.

— Верно, я забыл об этом, — согласился Синицын.

— То, что мы сейчас слышали, — продолжал Стоун, — верно это или неверно, подтверждает обоснованность моего вопроса: является ли намеченная экспедиция безопасной? Я только что опроверг поспешную выдумку Синицына. Мы все хорошо понимаем, что побудило его срочно искать объяснение. Это делает честь его человеческим качествам. Теперь я хочу опровергнуть самого себя. Я недавно говорил, что присутствие на спутниках людей или вообще разумных существ сомнительно, маловероятно. Но я упустил из виду, что эти спутники находятся здесь уже сто лет, а может быть, и больше. Живые существа исключаются. Даже если обитатели того мира очень долголетни, все равно нет смысла запирается в тесном помещении на сто лет. Если есть управление, то оно или осуществляется со стороны, или это электронный мозг. Тогда, может быть, не следует рисковать? Может быть, просто уничтожить оба спутника — и дело с концом? Я склоняюсь к мнению, что злого намерения нет и не было. Но все равно свою роль для тех, кто их послал, эти спутники давно выполнили.

— Этого мы никак не можем знать, — возразил член совета Станислав Лещинский. — Если двигатели работают до сих пор, значит, они были рассчитаны на это время и, следовательно, еще нужны. Но не в том дело, нужны эти спутники тем, кто их послал, или не нужны. Уничтожить их мы имеем полное моральное право. Их хозяева с нами не считаются и нас не спрашивают. Они о нас даже не думают. Не могут же они не понимать, что невидимые тела по соседству с планетой, на которой техника дошла до межпланетных сообщений, представ-

ляют собой большую опасность. Мне кажется, что вопрос можно ставить только о том, нужны ли эти спутники нам самим. Нужно ли нам познакомиться с их конструкцией, двигателями, установленной на них аппаратурой? Если это желательно, надо не только найти их, но и проникнуть внутрь. Если нет, тогда уничтожить, не рискуя.

— Здесь вряд ли будут два мнения, — сказал Стоун. — Техника двух миров не может быть совершенно идентичной. Что-нибудь полезное обязательно найдется. Например, методы локационных помех, «невидимость», способ передачи информации через бездну пространства, разделяющую соседние системы. К тому же мы не знаем — соседние ли?

— Значит, и говорить не о чем. Нужно, и точка. — Лещинский решительно «отрубил» это слово, ударив ребром ладони по столу. — Но раз мы знаем, что возможна опасность, то не следует посылать два корабля к обоим спутникам, как мы решили. Пошлем один, сначала к первому, потом ко второму. И лететь на нем должны только добровольцы.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Стоун. — А как могут быть не добровольцы?

— Я говорю в том смысле, что участники экспедиции должны хорошо знать, что рискуют жизнью. Но вы правы, — улыбаясь Лещинский, — слово «добровольцы» — анахронизм.

— Желающих найдется больше, чем надо. Но это страшные слова: «рискуют жизнью»! — Стоун наклонился вперед и обвел взглядом членов совета. — Предлагаю каждому подумать и решить, стоит ли игра свеч?

Воцарилось молчание.

— Стóит! — первым произнес Метьюз.

— Стóит! — повторил Лещинский.

— Стóит!.. Стóит!..

— Тогда я прошу доверить мне руководство экспедицией, — сказал Стоун.

— И включить в нее меня и моего друга Муратова. По-моему, мы заслужили это право, — прибавил Синицын.

— Муратова здесь нет.

— Это не играет роли. Я говорю за него.

— С его согласия?

— Нет, мы с ним не говорили об этом. Но я ручаюсь...

— Хорошо. Значит, уже трое. Я думаю, что достаточно четырех-пяти человек.

— Весьма признателен, — Муратов подчеркнуто церемонно поклонился. — Ты очаровательно любезен. Но что, если у меня нет никакого желания отправляться в пространство?

— Пространство? — Синицын пожал плечами. — Это рядом с Землей. Ближе, чем до Луны.

— Предположим, что это даже на самой Земле...

— Ну и что же?

— Вот именно, ну и что же?

— А ну тебя! — Синицын возмущенно отвернулся от друга. — Что это за человек! Ему оказывают такое доверие, а он... Можешь отказаться! Вот, пожалуйста... — сердитым жестом он указал на столик, где стоял радиоприемник.

— А мне не от чего отказываться. Я ни на что не соглашался. Какое мне дело? Сам зачислил меня в состав экспедиции, сам и отчисляй.

Синицын вскочил и кинулся к аппарату.

— Стой! — Муратов успел схватить друга и с силой бросил его обратно в кресло. — Шуток не понимаешь! Разве я пушу тебя одного, если существует опасность? Кто будет за тобой смотреть? Когда надо лететь? — спросил он деловым тоном.

— Через неделю.

— Так бы и говорил. Я успею закончить свою работу, уже раз прерванную из-за тебя. А почему такое промедление? Ведь задерживаются все звездолеты.

— Опасности больше нет. Местонахождение обоих спутников известно.

— А если они изменяют орбиту?

— Это заметят вовремя. За ними непрерывно следят почти что все локаторы обсерваторий земного шара. Мы с тобой дали им хорошую основу для наблюдений.

— А здорово получилось, правда?

— Не хвастайся! Сам знаешь, что случайно попал на верную мысль.

— О, нет! Не случайно. Какая же случайность, если все естественные орбиты отпали одна за другой. Это логика.

— Или фантазия.

— Или фантазия, — согласился Муратов. — Этот фактор никогда не следует забывать. В науке фантазия необходима. Если бы ты обладал ею, то не пришлось бы кричать «караул!» и звать меня на помощь.

— Раскудахталась курица! — с досадой сказал Синицын. — Снесла яйцо и воображает, что Рим спасла.

— То гуси были. Но ты не ответил на мой вопрос. Почему такая задержка?

— Корабль надо оборудовать. Стоун устанавливает на нем, кажется, все приборы, существующие в технике наблюдений. Попробуй найти то, что невидимо, да еще в пространстве.

— Ага! Все-таки в пространстве. А ты говорил... Ну ладно, не буду придираться к словам. Да, задачка! Кстати, у меня есть кое-какие соображения по этому поводу. Вот, например... Пусть весь корпус спутника из немагнитного материала. Внутри, наверно, имеются металлические части...

— Магнитные? Предусмотрено. Будут и такие приборы.

— Знаю. Не мешай! — Муратов стал медленно ходить по комнате из угла в угол. — Пусть эти тела не поглощают лучей Солнца и не нагреваются ими. Двигатели у них есть? Есть! Значит, должно быть и какое-то тепло. Очень слабое, но должно быть. Значит, они покажутся, с близкого расстояния, на инфракрасном экране. Между прочим, твое мнение, что они абсолютно белые, не выдерживает критики. Погоди, не спорь! Потом! Мое предположение, что они абсолютно черные, тоже сомнительно. Но ведь я не спорю. Пойдем дальше. Можно уверенно сказать, что со спутников передается информация. Как? Скорее всего с помощью ультракоротких волн. Значит, передатчик можно запеленговать. Это уже три! Тел без массы не существует. Массу спутников мы знаем, она достаточно солидна. С Земли будут следить за нашим кораблем и за спутниками. Нам сообщат, когда мы приблизимся к ним. Пусть мы их не увидим и не нащупаем никакими приборами. Две массы в пустом пространстве. Ведь практически оно пустое, правда?..

Сами сойдутся вплотную. Это четыре! Спутники и все, что на них находится, не могут быть совершенно прозрачны. Их можно увидеть просто глазами, как темное пятно на фоне звездного неба. Конечно, опять-таки с близкого расстояния. Это пять! Ну, вот теперь, пожалуйста, можешь спорить.

— Не собираюсь! — Синицын смеющимися глазами смотрел на приятеля. — Все верно. Но я вижу, что руководство экспедицией ошибочно доверено Стоуну. Следовало назначить тебя. Теперь ты погоди. Обижаться будешь потом. Итак, Виктором Муратовым найдено пять способов обнаружить спутники в пространстве. Я ведь тебя знаю: раз замолчал, значит, ничего больше не приходит в голову. А вот Стоуну пришлось! Вздогнул, голубчик! Гравитонный определитель массы — раз! Гамма-прожектор — два! Руки вверх! Ложись на обе лопатки!

Несколько секунд Муратов озадаченно смотрел на Синицына. Потом он наклонился к самому его лицу и сказал заговорщицким тоном:

— Значит, семь? Только семь и больше нет? Найденный спутник будем ощупывать. Руками. А не хочешь увидеть его? Глазами? Поверхность у него есть? Пусть невидимая, но есть? А если ее окрасить? Распылитель — восемь!

Лицо Синицына сразу стало серьезным.

— Этого, кажется, не предусмотрели, — сказал он. — Надо немедленно сообщить Стоуну. Молодец, Витька!

3

Достижения технической мысли поражают воображение людей только первое время, пока они еще новы и непривычны. Человек быстро приспосабливает свое сознание к новым условиям, и то, что совсем недавно казалось ему чудесным, становится обыденным.

Когда, в начале двадцатого века, появились аэропланы, когда человек впервые поднялся в воздух, казалось, что летать могут только избранные, что для этого нужны особая смелость, особые черты характера и физического здоровья. Но прошло сравнительно немного времени, и пользование воздушным транспортом вошло

в обиход, перестало удивлять людей; в самолет стали садиться, как раньше — в наземный экипаж или поезд, без каких-либо эмоций.

То же произошло и с ракетами. Реактивные самолеты незаметно приучили людей к мысли, что летать можно и без крыльев. И когда ракеты вошли в строй пассажирского транспорта, не потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к ним.

А от полета на ракете в атмосфере до такого же полета вне ее — один шаг. И этот шаг люди сделали совсем уже незаметно. Период освоения космических трасс, полный романтики подвига, прошел очень быстро. И первый пассажирский рейс Земля — Луна был воспринят как нечто само собой разумеющееся и обыденное.

Сознание человечества просто и естественно перешло от земных масштабов к масштабам космическим.

Виктору Муратову до сих пор не приходилось покидать Землю. Как-то так случилось, что даже в годы обучения, сперва в школе, а затем в институте, он не принял участия ни в одном предусмотренном программой полете на Луну. Он не помнил, болел ли он тогда или была другая причина.

Но когда друг детства и юности зачислил его в состав экспедиции, отправлявшейся на поиски таинственных спутников Земли, Муратову даже в голову не пришло, что его ожидает что-то необычайное, выходящее из рамок обыденной жизни. Он отнесся к предстоящему ему полету в пространство, как мог бы отнестись человек первой половины двадцатого века к предложению совершить путешествие на ледоколе в Арктику. Это было непривычно, но не заключало в себе ничего, что могло бы вызвать особое волнение. Сотни и тысячи таких же, как он, людей совершали гораздо более дальние перелеты в космосе. Ничего поражающего воображение здесь не было.

Условия жизни на звездолетах были хорошо всем знакомы со школьной скамьи. Тренировки на вибростендах и в антигравитационных камерах давно уже входили в программу физического воспитания школьников. Люди оканчивали учебный период своей жизни полностью подготовленными к любому космическому полету.

Мысли Муратова были заняты не полетом, а его целью. Чем больше думал он об этой цели, тем слабее становилась его уверенность в успехе экспедиции. Десятки возможных препятствий приходили ему в голову, и каждого из них было вполне достаточно, чтобы свести на нет все усилия. Он нисколько не сомневался, что спутники действительно являются разведчиками другого мира и что те, кто направил их к Земле, сделали все, чтобы обеспечить их неуязвимость. Удастся ли преодолеть трудности?

Сомнения Муратова разделялись всеми членами научного совета Института космонавтики.

И они оправдались.

Задача, вставшая перед экспедицией, оказалась гораздо сложнее, чем могли думать...

Как ни странно, но самый факт, что возле Земли обнаружены два искусственных спутника — порождение иного разума, иного мира, нисколько не поразил воображение не только ученых, но и широкой общественности. Люди давно привыкли к мысли, что рано или поздно будут получены прямые доказательства существования разума вне Земли. И когда это действительно случилось, никто не удивился. Реакция человечества выражалась одним словом: «Наконец-то!»

Предположение, что хозяева спутников могут оказаться не братьями, а врагами, решительно отвергалось подавляющим большинством. Это было чудовищно, нелепо, невозможно! Разум, способный послать разведчиков в чужую систему, способный создать таких разведчиков, не мог быть заражен чувствами вражды или ненависти к другому разуму.

«Но почему же тогда они так затруднили нам знакомство с этими спутниками?» — спрашивали сомневающиеся.

«Этого мы не знаем, — отвечали им. — Но узнаем потом. Не следует забывать, что спутники были посланы в эпоху, когда на нашей Земле существовали такие явления, как вражда народов и войны. Ведь все указывает на то, что Земля давно и хорошо знакома им. А зная людей того времени, они не хотели знакомить нас с техникой, могущей быть использованной во зло. Например, с атомной техникой, которой сто лет назад еще не было у нас».

Это звучало вполне правдоподобно.

Но в узком кругу работников космонавтики, в кругу тех, кто должен был во что бы то ни стало войти в непосредственный контакт с разведчиками, не могли пренебречь, пусть маловероятной, но возможной гипотезой «враждебности». Ее надо было учитывать, и ее учитывали.

Корабль был оборудован всеми способами защиты от любой опасности, которую могли только предвидеть.

И в назначенный день, памятный всем людям Земли, экспедиция началась.

Прошло сорок два часа. Звездолет «Герман Титов» — летающая лаборатория Института космонавтики, находился на параллельной орбите к ближайшему от Земли спутнику-разведчику, держась от него на незначительном расстоянии.

Наземные обсерватории, наверное уже в пятнадцатый раз, передавали, что координаты корабля и спутника совпадают, что оба они фиксируются локаторами в одной и той же точке и, следовательно, находятся на одной прямой, по «лучу зрения» локационной установки.

Но спутник никак не удавалось обнаружить.

Многочисленные приборы, расположенные на огромном стенде, занимавшем большую часть рабочего помещения корабля, упорно бездействовали. Только гравитонный определитель, или, как его чаще называли, гравиметр, показывал присутствие какой-то значительной массы в близлежащем пространстве, которое глазу казалось совершенно пустым.

Спутник, несомненно, находился где-то тут, совсем рядом.

К несчастью, показаний одного только гравиметра было недостаточно, для того чтобы подойти к невидимому телу. Необходимо было нащупать его другими приборами, которые показали бы не только массу, но и точное направление на нее, а также расстояние.

А этих данных все еще не было.

Спутник явно не изъявлял желания легко «даться в руки»...

Сначала все шло гладко. Командир «Титова», опытный астролетчик Юрий Вересов, уверенно вывел свой

корабль на нужную траекторию и, пользуясь указаниями с Земли, «пристроился» к спутнику, что называется, вплотную. Тогда же поступило первое сообщение о совпадении координат. Казалось, что цель достигнута и остальное просто: пришвартоваться борт к борту и начать обследование «гостя».

Но так только показалось...

Медленно и осторожно приближался «Титов» к цели. Никто не знал, что ожидает людей в непосредственной близости к «чужеземцу», как встретит он земной звездолет, какие средства «защиты» установили на нем неизвестные хозяева.

Было вполне возможно, что они решили ни при каких обстоятельствах не позволить людям Земли ознакомиться со своим разведчиком, не зря же были приняты столь многочисленные меры предосторожности.

В одном только можно было быть вполне уверенным: спутник не из антивещества!

— Он может взорваться, если мы подойдем к нему слишком близко, — предположил Стоун. — Не пора ли послать вперед робота?

— Пожалуй, рано, — ответил Синицын. — Надо подойти ближе.

— А кто может сказать, близко мы или далеко? — отозвался Вересов.

— Во-первых, об этом говорит гравиметр. Его показания еще не достигли вычисленной нами массы спутника. Значит, он еще далеко. А во-вторых, должны же проснуться другие приборы. Какая бы защита ни была установлена на спутнике, земные локаторы пробивают ее. Значит, и мы можем нащупать спутник, будь он хоть трижды невидим. Инфракрасный... — Синицын осекся на полуслове...

Стрелка гравиметра резко качнулась влево. И почти в тот же момент несколько наземных обсерваторий сразу сообщили, что спутник отделился на экранах локаторов, ушел вперед, увеличив скорость.

Невольно явилась мысль — случайно ли?

— Словно почуял нас, — сказал Муратов.

Вересов включил ускорение.

Примерно через час положение снова стало прежним. Стрелка гравиметра пошла вправо,

Муратов не отрывал глаза от окуляра телескопа. Ему было поручено визуальное наблюдение, но до сих пор он еще ничего не увидел. И вот ему показалось, что сплошная россыпь звезд, окружавшая звездолет со всех сторон, заслонила в одном месте чем-то непрозрачным. Точно призрак чего-то большого и темного закрыл немерцающие точки светил, образовав черный провал в глубину космоса.

Но видение мелькнуло и пропало. Удалось ли, наконец, увидеть таинственный спутник, или это было обманом уставшего зрения?..

Муратов ничего не сказал товарищам о своем наблюдении. Это все равно не могло ничем помочь им.

Вересов снова начал осторожное приближение, руководствуясь только стрелкой гравиметра, которая медленно ползла вправо.

Неведомая масса приближалась.

Стоун уже протянул руку к кнопке. Легкое нажатие — и от корпуса «Титова» отделится маленькая, но мощная ракета космического робота-разведчика. Направляемая портативным гравиметром, она устремится к соседней массе, чтобы плотно прижаться к ней, посылая на борт корабля сигналы своих чутких приборов, способных услышать «неслышимое» и увидеть «невидимое».

Что-то мелькнуло на инфракрасном экране...

И... снова резкий рывок стрелки влево. Минута ожидания — и голос с Земли сообщил: спутник опять отделился, затормозил, отстал!

Это уже походило на сознательное действие.

Вересов включил тормозные двигатели.

— Так может продолжаться до бесконечности, — сказал он как бы про себя, но достаточно громко.

На этот раз Синицыну удалось заметить отрывистый сигнал радиопеленгатора. На сверхультракоротких волнах прошла передача. Она не могла иметь земное происхождение. Все коротковолновые станции Земли молчали в эти часы, выполняя просьбу Института космонавтики. Источник сигнала явно имел связь со спутником.

Было ли это излучением его собственного передатчика или, наоборот, его приемник принял сообщение со стороны, осталось неизвестным.

— Может быть, эхо передачи, которую мы только что приняли? — высказал предположение Стоун. — Например, от Луны.

— Совершенно в другом диапазоне, — ответил Синицын. — Эхо от Луны могло прийти гораздо раньше, но не в этот момент. Она слишком близко.

На этот раз прошло свыше двух часов, пока удалось снова приблизиться к спутнику.

И в третий раз все повторилось сначала.

А затем в четвертый... в пятый... в шестой...

Спутник «метался». Он то увеличивал, то уменьшал скорость, как только «Титов» приближался к нему на какое-то, видимо, вполне определенное расстояние. Предугадать эти маневры было совершенно невозможно, в них не было никакой последовательности. Иногда спутник уходил несколько раз подряд, потом неожиданно тормозил. И снова уходил вперед. Трудно было отделаться от впечатления, что это не механизм, а живое существо, стремящееся скрыться, уйти от беспокоящей его погони.

Так прошло сорок два часа.

Ни участники экспедиции, ни ученые, наблюдавшие с Земли за ходом операции, уже не сомневались, что спутником управляет чья-то сознательная воля. «Кто-то» или «что-то» заметило «Титова», разгадало его намерения, и желание воспрепятствовать встрече становилось очевидным.

Кто же управлял им? И откуда осуществлялось это управление? С самого спутника или... Но мысль, что управлять могли с другой планеты, находящейся вне Солнечной системы, казалась слишком фантастичной.

— Электронный мозг, — утверждал Стоун. — И он находится на спутнике.

— Только не на спутнике, — возражал Муратов. — В этом случае не нужны радиосигналы.

— Они могут поступать от одного спутника к другому. Ведь их два.

— Им не о чем «говорить», если на них нет разумных существ. Управление идет с Луны, или... с Земли.

— С Земли?

— А разве это невозможно? — вопросом на вопрос отвечал Виктор.

И действительно, такое предположение, выглядевшее на первый взгляд довольно странным, имело реальное основание. Если обитатели соседнего мира (соседнего ли?) давно знакомы с Землей, а этот факт казался уже несомненным, то разве не могли они, тайно от людей, посетить нашу планету и оставить на ней, в хорошо укрытом месте, свой электронный мозг? В эпоху, когда не существовало еще «Службы космоса» и никто не следил за прилегающим к Земле пространством, чужой звездолет, при желании его хозяев, мог посетить планету и улететь с нее никем не замеченным. Муратов был прав. И еще легче было посетить Луну, на которую тогда еще не ступала нога человека. Да и теперь тайны спутника Земли разгаданы еще не полностью, поверхность Луны исследована не вся.

— Если существует этот электронный мозг, — сказал Вересов, — и в него заложена программа не допускать приближения земных предметов, то мы его, то есть спутник, никогда не догоним.

— Похоже на то, — уныло согласился Стоун.

Погоня настойчиво продолжалась, но надежда на успех давно уже была потеряна.

Спутник не мог «устать». Если заключенной в нем энергии хватило на сто или даже больше предыдущих лет, то не было никаких оснований ожидать, что она истощится именно сейчас, Устать могли сами люди.

Никто не мог предполагать, что экспедиция так затянется. На борту не было второго пилота. Водители-автоматы были бессильны в условиях непрерывного изменения режима полета, им невозможно было дать программу действий.

И после двух с половиной суток преследования «Титов» вернулся на Землю.

Усталые, раздраженные полной неудачей, вышли из него Стоун, Муратов, Синицын и Вересов.

— Думать, думать, думать! — сказал Стоун. — Неразрешимых задач не существует. Выход должен быть, и мы его найдем!

Прошло несколько дней.

Юрий Вересов снова занял свое место у пульта управления. Экипаж его звездолета составляли те же три человека.

Но на этот раз «Герман Титов» был не один. Вместе с ним вылетали еще два корабля из технической эскадрильи Института космонавтики — «Валентина Терешкова» и «Анриан Николаев». Все звездолеты этой эскадрильи носили имена первых космонавтов Земли.

Начиналась вторая экспедиция, с той же целью, но с другими методами, найденными в тиши кабинетов.

Спутники вели себя спокойно все эти дни. Ближайший из них «успокоился», как только «Титов» прекратил погоню и взял курс к Земле. Виток за витком, по своим спиральным орбитам, оба разведчика невозмутимо кружились возле Земли, изредка меняя скорости в соответствии с расстоянием и законами физики и еще реже — по собственной инициативе.

Локационные установки следили за ними без всякого труда. Сигналы на экранах были странно слабы, но не пропадали. Наблюдения велись круглые сутки.

По просьбе Института космонавтики один из звездолетов, возвращавшийся на Землю с Венеры, подлетел близко к более далекому спутнику, чтобы проверить, как он поведет себя. Разведчик номер два подпустил корабль почти вплотную и, так же как и первый, ушел от него, увеличив скорость.

Оба спутника вели себя совершенно одинаково.

Сопоставление результатов этого опыта с тем, что наблюдалось во время первой экспедиции «Титова», привело к появлению новой теории, почти противоположной первой. Синицын и Стоун, независимо друг от друга, пришли к выводу, что спутниками никто не управляет, вернее, не управляют люди, живые разумные существа. Приборы-автоматы реагируют на приближение посторонней массы и дают сигнал двигателям, которые так же автоматически включаются, направляя спутник вперед или назад, причем направление это случайно. Никакой разумности в действиях спутников нет.

— Точно так же, — заметил Стоун, — эти приборы реагируют на приближение спутников к Земле или

Луне. Этим можно объяснить спиральность орбит. И вполне естественно, что они чувствуют массу Земли или Луны на значительно большем расстоянии, чем массу «Титова».

Такой взгляд как будто объяснял все. Он имел такое же право на существование, как и любой другой, поскольку истина оставалась неизвестной. Но был один факт, который вносил существенное основание сомневаться в правильности всей гипотезы. Это был сигнал радиопеленгатора, замеченный Синицыным при втором подходе «Титова» к спутнику. Правда, сигнал этот был единственным и ни разу больше не повторился. И если бы не лента самопишущего прибора, неоспоримо доказывающая, что сигнал действительно был, Синицына могли бы заподозрить в ошибке.

— Ничего не доказывает, — упрямо стоял на своем Генри Стоун. — Сигнал поступил от одного спутника к другому. Это просто означало: «Внимание!» Предупреждение, вполне доступное кибернетическим установкам.

На очередном заседании научного совета Муратов внес конкретное предложение.

— Мы имеем, — сказал он, — два исходных пункта для дальнейших действий. Первый — спутники ощущают приближение к ним посторонней массы, причем чувствительность установленных на них приборов невелика. Второй — наличие радиопередач. Оба эти обстоятельства можно использовать для получения информации. Как? Это я сейчас скажу. Начну со второго пункта. Если товарищ Стоун прав и спутники предупреждают друг друга об опасности, то они должны будут сделать это вторично, когда мы снова приблизимся к одному из них. Я обращаю ваше особое внимание на то, что сигнал пеленгатора появился только при втором подходе «Титова», а не при первом, что было бы более логично. Почему же это так случилось? Разве мог кибернетический автомат «прозевать» первое наше приближение? Что он, спал, что ли? Я вижу одно объяснение этого более чем странного факта. Так могло произойти исключительно только тогда, когда этот сигнал был послан не автоматом, а живым существом. Но в этом случае он послан не со спутника, а извне. Вижу, что некоторые из вас хотят что-то возразить. Погодите немного, я докончу свою мысль, и тогда... Я предлагаю: раз и на-

всегда установить, откуда пришел сигнал. Сделать это можно с помощью пеленгации. Разумеется, имея дело с передатчиком, расположенным в пространстве, нам недостаточно обычных двух линий, нужны три. Значит, надо послать три корабля, которые зафиксировали бы один и тот же сигнал. Кстати, единственная линия, которую мы уже имеем, по моим расчетам, не проходила через точку, где в тот момент находился второй спутник. Теперь перейдем к первому исходному пункту. Мы убедились, что спутники подпускают звездолет очень близко к себе и только тогда уходят от него. Повторяю еще раз: это доказывает небольшую чувствительность их приборов. Так не будем же беспокоить их такой крупной массой, как звездолет. Подойдем к спутнику на безопасное расстояние, а остальное поручим людям, одетым в скафандры. Можно с уверенностью сказать, что эти приборы не почувствуют приближение такой малой массы, как человек.

— Какую роль вы предназначаете этим людям? — спросил Метьюз.

— Обследовать спутник, выяснить, из чего он сделан, почему невидим, и, наконец, попытаться проникнуть внутрь.

— Вы считаете, что такая попытка может удалиться?

— Не очень верю в это.

— И вы думаете, что приближение к спутнику вплотную безопасно?

— Вот уж на это, — Муратов пожал плечами, — ничего не могу ответить. Очень возможно, что опасно. Если мне доверят, я попытаюсь это сделать.

— Вы сами?

— Ну конечно. Я не стал бы предлагать то, к чему не готов сам.

— Из того, что вы нам сказали, можно сделать вывод: лично вы уверены, что спутниками управляют люди, в смысле «разумные существа», — сказал Синицын, который на официальном заседании, в присутствии многочисленных ученых и корреспондентов печати, не счел возможным обращаться к своему другу на ты. — Тогда чем вы объясняете, что спутник, которого мы преследовали на «Титове», менял направление полета столь беспорядочным образом? Почему он сразу не ушел от нас на большое расстояние? Ведь мы убедились, что

он может лететь быстрее «Титова». Зачем он ожидал нашего приближения и только тогда уходил? Разве это не более похоже на реакцию бездумного механизма? Если мы имели дело с разумным существом, получается что-то вроде игры в кошки-мышки.

— Я мог бы ответить на это тем, что люди, управляющие спутником, не хотели, чтобы мы заподозрили их существование. Тогда кажущаяся неразумность действий простая маскировка. Но я отвечу иначе. На спутнике установлен прибор, который включает двигатель при приближении посторонней массы. Вперед или назад — безразлично. К нему приближаются, он уходит. Но ведь приблизиться могли и сами хозяева спутника. Вот здесь, по-моему, и таится причина странного факта, что сигнал поступил только при нашем втором подходе. Это был приказ — продолжать уклоняться от встречи. Если бы подходил звездолет «хозяев», сигнала бы не было и спутник остался бы на месте. Ну, а все остальное объясняется по-вашему: реакция бездумного механизма, — усмехнувшись едва заметно, закончил Муратов.

— Где же находятся эти самые «хозяева»?

— Для того чтобы это узнать, я и предлагаю произвести пеленгацию. Но мне хотелось бы, чтобы меня правильно поняли. Я не утверждаю категорически, что сигнал дан живым существом. В данном случае «хозяином» мог быть и электронный мозг. Просто мне кажется, что где-то близко, сравнительно, конечно, находится «живой хозяин».

— Для наших целей это, в конце концов, безразлично, электронный или живой, — сказал Стоун. — Предложение товарища Муратова — исследовать спутник людьми — выглядит заманчивым. Так же, как и он, я готов сделать это. Разумеется, мы сначала пошлем робота.

После непродолжительной дискуссии, касавшейся преимущественно технических деталей, оба предложения Муратова были приняты.

Когда обсуждался вопрос, какие именно приборы для пеленгации в столь необычных условиях надо установить на трех кораблях, сама собой появилась еще одна идея. Никто даже не заметил, кому первому пришла она в голову, настолько идея была проста и есте-

ственная. Поскольку длина волны, на которой был передан сигнал спутнику, точно известна и нет оснований думать, что эту волну могут заменить при втором или третьем случае, то нельзя ли помешать передаче и этим заставить спутник «не услышать ее», остаться на месте? Техническое осуществление радиопомехи не представляло собой никакой трудности.

— Итак, — подытожил Стоун в конце заседания, — наш план сводится к следующему. Окружаем спутник тремя кораблями. «Титов», так же как и в первый раз, будет приближаться к нему до тех пор, пока не появится сигнал. После того как пеленгация будет осуществлена, посылаем робота-разведчика, и если его приближение к спутнику пройдет благополучно, вслед за ним отправятся двое людей. Если же спутник уйдет и в этом случае, — делаем перерыв на несколько дней. В третьей экспедиции применяем радиопомехи. В крайнем случае, если все усилия окажутся бесплодными, уничтожаем оба спутника, послав к ним ракету, заряженную антигазом.

Все повторилось в точности.

Когда Вересов, так же медленно и осторожно, как и в первый раз, подвел «Титова» близко к невидимому спутнику, стрелка гравиметра начала движение вправо, показывая присутствие его массы. Как и несколько дней назад, дойдя до того же самого деления шкалы, она, словно в нерешительности, остановилась и... резко упала влево. Наземная станция подтвердила — спутник стремительно ушел вперед!

Он вел себя так же, и это давало надежду на успех задуманного плана.

— Начинайте второй подход! — приказал Стоун.

Муратов должен был признаться самому себе, что волнуется. Согласно его теории, радиосигнала надо ожидать именно при втором подходе. Если он появится при третьем или четвертом, придется сознаться в своей ошибке. Ничего позорного в этом нет, но все же это будет очень неприятно. Виктор предчувствовал иронический взгляд Сергея и морщился.

Прошел час, и стрелка гравиметра ожила. Снова где-то близко летел загадочный разведчик чужого мира.

Волновался не один Муратов. Тщательно скрывая это друг от друга, волновались все. Незаметно для людей в их сознании появилось что-то вроде чувства шовинизма. Неужели могучая техника Земли не в силах преодолеть упорство чужой техники, не желавшей открывать свои секреты? Неужели люди бессильны заставить ее это сделать?

Хотя и было решено уничтожить оба спутника в случае повторной неудачи, каждый, про себя, не верил, что это действительно будет сделано. Нет! Надо искать и искать! До тех пор, пока не будет одержана полная победа!

«Мы хотим узнать, что они собой представляют, — значит, мы должны добиться этого!»

Эти слова, никем еще не произнесенные, владели мыслями всех, кто так или иначе соприкоснулся с космической тайной.

«Титов» приближался к спутнику, вернее, к тому месту, где он должен находиться, еще медленнее, чем раньше. Было необходимо выдерживать равномерную скорость, которую потом, при обработке данных пеленгации, придется учесть, чтобы не ошибиться на десятки километров. Ведь источник передачи мог оказаться очень и очень далеко. Малейшая неточность, и три линии-направления сойдутся совсем не там, где находится передатчик.

На кораблях экспедиции были установлены очень точные аппараты. Даже если передача идет с расстояния орбиты Марса, то и в этом, по общему убеждению крайнем, случае нужное место будет определено в пределах не более одного кубического километра.

Стоун, Синицын и Муратов не спускали глаз со шкал гравиметра и пеленгатора, расположенных на пульте управления близко друг к другу. И все трое одновременно заметили долгожданный сигнал.

— Есть! — воскликнул Стоун.

Муратов облегченно вздохнул. Догадка верна! Сигнал пришел в тот же самый момент, что и прошлый раз. И сразу же спутник затормозил и отстал. Опять-таки, как в прошлый раз.

— Его действия однообразны, это плюс в нашу пользу, — заметил Стоун.

— Лишнее доказательство, что там не живое существо, а электронный мозг, — сказал Синицын.

«Вот упрямец!» — подумал Муратов.

Теперь, когда первая цель экспедиции была достигнута, не нужно было соблюдать «тишину». Заработало радио. Со вспомогательных звездолетов сообщили, что и у них сигнал был принят и зафиксирован.

— Возвращайтесь на Землю, — приказал Стоун. — А мы приступим ко второму пункту нашего плана.

— Желаем удачи! — ответили оттуда.

«Титов» уменьшил скорость, поджидая отставший спутник, и вскоре оба снова летели рядом.

— Держитесь на пределе показаний гравиметра, — сказал Стоун. — Чтобы стрелка не стояла на нуле — и только.

Вересов молча кивнул.

— А достаточно ли этого будет? — спросил Синицын. — Найдет ли робот свою цель?

— Найдет, — уверенно ответил Стоун. — Никаких других масс в этом направлении нет.

Двигатели «Титова» смолкли. Теперь оба тела двигались по инерции с одинаковой скоростью. Но спутник мог в любую минуту изменить режим своего полета, медлить было нельзя.

Стоун нажал кнопку.

На обзорном экране появился силуэт робота — удлинённая сигара с короткими отростками щупальцев. Позади ее тянулся длинный шлейф белого пламени.

Несколько секунд робот висел в пространстве рядом со звездолетом, словно не зная, куда ему направиться. Потом начал отдаляться все быстрее и быстрее.

— Почуял! — сказал Вересов.

— А он не ударится о поверхность спутника? — спросил Муратов, не знакомый с устройством космических роботов.

— Нет, он затормозит у самой цели.

Белое пламя дюз превратилось в точку.

— Далеко! — заметил Стоун.

Голубоватым светом вспыхнул экран на пульте, заработала телевизионная камера робота.

И Муратов снова увидел то, что мелькнуло перед его глазами в окуляре телескопа несколько дней назад, во время первой экспедиции.

Неясное темное пятно закрыло блестящую россыпь звезд. Призрачный контур огромного яйца (видимо, робот находился совсем рядом со спутником), точно черный провал в бездну космоса, колебался, дрожал, виб-

рировал. По экрану часто-часто мелькали полосы, временами покрывавшие весь экран сплошной сеткой.

Но характерного треска помех не было слышно.

— Спутник мешает телевизионной передаче, — сказал Стоун. — Но как и чем?

И вдруг... нестерпимо яркое белое пламя вспыхнуло на том месте, где только что виднелась крохотная точка огня из дюз робота. Ослепительный свет с обзорного экрана залил всю рубку управления «Титова», и люди невольно закрыли лица руками, боясь ослепнуть.

— «Титов»!.. «Титов»!.. Что случилось?.. Что случилось?.. Отвечайте!.. — зазвучал из динамика тревожный голос с Земли.

Вспышка была так сильна, что ее увидели в блеске дня на безоблачном небе.

— Еще не знаем, — машинально ответил Стоун, осторожно раскрывая глаза, перед которыми в бешеном хороводе кружились разноцветные пятна. — Звездолет цел. Похоже, что уничтожен робот, а может быть, и сам спутник.

— Спутник на месте.

— Значит, один робот.

После чудовищного света помещение казалось погруженным во мрак. Они ничего не видели — ни пульта, ни друг друга. Только яркие плафоны на потолке смутно различались как желтые пятна.

— Не открывайте глаз, товарищи, — посоветовал Стоун. — Дайте им отдых.

Но сам он не последовал своему же совету. Нетерпеливое желание узнать, что же случилось с роботом, заставляло его напряженно всматриваться в то место, где находился экран телевизора.

Через несколько минут зрение восстановилось почти полностью.

— Мы были на волосок от слепоты, — сказал Синицын.

Экран погас — это означало, что телекамера робота не действует.

— Хорошо, что послали робота вперед, а не сразу человека, — сказал Стоун. — Видимо, к этому спутнику нельзя приблизаться. Придется его уничтожить.

— Попробуйте! — каким-то странным тоном произнес Вересов.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы разве не поняли? Произошла аннигиляция.

— Спутник не из антивещества. Это установлено точно.

— И все же произошла аннигиляция, уничтожившая наш робот. Они окружили своего разведчика облаком антигаза.

— Почему же не произошло аннигиляции при встрече этого спутника со звездолетом «Земля — Марс» в конце прошлого века?

Вересов пожал плечами.

— Этого я не знаю, — сказал он, — но в том, что случилось сейчас, невозможно сомневаться.

— Я согласен с Юрием, — сказал Муратов. — Возможно, что облако антигаза не всегда окружает спутник. Да и облако ли это? Может быть, он выбросил что-то навстречу роботу. Может быть, именно радиосигнал включил защитную установку.

Стоун вторично нажал кнопку управления роботом. Если он цел, то должен вернуться к кораблю.

Но робот не вернулся. И никакими приборами не удалось обнаружить его присутствие. Ракета-разведчик исчезла бесследно.

— Идем на посадку, — решил Стоун.

— И попробуем осуществить третий вариант нашего плана, — прибавил Синицын.

— Да, конечно. Но потребуется тщательная подготовка.

5

Третья экспедиция не состоялась в намеченный день. Она вообще не могла больше состояться.

Спутники исчезли.

Сначала было замечено их удаление от Земли. Впервые, достигнув апогея своей орбиты, они не изменили скорости. Спираль развertyвалась все шире и шире. И настал момент, когда и без того слабый сигнал на экранах локаторов окончательно «погас».

Что послужило причиной их ухода? Явилось ли это следствием охоты за спутником земных звездолетов или выполнялась ранее намеченная программа?

Была высказана догадка, что спутники не все время вращались вокруг Земли, а делали это периодически. Этим можно было объяснить, что они не были обнаружены гораздо раньше. А может быть, они удалились на свою базу для зарядки энергией.

Как бы то ни было, но разведчики чужого мира временно, а возможно, и навсегда покинули небо Земли.

Но если их хозяева хотели «замести следы», то было уже поздно. В руках людей находилась надежная нить, которая должна была привести их к самому центру тайны спутников.

Этой нитью были результаты пеленгации. На этот раз разум Земли восторжествовал над разумом неизвестного мира.

Обработка записей пеленгаторных установок трех кораблей указала точный адрес, откуда поступил радиосигнал или куда он был направлен со спутника, что тоже было возможно.

Этим адресом было: Луна, район кратера Тихо.

Вот где находился загадочный «руководитель» разведчиков! Вот откуда получали они приказы своих хозяев или опять-таки куда направляли сами полученную информацию.

Что же находилось там? Электронный мозг, как думали все, или живые представители иного человечества, как думал один только Муратов.

Это должно было выясниться в ближайшее время.

Исследование извечного спутника Земли проводилось уже давно и систематически. Но все же огромные пространства дикой лунной поверхности ни разу никем не посещались. Но как раз район кратера Тихо был хорошо уже известен. Именно там размещалась одна из лунных баз, строилась стартовая площадка для звездолетов, помещалась астрономическая обсерватория. Этот район был обжитым.

Получилось, что долгие годы люди Земли жили и работали в непосредственной близости к установкам, привезенным с другой планеты, по соседству с базой, построенной другим человечеством. Жили и даже не подозревали, что стоит только «протянуть руку» — и откроются заманчивые тайны чужого мира.

Почему же эти тайны до сих пор не попались на глаза? Скорее всего потому, что они находились под

лунной почвой, упрятанные в глубину горного массива кратера. Это вполне соответствовало «стилю» тех, кто послал к Земле обоих разведчиков. Они сделали все, чтобы люди не могли нащупать их посланцев; естественно, что и свою базу они тщательно скрыли.

Но раз местонахождение этой базы стало известно, найти ее было вопросом времени и, возможно, терпения и настойчивости.

Общественное любопытство было возбуждено до крайности. Институт космонавтики был буквально засыпан бесчисленными письмами и радиограммами, содержащими одно требование — немедленно послать специальную экспедицию и найти базу.

Но и без этих писем руководители космической службы не собирались медлить. Надо было ковать железо, пока оно горячо. Если оба спутника ушли потому, что были обнаружены, то и сама база могла прекратить свое существование по той же причине. Как это могло произойти? Гадать было бесполезно: уровня техники неизвестной планеты никто не мог знать.

Подготовка шла полным ходом.

И, совсем уже неожиданно, мир облетела еще одна сенсационная новость.

Опять прозвучали по всей Земле имена двух скромных рядовых ученых, которые один раз уже заставили всех говорить о себе.

Синицыну и Муратову пришла в голову простая как будто, но оказавшаяся очень ценной мысль: проверить, куда же ведет спираль, по которой удалились от Земли оба спутника-разведчика?

Что эта мысль пришла именно им, было легко объяснить. Оба близко соприкоснулись с тайной спутников, естественно, что их мысли все время вращались вокруг этой тайны. Они не могли думать ни о чем другом.

Результат вычислений привел к сенсации. Если спутники не изменили своей траектории, если они продолжали удаляться по одной и той же спирали, то на их пути оказывалась Луна!

Больше того, — спиральная линия полета обоих спутников упиралась в кратер Тихо!

Это можно было легко предвидеть, но, почему-то никто не подумал о такой возможности.

Значит, спутники не удалились из Солнечной системы, не ушли туда, откуда их прислали, — на неведомую родину. Они просто вернулись на свою базу. И находятся теперь именно там.

Опуститься на Луну не замеченными малочисленной колонией людей, составлявших персонал научной станции кратера Тихо, было совсем не трудно, поскольку оба тела были невидимы глазу.

Значит, если удастся найти базу, то в руки людей попадет не только «руководящий центр», но и оба спутника, казавшиеся потерянными навсегда.

Это заставило торопиться еще больше. Счастливый случай нельзя было упускать. В любую минуту спутники могли снова отправиться в полет вокруг Земли, где, как уже убедились люди, «достать» их будет куда труднее.

Если гипотеза периодического появления спутников возле Земли верна, то они могли провести на своей базе очень долгое время, а если они отправились туда только для зарядки, то это время могло оказаться совсем кратким.

Ученые обрадовались, получив неожиданную и заманчивую возможность «поймать» спутники, но эта же самая возможность внесла и дополнительные трудности в подготовку экспедиции. Судьба робота-разведчика служила грозным предостережением. Ее нельзя было забывать. В полете или на базе, но спутники могли одинаково «защищаться» от попыток приблизиться к ним.

В самом срочном порядке на заводах кибернетических машин конструировались и создавались специальные роботы, могущие выдержать атаку антивеществ. Изготавливались защитные костюмы для людей. Громоздкие установки для создания вихревых магнитных полей старались уменьшить до предела возможного. Эта групповая защита считалась наиболее надежной. Вся Земля участвовала в подготовке экспедиции, которая обещала стать самой знаменательной в истории человечества. Ведь дело шло о первом соприкосновении с иным разумом!

— Значит, ты твердо решил не участвовать? — спросил Сеницын.

— Не вижу, какую пользу я могу принести в экспедиции, — ответил Муратов.

— Такую же, как и все остальные, я, например. А разве на «Титове» ты делал что-нибудь особенное?

— Вот именно что нет.

— Мы с тобой тесно связаны с этой тайной, — пытался переубедить друга Сеницын. — Мы нашли спутники, мы вычислили их орбиту, мы, наконец, раскрыли загадку их ухода. Вполне естественно, что именно мы и должны принимать участие до конца.

— Не убедительно. Одно дело вычисления, это моя область, и совсем другое — поиски. Здесь нужны не математики, а ученые...

— И инженеры.

— Да, но другого профиля.

— Значит, ты хочешь, чтобы я отправился на Луну без тебя? Но ведь это еще опаснее, чем экспедиция на «Титове», — Сеницын пустил в ход последний козырь. — Там мы можем найти твоих «хозяев». Разве тебе не интересно их увидеть?

— Увижу, как все другие люди. Вы привезете их на Землю. Если они захотят, конечно, — прибавил Муратов. Он сидел в кресле, устремив задумчивый взгляд в потолок. — Знаешь, Сережа, я что-то перестал верить в их пребывание на Луне. Что им там делать? Без воздуха, без воды, замурованные в недра лунной горы! И так годами!

— Почему же ты так настойчиво защищал эту гипотезу?

— Вот именно, почему? Сам этого не знаю. Мне казалось... Да и теперь все еще кажется, — вырвалось у него. — Никак не могу представить себе, что информация, которую собирали спутники, передавалась в соседнюю планетную систему. Такое исполинское расстояние! Зачем это? Кому это может быть нужно? А если они сами сидят на Луне, сидят десятилетиями? Это еще более непонятно. Все наши теории кажутся мне зыбкими, туманными, лишенными смысла. Здесь что-то другое, а не сбор информации о нашей Земле. Что-то такое, чего мы даже не подозреваем. И, пусть я буду анахро-

ничен, — недоброе. Да, недоброе! Ты помнишь историю шестидесятих годов прошлого века? Тогда запускались в небо спутники-шпионы... Представь себе, что мы все ошиблись, что спутники не собирали никакой информации, что они предназначены не для научных целей. Ведь тогда гораздо легче понять причины тщательной маскировки этих спутников. Не правда ли?

— Хорошо, допустим, — ответил Сеницын. — Но тогда окончательно бессмысленно их вращение вокруг Земли целый век, а может быть, и больше.

— Что значит век? Это для нас, для людей, век — целая жизнь. А с точки зрения истории человечества — это не так уж много. Вы, астрономы, не знаете ни одной планетной системы, на которой могла бы возникнуть разумная жизнь у близких к Солнцу звезд. Так ведь? Вот именно! Значит, хозяева спутников обитают очень далеко. Путь от них к нам, может быть, требует многих лет. А на самой их планете проходят века. Вот и рассуждай. Они прилетали к нам столетия назад. И, улетаая, оставили возле Земли «что-то». Вероятно, это «что-то» должно ожидать их вторичного прилета. Зачем? Этого мы не знаем.

— Противоречишь сам себе, — сказал Сеницын. — То уверен в их присутствии возле Земли, то «столетия назад».

— А если и то и другое? — Муратов наклонился вперед и пристально посмотрел в глаза друга. — А если они запустили спутники во время своего прилета к нам столетия назад, а затем непрерывно, понимаешь, непрерывно наблюдают за ними, сменяя на Луне персонал своей базы? Разве не могут эти спутники быть очень важными для них? Может быть, это звено большого, тщательно продуманного плана?

— Направленного против человечества Земли?

— Видишь! Сам сделал логический вывод.

— Ты мастер подводить собеседника к своим же выводам. Но от этого они не становятся истиной. Ох, Витя, запутался ты, как я вижу. Ну можно ли себе представить, чтобы человечество одной планеты создавало заговоры против человечества другой? Это лишено всякого смысла. Извини меня, но ты несешь чушь.

— Пусть так. Но советую вам быть очень осторожными, когда вы найдете эту базу.

— Значит, окончательно...

— Да. Я не полечу с вами. Мне предложили принять участие в более интересном деле.

— Не секрет, в каком?

— Какой же секрет. Ты слышал о проекте Жана Легерье?

— Это полет по Солнечной системе на астероиде?

— На Гермесе.

— И ты хочешь лететь на нем?

— До этого полета еще далеко. Легерье предлагает изменить орбиту Гермеса, чтобы астероид пролетел всю Солнечную систему, от Меркурия до Плутона. И тогда опустив на него большой звездолет, можно без всякой затраты энергии облететь все планеты.

— При чем же здесь ты, не астроном?

— Нужно так рассчитать будущую орбиту, чтобы она прошла возле каждой планеты во время одного и того же рейса. Это очень сложная задача. И еще сложнее заставить Гермес перейти на эту орбиту с помощью реактивных сил. Вот тут-то я и могу помочь Легерье как инженер и как математик. А лететь с ним я не собираюсь.

— Желаю удачи! — По тону друга Муратов понял, что он обижен и огорчен. — Занимайся Гермесом, раз это более интересно для тебя.

— Чудак ты, Сережа! Ну зачем я вам нужен?

— Да несколько не нужен. — Синицын изобразил на лице полное недоумение. — Просто я хотел закончить это дело вместе. А в экспедиции... любой другой будет даже полезнее.

Муратов рассмеялся.

— Актер из тебя, Сережа, как из меня балерина. Брось! Я тоже огорчен, но, право же, не могу терять время. И скажу тебе по секрету: мне не понравилось летать в космос. Не по мне это занятие.

— Ну и не надо! Сиди на Земле. Это спокойнее и... безопаснее.

Муратов нахмурился.

— Это уже зло и несправедливо, Сережа.

— Ну ладно, прости! Я, конечно, этого не думаю. Что же поделаешь, раз ты такой упрямый. А вот я, хотя

и не принесу особой пользы, но никак не смогу отказаться. Эти спутники занимают все мои мысли.

— Понимаю тебя. Когда вы вылетаете?

— Послезавтра.

— Так скоро?

— Подготовка закончена.

— Тогда повторяю твои слова, но с другим чувством: «Желаю удачи!»

И через шесть месяцев, в той же самой комнате Синицын и Муратов встретились снова...

Экспедиция вернулась ни с чем!

Все усилия найти таинственное убежище, где скрылись оба спутника-разведчика, не увенчались успехом. Ничто не указывало, что в недрах крутых отрогов кратера Тихо прячется база чужого мира. Ни прослушивание горных пород, ни зондирование их ультразвуком, ни просвечивание, ни простое сверление скал — ничто не обнаружило никаких пустот. Казалось, ничья рука никогда не тревожила извечный покой кратера.

Поиски велись и за его пределами. За шесть месяцев участники экспедиции, с помощью все более мощных технических средств (один за другим, с Земли было отправлено пять звездолетов с оборудованием), обследовали лунную поверхность в радиусе пятисот километров от центра кратера.

Все было напрасно! Если база действительно существовала, то была замаскирована исключительно тщательно...

— Ты помнишь мои слова, что я не полетел с вами потому, что не хотел терять время? — спросил Муратов.

— Помню. Ты хочешь сказать...

— Вот именно. Я был абсолютно уверен, что вы не найдете эту базу. Иначе я обязательно отправился бы с вами.

— Но почему ты был так уверен?

— Потому, что меры предосторожности, примененные к спутникам, убедили меня в том, что их хозяева имеют очень серьезные причины скрывать от людей Земли свои намерения,

Прошло два года.

Спутники-разведчики больше не появлялись возле Земли. Но можно было предполагать, что они сменили систему своей «защиты» и стали невидимы не только для визуальных, как раньше, но и для радиотелескопов. Если это действительно было так, то они стали во много раз опаснее.

Звездолеты покидали Землю с большой осторожностью. Развивать скорость разрешалось только за орбитой Луны.

Поиски таинственной базы не прекращались, но по-прежнему были безрезультатными. И постепенно в широких массах появилось и окрепло убеждение, что никакой базы на Луне нет и никогда не было.

Спутники, рассуждали эти люди, не укрывались в районе кратера Тихо, а ушли совсем, быть может, за пределы Солнечной системы. Встретив на своем спиральном пути Луну, они обошли ее и полетели дальше. Сигнал, запеленгованный тремя кораблями, можно объяснить излучением с самого спутника, не имевшим никакого смысла и не являвшимся радиопередачей. Ультракороткие волны мог испускать неведомый двигатель разведчика, никто ведь не знает его конструкции и принципа работы. И «совершенно случайно» линии пеленгации сошлись у кратера Тихо. Точно так же они могли сойтись и в любом другом месте. А то, что эти линии сошлись в той же точке, где, по вычислениям Муратова и Синицына, закончились траектории обоих спутников... что ж! Бывают и не такие случайности!

Спасительное слово «совпадение» действовало успокаивающе на общественное мнение.

Большинство населения земного шара скоро перестало думать о спутниках. Эпоха была бурной. Освобожденная от вековых пут, мировая мысль штурмовала тайны природы с невиданной настойчивостью и энергией. Ошеломляющие открытия следовали одно за другим. Власть человека над природой росла «на глазах».

Но в среде работников космонавтики не могли забыть и не забывали о разведчиках чужого мира. Нераскрытая тайна продолжала угрожающе висеть над безопасностью межпланетных путей. Случай со звездолетом

«Земля — Марс» в конце прошлого века тревожил руководителей «Службы космоса». Нельзя было успокаивать себя тем, что спутники уклоняются от встречи с земными кораблями. В тот раз один из них не уклонился, а столкнулся со звездолетом. Это могло повториться в любой момент.

Если раньше обходились локационными установками, чтобы своевременно заметить встречный метеорит, то теперь обязательной принадлежностью штурманских рубок звездолетов стали гравиметры. Ведь какую бы защиту ни применили хозяева разведчиков, их массу невозможно было уничтожить или сделать «невидимой».

Работы в космосе шли своим порядком, но астролетки повседневно ощущали столь неожиданно возникшее неудобство. Раскрыть тайну было действительно необходимо, но ученые не видели путей к этому.

Находятся ли еще спутники в Солнечной системе или нет?

Этот основной и главнейший вопрос оставался без ответа.

Персоналы научных станций Луны, и в особенности станции кратера Тихо, непрерывно наблюдали за прилежащим пространством. Круглосуточно велась радиовахта. Если спутники все-таки укрылись на лунной базе, то рано или поздно они должны были снова отправиться в полет вокруг Земли. А это, скорей всего, могло произойти после получения ими соответствующего сигнала. Этот сигнал надо было перехватить во что бы то ни стало.

Но время шло, а все было спокойно. Ни сами спутники, ни радиосигналы, адресованные им или идущие от них, не появлялись.

Члены научного совета Института космонавтики придерживались мнения, что причиной является очередной перерыв в работе разведчиков, случайно совпавший по времени с экспедицией на «Титове». Такие перерывы, несомненно, были и раньше. Периодическое появление спутников возле Земли хорошо объясняло странный факт, что они не были обнаружены гораздо раньше.

Но какова длительность таких перерывов? Этого никто не мог знать. Предстояло, возможно долгие годы, принимать меры против неизвестной, а может быть и

несуществующей опасности. И единственным радикальным средством было найти базу.

Стремительно развивающаяся техника предоставляла все новые и новые возможности для поисков. Их немедленно использовали, но все было тщетно. По-прежнему недра кольцевого хребта кратера Тихо и соседних с ним кратеров казались нетронутыми никогда и никем.

Но, несмотря на систематические неудачи, убеждение, что база все же существует, крепко держалось среди ученых. Неоднократно проверенные вычисления Муратова и Синицына неопровержимо приводили к выводу, что траектории обоих спутников по мере приближения их к Луне сближались, а возле точки пространства, где в тот момент находился кратер Тихо, сошлись!

Этого никак не могло быть, если бы спутники обогнули Луну и ушли дальше.

Поверить в подобное «случайное совпадение» мог кто угодно, но не математик, не астроном, не физик.

И поиски, настойчивые и упорные, продолжались.

Виктор Муратов знал обо всем этом только из редких бесед с Синицыным по радиотелефону. Он целиком погрузился в захватившую его работу и оба эти года не занимался ничем другим. Математический расчет проекта Жана Легерье был трудоемким делом. Мысли о спутниках и их тайнах приходили к нему изредка, после разговоров с Сергеем. Свою гипотезу о пребывании на Луне живых представителей иного человечества Виктор давно уже считал несостоятельной. Слишком много соображений говорило против нее, а Муратов никогда не был упрям.

Проект Легерье уже перестал быть проектом. Он был одобрен и вступил в фазу практической реализации. Расчеты показали его осуществимость и целесообразность. Затраты энергии, необходимые для изменения орбиты Гермеса, были во много раз меньшими, чем потребовалось бы для такого же путешествия по Солнечной системе на звездолете, не говоря уже о том, что производить астрономические наблюдения с астероида можно было в значительно большем объеме, чем с корабля. На Гермесе свободно расположится целая обсерватория,

Через несколько месяцев Гермес, сравнительно небольшой астероид полутора километров в диаметре, должен был, в очередной раз, пройти возле Земли на расстоянии всего пятисот семидесяти трех тысяч километров, и этот момент решено было использовать, чтобы начать невиданное еще путешествие французского ученого.

По плану Легерье, принятому Институтом космонавтики, на астероид должен был быть опущен специально предназначенный для астрономических работ искусственный спутник Земли, построенный и выведенный на орбиту двадцать лет тому назад. Этот спутник во многих отношениях уже устарел, но для целей Легерье подходил как нельзя более. На нем было все, что надо, и его следовало только немного переоборудовать, чтобы группа астрономов могла без лишней потери совершить на нем многолетний полет.

К этой работе уже приступили. Нельзя было терять времени. Именно сейчас планеты Солнечной системы находились в очень удобном положении, и новая орбита Гермеса пройдет возле каждой из них за время одного оборота. Следующего такого расположения пришлось бы ожидать длительное время.

Одновременно с космической обсерваторией на Гермес отправится эскадрилья мощных звездолетов со всеми необходимыми установками для перевода астероида со старой орбиты на новую.

Так как именно Муратов произвел все расчеты, ему и было предложено взять на себя руководство этой работой, ответственной и требующей исключительной точности.

Предложение было почетным, и Виктор не считал себя вправе отказаться.

— Против воли я становлюсь космонавтом, — пошутил он, встретившись с Синицыным. — И в этом значительная доля твоей вины.

— При чем здесь я? — удивился Сергей.

— Как при чем? Ты же впервые вытащил меня в космос. Если бы не мое участие в экспедиции на «Титове», я не был бы так «знаменит» и никому не пришлось бы в голову поручать мне расчеты для Легерье.

Синицын рассмеялся.

— Такую вину, — сказал он, — я охотно возьму на себя. Надолго ты улетаешь?

— Нет, недели на две. Закончив работу, наша эскадрилья вернется на Землю. Можно было бы вернуться и скорее, чем через две недели, но придется подождать на Гермесе несколько суток, чтобы убедиться в том, что траектория полета астероида изменена правильно.

— Рискованная экспедиция, — задумчиво сказал Синецын. — Я говорю, конечно, не о тебе, а о Легерье и его спутниках. На таком длительном пути могут встретиться всевозможные случайности, которые невозможно предусмотреть заранее. Столь близкое приближение к Юпитеру, Сатурну и другим гигантским планетам...

— Ты не веришь моим расчетам?

— А ты сам совершенно в них уверен?

— Я — да. Опасен не Юпитер, не Сатурн. Опасны, да и то теоретически, астероиды между Марсом и Юпитером. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономам. А влияние тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не мог учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и его шесть товарищей идут на этот риск. Для страховки мы оставим на Гермесе один из наших звездолетов. И кроме того, останутся все установки, с помощью которых мы изменим орбиту Гермеса. Их можно пустить в работу в любой момент и исправить курс, если что-либо непредвиденное его изменит.

— Значит, там должен будет остаться и кто-нибудь из технического персонала твоей эскадрильи?

— Моей? — улыбнулся Муратов. — Что за выражение, Сережа!

— Я сказал в смысле «руководимой тобой».

— То-то! Инженер Уильям Вестон согласился остаться на Гермесе на все годы полета.

— Бедный! Здорово ему будет скучно.

— Он астроном-любитель. Так что не очень страшно. Ну, как, теперь ты успокоился?

— Да, видимо, все обдуманно основательно.

— И сам бы был не прочь принять участие?

Синецын пожал плечами.

— Какой астроном не мечтает наблюдать планеты Солнечной системы с близкого расстояния! — ответил он со вздохом.

— Так попросись.

— Легерье получил сотни таких просьб. И вынужден был всем отказать. Вместимость спутника-обсерватории ограничена. А вне его на Гермесе негде обособиться. Так что остается только завидовать семи счастливым.

Наступил день отлета.

Проводить корабли вспомогательной эскадрильи, улетающие с пиренейского ракетодома, собрались многие сотни людей. Хотя космические полеты давно уже стали привычны и не возбуждали особого любопытства, слишком необычна была цель экспедиции, возглавляемой Виктором Муратовым. Пусть Гермес и небольшой астероид, но люди впервые в истории собирались изменить по своей воле орбиту небесного тела, заставить его сойти с извечного пути, предначертанного природой, лететь туда, куда нужно для целей земной науки.

Дерзкий замысел Легерье был преддверием близкого уже времени, когда человек властной рукой вмешается в космический порядок Солнечной системы, порядок, во многих отношениях не удовлетворяющий людей Земли. Успешное выполнение задачи Муратова будет началом новой эры в истории человечества — эры переделки не только своей планеты, но и всего окружающего ее пространства, началом грандиозной работы, конец которой скрывался в туманной дали веков.

История знает много таких событий, событий, знаменующих собой первое проникновение в неведомое. Экспедиция Колумба, отплытие кораблей Магеллана, первая попытка проникнуть к Северному полюсу, полет Юрия Гагарина, первая экспедиция на Луну, а затем и на все планеты. И каждый из этих дней, дней старта, золотыми буквами вписан в историю.

Экспедиция Муратова сама по себе не представляла ничего выдающегося — люди много раз посещали другие небесные тела. Ее историческое значение заключалось именно в том, что это было началом, первым кам-

нем фундамента, исполинской работы по перестройке «Большого Дома» людей Земли — Солнечной системы.

И не удивительно, что эта экспедиция находилась в центре внимания всего населения земного шара.

Самого Муратова провожали только двое — Сергей и Марина. Со своей младшей сестрой Виктор не виделся около года, и ее приезд на Пиренейский полуостров был для него приятной неожиданностью.

Марина передала брату пожелания успеха от всех родных, которые сами не смогли проводить его.

— Отец просил, — сказала она, — чтобы ты не забывал захватить образцы горных пород Гермеса для его коллекции.

— Как же я могу забыть об этом, — улыбнулся Виктор.

Старший Муратов был известным геологом. Еще в дни юности, в эпоху первых полетов человека на планеты Солнечной системы, он начал собирать коллекцию минералов других миров, и сейчас эта своеобразная коллекция была чуть ли не лучшей в мире, служа украшением геологического музея в Ленинграде.

— Мне бы очень хотелось лететь с тобой, — сказала Марина, с интересом всматриваясь в огромные силуэты кораблей эскадрильи, тускло блестящие под лучами низкого уже Солнца в центре гигантского ракетодрома. — Ведь подумать только, что я ни разу не была в космосе.

— Как так? А Луна?

— Ну! — Девушка пренебрежительно усмехнулась. — Луна! Это не космос.

— Видал? — Синицын от души рассмеялся. — Полет на Луну она не считает космическим. Скоро дойдет до того, что космосом станут называть только пространство за пределами нашей системы.

— А где сам Легерь? — спросила Марина.

— Его давно нет на Земле, — ответил Виктор.

Семеро участников полета на Гермесе две недели тому назад отправились на Луну, чтобы оттуда перебраться на спутник-обсерваторию и уже на нем совершить перелет на астероид, когда он подойдет к Земле.

Гермес был уже близко. Наступали последние дни существования Гермеса как небесного тела, чуждого Земле и ее обитателям. Отныне он превратится в ле-

тающую обсерваторию, космический филиал астрономического института, движущийся в пространство по желанию людей, грандиозный по размерам звездолет.

Над полем прозвучал низкий протяжный гудок.

— Время! — сказал Муратов. — До свидания! Если бы ты, — обратился он к сестре, — раньше сказала о своем желании, я взял бы тебя с собой.

— Это я так! — Марина поцеловала брата. — Сейчас у меня все равно нет времени.

— Я хорошо помню твои слова, что тебе не нравится летать в космосе, — сказал Сеницын, в свою очередь прощаясь с другом. — Интересно, что ты скажешь по возвращении.

— Будь уверен, что скажу то же самое.

— Сомневаюсь. Космос затягивает.

Второй гудок призывно пронесся над ракетодромом.

— Он должен вернуться через две недели, — сказала Марина, пристально всматриваясь в небо, где уже ничего не было видно. — Я буду очень беспокоиться все это время. Да и не только я, — прибавила она, имея в виду своих родителей, сестер и братьев. — Все же такие полеты опасны.

— Ну, какая же опасность, — ответил Сеницын. — Звездолеты надежны. Идем, Мариночка! А то на лайнер опоздаем.

Она еще раз взглянула в ясную даль неба, словно надеясь увидеть далекие уже корабли эскадрильи.

— Нужно время, и немалое, — сказала она, — чтобы люди привыкли относиться к звездолетам так, как относятся к самолетам. А ведь было время, и совсем не так давно, когда и самолеты казались опасными.

— Конечно! Так всегда бывает. А потом появится что-нибудь новое, не известное нам сейчас, и тогда люди станут говорить о звездолетах, как ты говоришь о самолетах. Ну, и так далее, — закончил Сергей.

7

Ходить было трудно. Сильно намагниченные подошвы ботинок плотно прилипали к металлическому полу, и для того чтобы сделать шаг, приходилось применять

значительное мускульное усилие. Но и это не создавало устойчивости. Почти полное отсутствие веса давало себя чувствовать. словно на палубе судна в сильную бурю, люди качались на ходу, принимая самые причудливые положения. Но и немислимый на Земле наклон тела не приводил к падению — падать было некуда. Гермес притягивал к себе с ничтожной силой. Легкое усилие — и человек выпрямлялся, чтобы через секунду начать новое «падение». И так без конца.

Подобная ходьба утомляла больше, чем самые длительные пешеходные прогулки на Земле.

А если сбросить обувь, человек мог летать. Ничего не стоило подняться к самой верхней точке сферического купола в помещении обсерватории. Для этого нужно было только слегка оттолкнуться от пола. А спуск, под действием силы тяжести, происходил так невыносимо медленно, что Виктор Муратов, из любопытства испробовавший однажды такой «полет», не испытывал никакого желания повторить его. Беспомощно висеть в воздухе, не имея ни малейшей возможности что-либо изменить, было очень неприятно.

Виктору вообще не нравилось пребывание на Гермесе. Он с нетерпением ожидал старта в обратный путь. С удивлением наблюдал он, с каким интересом и даже энтузиазмом воспринимали все окружающее его спутники, и не понимал их. Космос не оказывал на него никакого «притягивающего» действия, как это было с другими. Картины звездного неба казались ему однообразными и скучными, невесомость — тягостной, условия быта — раздражающими. Он с улыбкой вспоминал предсказание Сергея. Старый друг ошибался. Ни на какой космос он, Виктор, не променяет родную Землю.

Еще четверо суток этой пытки, и он будет дома!

Шли последние контрольные наблюдения. Уже более ста часов Гермес летел по новой орбите, постепенно приближаясь к Венере. А затем он обогнет Меркурий и начнет долгий, на годы, полет в глубь Солнечной системы, к ее окраинам, к самой отдаленной из планет — Плутону.

Изменение траектории полета астероида прошло в полном соответствии с расчетами. Виктор гордился этим. С Земли было получено множество поздравитель-

ных радиограмм. Вся планета радовалась достигнутому успеху.

Да, сделано большое и нужное дело!

Но ведь оно сделано. Значит, можно со спокойной совестью покинуть неуютный космос, вернуться на Землю, взяться за новую, не менее нужную и интересную работу. На родине тысячи дел!

Муратова нисколько не беспокоили результаты последних вычислений, производимых на этот раз самим Жаном Легерье. Все правильно! Астероид летит так, как это было рассчитано еще на Земле. Достигнув Юпитера, он повернет, повинувшись могучей силе притяжения гиганта Солнечной системы, к Сатурну, а тот, в свою очередь, изменит траекторию, направив ее к Урану. И так далее. Планеты будут передавать астероид-обсерваторию друг другу, как эстафету. Нет никакой необходимости в повторных проверках. Вспомогательная эскадрилья могла бы еще вчера вылететь на родину.

Но, мучимый нетерпением, Муратов хорошо понимал, что осторожность Легерье обоснованна и необходима. В сравнении с исполинским расстоянием, которое предстояло пролететь Гермесу, уже проделанный путь — ничтожен. Четыре проверки, по четырем данным наблюдений, произведенные четырьмя математиками независимо друг от друга, — это уже полная гарантия!

Но завтра... впрочем, какое же завтра, когда нет ни дня, ни ночи, ни восхода, ни захода Солнца... через восемнадцать часов все будет кончено. Легерье скажет долгожданные слова: «Все в порядке» — и Муратов будет свободен.

Ни за что на свете он не задержится здесь ни на одну минуту!

Если бы Виктор мог знать сейчас, что задержится в этом, неприятном ему, месте на целых трое суток!

Необъяснимое, чудовищно неправдоподобное событие было совсем, совсем близко!

Но будущее скрыто от человека законом причинности.

Держась за многочисленные стенные ремни, всеми силами удерживая тело в вертикальном положении, Муратов медленно шел в кают-компанию спутника. Это старинное название, взятое из лексикона давно исчезнувшего военно-морского флота, прочно держалось у

космолетчиков, и казалось Муратову нелепым. Какие каюты, когда все помещения, примыкающие к центральному павильону, представляли собой обыкновенные комнаты. Правда, у них были прозрачные потолки, но этого не было на морских кораблях. В каютах должны быть иллюминаторы, а здесь никаких окон вообще не было.

При этой мысли Виктор невольно посмотрел вверх и, конечно, ничего не увидел, кроме полукруглого потолка. Коридоры не имели прозрачных стенок.

Он усмехнулся своей рассеянности. За две недели почти можно было бы уже привыкнуть.

Часы, идущие по-земному, показывали восемь вечера по московскому времени. Было время ужина. В столовой («Ну, пусть будет кают-компания», — подумал он) его, Виктора, наверное, уже ждут. Одна минута девятого. Он знал по опыту, что Легерье и его шесть товарищей решительно во всем были пунктуальны.

Семь членов экспедиции, инженер Вестон и человек восемь из состава вспомогательной эскадрильи «сидели» у круглого стола. На Гермесе все же существовала какая-то сила тяжести и были стулья. Можно было принять сидячее положение, но, чтобы удержаться на стуле и не взлететь при неосторожном движении, приходилось прикрепляться ремнем к сиденью.

Муратов извинился за опоздание и занял свое место.

Кают-компания была расположена с краю огромного дискообразного корпуса искусственного спутника. Потолок и наружная стена были прозрачны. Над головой раскинулось матово-черное небо с бесчисленными звездами. Среди них ослепительно сияло Солнце. Его лучи заливали внутренность каюты, но тепла не ощущалось. Пластмассовое «стекло» не пропускало инфракрасные лучи.

За бортом — панорама Гермеса. Мрачные, какого-то неопределенно-бурого цвета, бесформенные скалы. Безжизненный, тоску наводящий пейзаж!

Космическая обсерватория, бывший искусственный спутник Земли, стояла на дне неглубокой котловины. Со всех сторон ее окружали постепенно поднимающиеся гранитные стены. Горизонт ограничивался кругом около трехсот метров в диаметре. А так как сам спутник имел

поперечник в сто метров, глазам открывался ничтожно малый «внешний мир».

Муратов вздрогнул при мысли, что восемь человек долгие годы не увидят ничего, кроме этой безрадостной картины. Какую все поглощающую любовь надо иметь к своей науке, чтобы добровольно обречь себя на такое испытание!

Нет, сам он не был бы способен на такой подвиг!

Выбор места для обсерватории был не случаен. Именно такой рельеф местности лучше всего соответствовал целям защиты. Метеоритная опасность, существующая даже для небольших звездолетов, была в тысячи раз более грозной для Гермеса, огромная масса которого притягивала к себе блуждающие в пространстве обломки. Тем более, что предстояло пересечь пояс астероидов между Марсом и Юпитером — самое опасное место на межпланетных траассах.

В скалах, кольцом окружая обсерваторию, были вмонтированы мощные установки. Какую бы скорость ни имел метеорит, магнитное поле заставит его уклониться в сторону от единственного обитаемого места на астероиде. Потому и возможно было существование сравнительно тонких прозрачных стенок и огромного купола, под которым располагались телескопы и другие многочисленные астрономические приборы и инструменты. Если же встречный метеорит окажется не железным, а каменным, то его отклонит в сторону вихревое антигравитонное поле, дополняющее магнитное.

Астрономы могли работать спокойно.

После ужина Муратов задержался в кают-компании, беседуя с Вестоном. В этот вечер он решил не возвращаться на свой звездолет, а переночевать на спутнике, благо в этом странном мире без тяжести можно было спать на чем угодно, как на мягчайшем тюфяке. Четыре стула, крепкий ремень, чтобы не проснуться под потолком, и постель готова. Намагниченные металлические ножки стульев, прилипающие к полу, гарантировали неподвижность ложа.

Было десять часов, когда Муратов, перед тем как лечь спать, зашел в каюту Легерье.

Он любил беседовать с умным, энциклопедически образованным начальником экспедиции. Казалось, не существовало вопроса, в котором французский ученый

не чувствовал бы себя как рыба в воде. С ним можно было говорить обо всем.

Таким и должен быть настоящий астроном. Ведь астрономия — наука всеобъемлющая. Она затрагивает все области человеческого знания, от медицины до философии.

Легерье ложился поздно, и Муратов не боялся, что явится не вовремя.

«Командир Гермеса», как прозвали Легерье с чьей-то легкой руки, стоял у стены и внимательно рассматривал один из приборов, расположенных на большем, во всю стену, щите. Он обернулся при входе Муратова.

— Посмотрите! — сказал он, снова поворачиваясь к прибору. — Стрелка гравиметра не стоит на нуле. Никогда не пойму, что это может значить.

Муратов подошел ближе.

С гравиметрами он познакомился во время экспедиции на «Титове». Но прибор в каюте Легерье имел уже мало общего с теми. Два года — огромный срок для техники. Знакомыми оставались только шкала и стрелка.

Муратов взгляделся.

— Мне кажется, — сказал он, — что стрелка не только не стоит на нуле, как вы сказали, но и движется. Очень медленно, но движется.

— Да, да, вы правы, — в голосе Легерье чувствовалось беспокойство. — Это очень странно. Прибор показывает наличие какой-то массы недалеко от нас. Но что это может быть?

— Встречный метеорит... — нерешительно предположил Муратов.

Он тут же мысленно выругал сам себя. Что за наивная реплика! Не мог же Легерье не подумать о такой возможности.

Вместо ответа астроном молча указал на экран локатора. Ровная черная линия не имела никаких неровностей или выступов. Радиолучи, непрерывно ошупывающие пространство вокруг астероида, не встречали препятствий.

— Испортился...

Легерье нажал на одну из бесчисленных кнопок. Загорелся маленький экран, и на нем появилась внутрен-

ность каюты, занимаемой Александром Макаровым — заместителем начальника экспедиции.

— Саша! — сказал Легерье. — Посмотри на гравииометр.

Было видно, как Макаров подошел к щиту, точно такому же, какой был здесь. Раздалось удивленное восклицание.

— А теперь обрати внимание на локационный экран.

— Да, вижу!

Макаров обернулся.

— Что ты на это скажешь? — спросил Легерье.

— Очень странно, даже слишком. А у тебя то же самое?

— Конечно! Я подумал было, что гравииометр в моей каюте испортился. Но не могли же испортиться оба сразу.

— В чем же дело?

— Зайди ко мне.

— Иду!

Легерье и Муратов не спускали глаз со стрелки. Она двигалась, теперь в этом невозможно было сомневаться. Что-то, не отражающее лучей локаторов, приближалось к Гермесу. Это не мог быть небольшой обломок, настолько малый, что его не «видели» мощные локационные установки. В этом случае его не заметил бы и гравииометр. Загадочное тело имело довольно значительную массу.

— Все ближе и ближе! — прошептал Легерье. — И что самое удивительное — оно летит очень медленно. Раздался тихий гудок радиофона.

Легерье даже не обернулся.

Гудок повторился. Муратов подошел к аппарату.

Дежурный на командном пункте флагманского корабля эскадрильи взволнованным голосом доложил о странном «поведении» гравииометра.

— Со всех наших кораблей сообщают то же самое, — сказал он.

— Знаю, — ответил Муратов. — Продолжайте вести наблюдения.

Вошедший Макаров молча подошел к Легерье. Они напряженно всматривались в гравииометр. Стрелка уже далеко отошла от нуля и продолжала медленно, крайне медленно, но неуклонно ползти дальше.

Линия на экране локатора по-прежнему оставалась невозмутимо ровной.

Легерье топнул ногой.

— Да что же это такое, наконец? — раздраженно сказал он. — Общую тревогу!

Макаров нажал на красную кнопку в центре щита. Муратов знал, что в этот момент во всех помещениях спутника-обсерватории раздался дробный звонок, извещающий об опасности.

Не прошло и двух минут, как в каюте начальника собрались все бывшие на борту спутника.

Не нужно было никаких пояснений. Эти люди хорошо понимали язык приборов.

Наступило тревожное, полное скрытого напряжения молчание.

Неизвестная опасность — самое неприятное испытание для психики. Самый храбрый человек невольно поддается смутному чувству страха. Что предпринять, если неизвестно, от чего надо защищаться?

И вдруг в памяти Муратова всплыло воспоминание. Он мысленно увидел напряженные лица Вересова и Стоуна, с глазами, устремленными на тот же гравиметр. И ему показалось, что он понял, что происходит.

— А не тот ли это загадочный спутник-разведчик, за которым охотились на «Титове» два года назад? — сказал он.

Легерье резко обернулся.

— Так далеко от Земли?

— Никто же не знает, куда они исчезли.

— Но ведь радиолокаторы в то время нащупывали эти спутники?

— Это было тогда. Существует предположение, что они каким-то образом сменили систему своей «защиты».

— Возможно, что вы правы, — сказал Легерье. — Увидим!

Если Муратов угадал, то стрелка гравиметра должна была скоро прекратить движение вправо. Спутники-разведчики не могли подойти к такой большой массе, как Гермес, слишком близко. Астероид полутора километров в диаметре — это не маленький звездолет!

Догадка была настолько правдоподобной, что все сразу успокоились. Двое астрономов, получив разрешение Легерье (на обсерватории была объявлена тревога,

и никто не имел права действовать самостоятельно), ушли, чтобы попытаться увидеть приближающееся тело в большой телескоп. Макаров вернулся к себе в каюту, чтобы вести параллельное наблюдение по своим приборам.

Но спокойствие продолжалось недолго.

Прошло пять, потом десять минут, а стрелка все продолжала ползти вправо, угрожающе приближаясь к крайней точке, означающей соприкосновение двух масс — Гермеса и неизвестного тела. Близилось столкновение. До красной черточки на шкале оставалось совсем немного.

— Оно летит прямо на нас, — взволнованно сказал Легерье.

Усовершенствованный гравиметр давал возможность определять не только массу, но и направление ее движения и расстояние.

Локационный экран по-прежнему не показывал ничего. А, судя по гравиметру, приближающееся тело было весьма крупным.

Муратову казалось, что прибор показывает уже гораздо большую массу, чем тогда, на «Титове».

Слова Легерье подтвердили, что это было так.

— Масса неизвестного тела, — сказал астроном, — во много раз превышает массу разведчиков.

Еще несколько томительных минут, и не осталось никаких сомнений — что-то летело прямо на обсерваторию.

8

Легерье бросился к щиту.

Одно движение его руки — и на всем спутнике тяжелые герметические двери опустились в свои пазы, отрезав всякий доступ из одного помещения в другое. Обсерватория разделилась на изолированные друг от друга отсеки.

Теперь можно было надеяться, что катастрофа не приведет к общей гибели.

Куда же обрушится страшный удар столкновения космических тел?

Люди замерли в ожидании...

В эти секунды Муратов почему-то подумал не о себе и не о находившихся с ним людях, а о кораблях своей эскадрильи. Они стояли сравнительно близко за гребнем гранитной воронки, окружающей обсерваторию. Догадались ли там сделать то, что только что сделал здесь Легерье?

Отдать приказ по радиополу было уже поздно.

«Впрочем, — подумал Виктор, — если тело ударит по звездолету, от корабля ничего не останется. Масса этого тела слишком велика. Никакие отсеки не спасут людей».

А стрелка гравиметра продолжала неумолимое приближение к красной черте, означающее катастрофу. Защитные, антигравитонные и магнитные, поля были совершенно бесполезны. Они слишком слабы, чтобы воздействовать на такую громадину. Смерть, случайная и нелепая, вплотную подошла к людям, и они не в силах были предотвратить ее.

— Смотрите! — сказал Легерье, протянув руку к гравиметру.

Это было более чем странно, необъяснимо, то, что они увидели.

Стрелка еще более замедлила свое движение. Вопреки законам тяготения, она не ускорила его, а именно замедлила, и двигалась теперь едва заметно.

И вдруг... остановилась совсем, замерла неподвижно в каком-нибудь миллиметре от черты.

Это означало, что неизвестное тело прекратило падение и повисло неподвижно над Гермесом на расстоянии, самое большее, ста метров от его поверхности.

Шумный вздох облегчения вырвался одновременно из груди всех, находившихся в каюте.

Спасены! Опасность, только что казавшаяся непредотвратимой, непонятно как миновала.

— Это мог сделать только управляемый корабль, — сказал Легерье.

— Каковы же тогда его размеры! — изумленно воскликнул Муратов.

Сомневаться было невозможно. Все, что было непонятно в поведении неведомого тела, становилось вполне понятным, если это космический корабль с мощными двигателями.

Но откуда он мог взяться? Земля не сообщала о полете какого-либо корабля в этом районе. Любой звездо-

лет давно дал бы свои позывные, если бы его командирю понадобилось по той или иной причине опуститься на астероид. Его давно бы заметили локаторы. И, самое главное, ни один из существующих космических кораблей не имел таких огромных размеров и не обладал «способностью» полностью поглощать радиоизлучение.

Неведомый звездолет, судя по его массе, был гигантом, но сквозь прозрачный потолок каюты ничего не было видно, кроме звезд.

— Он остановился немного в стороне, — сказал Легерье, и его голос заметно дрожал от волнения. — Но сомнений нет. Это звездолет, но не наш!

Он еще говорил, когда стрелка гравометра снова дрогнула и быстро пошла влево.

Космический корабль удалялся.

Зачем же он подлетал к Гермесу? Если неизвестные астролетчики заметили на астероиде искусственное сооружение, они должны были заинтересоваться и постараться выяснить, что же это такое. Но они задержались меньше чем на минуту и улетели. За это время ничего нельзя было хорошо рассмотреть. Пусть не очень большая, но на проделанный маневр требовалась затрата энергии.

В чем причина столь странного поведения?

Инженеры и ученые молча переглядывались. Никто ничего не понимал, и люди невольно задавали себе вопрос: не почудилось ли им это посещение?

Легерье нарушил длительное молчание.

— Корабль удаляется по прямой линии, постепенно увеличивая скорость, — сказал он. — Зачем было замедлять ее и полностью останавливаться? Более чем непонятно.

Внезапно блеснул яркий свет. Те, кто успели поднять голову, заметили, как на черном бархате неба, прямо над ними, вспыхнул облаком пламени вихрь чудовищного взрыва.

Он произошел очень далеко, но именно там, где должен был находиться улетевший корабль. Каюта осветилась мертвенным белым светом на одно мгновение.

И все погасло.

Стрелка гравиметра, словно в бессилии, упала к нулю. Действующая на нее масса, масса космического

корабля другого мира, только что подлетевшего к Гермесу, исчезла — внезапно, сразу!

— Катастрофа! — вскричал Муратов. — Корабль взорвался!

— Да, он взорвался, — медленно и грустно сказал Легерье. — Это аннигиляция. И мы никогда уже не узнаем, что произошло на наших глазах.

— И кому, какому человечеству он принадлежал, — добавил Муратов.

Неожиданная катастрофа глубоко потрясла всех. Люди задыхались от волнения. Пусть неизвестно, кто находился в этом корабле, пусть они были существами, чуждыми людям Земли. Это были разумные представители единого человечества вселенной!

Так близко, рядом, находился разум иного мира, вот только что сейчас могла состояться долгожданная встреча людей-братьев! Впервые в истории! И не состоялась! Вестник иного мира, быть может, прилетевший из далеких глубин пространства, бесследно исчез.

Это было так нелепо, так невыносимо обидно, так бессмысленно!

Легерье машинально нажал на кнопку, восстанавливая сообщение между отсеками обсерватории.

— Но почему, почему они не опустились? — сказал Вестон. — Они не могли не заметить нашу обсерваторию. Почему же они так поспешно ушли от нас?

— Может быть, именно потому, — ответил Муратов, — что эти существа прибыли к нам из антимира. Они убедились в том, что наш астероид, относительно них, из антивещества, и поспешили уйти от опасности. А удалившись, столкнулись с метеоритом. И произошла аннигиляция, которой они опасались.

— Ваша гипотеза несостоятельна, Муратов, — сказал Легерье. — Несостоятельна по двум причинам. Во-первых, никаких крупных метеоритов сейчас не пролетало. На том расстоянии, на котором произошел взрыв, наши локаторы заметили бы любой метеорит. А во-вторых, космический корабль, прилетевший в чужую планетную систему, должен быть защищен от опасности аннигиляции. Из какого вещества состоит наша планетная система, они должны были определить давно. Ведь мы встретились с ними не на окраине, а почти что в центре.

— Они могли и не пролетать всю нашу систему, а подойти к ней сверху или снизу относительно плоскости эклиптики.

— Немыслимо. Такое легкомыслие никак не вяжется...

Он не договорил, весь превратившись в слух.

Отчетливый стук послышался со стороны входной камеры — наружной двери обсерватории.

Кто мог стучать?

Если это был кто-нибудь из экипажей кораблей эскадрильи, ему незачем было прибегать к стуку. Существовала сигнализация, и она была известна всем. Да и не мог никто явиться, не предупредив заранее.

Одна и та же мысль мелькнула у всех. Стучали существа иного мира, высадившиеся с того самого корабля, который только что, несколько минут тому назад, погиб!

Но ведь этот корабль не опускался на поверхность Гермеса. Как же он мог посадить кого-нибудь?

Корабль улетел, и подобный «десант» был совершенно бессмыслен!

Стук повторился, четкий, настойчивый!

Легерье включил экран наружного обзора.

И они увидели...

У самого входа стояла высокая человеческая фигура в скафандре.

Обыкновенная человеческая фигура!

Обыкновенная?..

Это было не так! Все сразу заметили еще и другое.

Человек, стоявший у входа, был одет не в земной скафандр!

Вот он поднял руку и явно нетерпеливо постучал металлической перчаткой в наружную дверь.

Значит, все-таки...

Все-таки великая встреча состоялась!

У входа находилось существо с другой планеты — гость, прилетевший неведомо откуда, — стояло и настойчиво просило впустить его!

Трудно передать словами, что почувствовали люди Земли, когда поняли, с кем они имеют дело!

Гость был один. Может быть, остальные прятались в скалах, ожидая? Может быть, пришельцы не были уве-

рены в том, какой прием их ждет, и выслали вперед разведчика?

Но ведь им некуда деваться с астероида. Высадивший их корабль улетел и погиб. Они не могли не знать этого.

Странно, загадочно, непонятно!

Легерье не колебался.

Наружная дверь раздвинулась. Внутри выходной камеры вспыхнул свет, приглашая гостя войти.

Он вошел, вошел уверенно и просто, видимо без всяких опасений.

Начальник экспедиции медлил. Он ждал, не покажутся ли остальные.

Никто не появлялся. По-видимому, как это ни невероятно, но гость был один.

Наружная дверь закрылась.

Пришелец из космоса находился внутри обсерватории, он вступил в чуждый ему мир!

Заработали автоматы биологической защиты. Легерье включил максимальный режим.

— Догадается ли он снять скафандр?

— Должен догадаться. Это же космолетчик. Он сам понимает опасность.

И снова молчание, напряженное, почти мучительное.

— А если он не сможет дышать нашим воздухом?

Никто не отозвался. Эта тревожная мысль явилась всем.

Ничего уже нельзя было изменить. Процесс начался и не мог быть остановлен. Да и куда было деваться пришельцу?..

Он сжег за собой все мосты.

В выходной камере не было экрана. Невозможно было увидеть, что происходит там. Максимальный режим обработки продлится почти час. Живого или мертвого, но пришельца из космоса люди увидят только тогда, когда этот час пройдет.

Он тянулся невыносимо.

— Если бы можно было предвидеть такое, — сказал Вестон, — там был бы экран!

Еще бы! Если бы люди могли предвидеть появление такого гостя, телесвязь с выходной камерой была бы сделана самым тщательным образом. А так, в обычных условиях, в ней не было никакой нужды.

Прошло десять минут. Только десять!

Камера уже наполнилась воздухом. Дистиллированным, чистым воздухом космической обсерватории, без единой бактерии или микроба.

Но воздухом земного состава!

Как подействует на гостя этот воздух? Может быть, чужое Земле существо задохнется в нем и, когда откроется внутренняя дверь, люди увидят только холодный труп?

— Нет, невероятно! — сказал Легерье. — Он не вошел бы так спокойно.

— Мне кажется, — сказал Муратов, — что я понимаю. Это один из хозяев спутников-разведчиков. А они давно знают нашу планету, знают состав ее атмосферы. И, видимо, она им не опасна.

Такое предположение многое объясняло. Но не все!

— Как он очутился на Гермесе? — спросил один из астрономов.

— Очень просто. Спрыгнул. Прыжок со ста метров вполне безопасен на астероиде таких размеров.

— Но зачем?

— Это мы узнаем от него самого.

Прошло двадцать минут!

Потом полчаса!

Каюта Легерье опустела. Хотя до момента, когда откроется дверь, оставалось еще много времени, все, кроме Макарова, собрались перед выходной камерой. Заместитель Легерье остался в своей каюте, у обзорного экрана, и периодически сообщал о том, что он видит снаружи. Вернее, о том, что он ничего не видит. Не было никаких признаков присутствия возле обсерватории других звездолетчиков.

Становилось очевидным, что находившийся в камере пришелец действительно один. Это делало его появление на астероиде вдвойне непонятным.

Что нужно ему здесь? Зачем он спрыгнул с своего корабля? Почему его товарищи бросили его одного, а сами улетели? Они могли видеть обсерваторию, но не могли знать, есть ли внутри нее живые существа. Обсерватория могла быть давно брошена за ненадобностью, ее могли обслуживать кибернетические автоматы. А в этом случае одинокий человек обречен на скорую и мучительную смерть. Не могли они не понимать этого!

А если они знали о скорой гибели звездолета, то почему не высадились все? Да и зачем было улетать навстречу смерти, если они знали? Но как они могли знать?!

Все, все загадочно, все непонятно!

Сорок минут!

На кораблях вспомогательной эскадрильи знали обо всем. Муратов не забыл о своих товарищах и рассказал им по радиотелефону о невероятном событии. Там, конечно, тоже волновались, но не так, как здесь. Ведь пришелец из космоса должен был появиться впервые именно здесь, на обсерватории!

Впервые!

Каждый про себя, они готовились к сверхсенсационному событию — к моменту встречи лицом к лицу обитателей разных миров!

Впервые в истории!

...Пятьдесят минут!

Волнение нарастало. А тот, кто находился за толстой непроницаемой дверью, волнуется ли он? Доступно ли ему подобное чувство?

Он должен волноваться! Нельзя себе представить разумное, мыслящее существо без нервной системы!

Они уже видели, что внешние формы пришельца очень похожи на формы людей Земли. Но что окажется под скафандром?

Никто не ожидал появления какого-нибудь чудовища. У гостя из космоса была голова, руки и ноги. Он был одет в скафандр, подобный земным. Он, видимо, мог свободно дышать воздухом Земли. Это говорило за то, что планета, бывшая его родиной, однотипна с Землей. Так почему же сходные условия развития должны привести не к сходным результатам?..

Прошло пятьдесят пять минут!

...Еще одна минута!

И такая глубокая тишина (люди сдерживали даже дыхание) царила вокруг, что все отчетливо слышали, как там, в центральном павильоне, где были сосредоточены все агрегаты управления, щелкнул выключившийся автомат биологической защиты.

Обработка закончилась.

Если пришелец снял с себя скафандр, а он должен был это сделать, если думал логически, то ни на поверх-

ности его тела, ни внутри него не осталось уже ничего, что могло бы заразить воздух обсерватории.

А если нет?

Но и тогда не было опасности. Скафандр был чист. Гостю жестами объяснят, что нужно снять его, и подвергнут вторичной обработке.

Долгожданный момент приблизился вплотную!

Легерье, внешне спокойный, но с сильно побледневшим лицом, нажал на кнопку.

Дверь раздвинулась.

Каждый из них представлял себе гостя по-своему. Каждый рисовал в воображении свой облик, подсказанный индивидуальной фантазией. Но все ожидали увидеть космолетчика, одетого соответственно понятию о космическом полете. Пусть не в комбинезоне, как земные астролетчики, пусть в самом невероятном по покрою и материалу костюме, с любыми чертами лица, любого цвета кожи!

Но того, что они увидели в действительности, не ожидал никто!

Гость снял скафандр; он догадался это сделать, как и ожидали.

Но!..

Всеобщий возглас изумления встретил появление пришельца.

Перед ними, близко от двери, стояла высокая девушка в коротком, сильно открытом платье золотого цвета. Густые иссиня-черные волосы обрамляли ее лицо со странным зеленоватым оттенком кожи. Большие, косо расположенные, очень удлинненные глаза пытливо, но совершенно спокойно смотрели на людей Земли.

Она подняла руку открытой ладонью вперед и произнесла мягким, певучим голосом, растягивая слоги:

— Гийанэйа!

9

— Из всей этой загадочной истории самым странным мне кажется ее внешний вид, я говорю о Гианэе, — сказал Муратов. — Я не думал, что мы увидим такое полное сходство с земными людьми. Это просто неве-

роятно. И как хотите, но в моем сознании не укладывается, что она — житель иного мира.

— А кем иным она может быть? — спросил Легерье.

— Я понимаю это. Как и все, я вынужден признать факт. Но, право, не знаю, как вам объяснить, что-то во мне протестует, даже возмущается...

— Тут нет ничего удивительного, — сказал Легерье. — Ваше состояние понятно. Люди приучили себя к мысли, что обитатели других миров не могут быть в точности похожими на нас. Но почему? Вселенная безгранична, и среди бесчисленного количества обитаемых миров должны встречаться любые внешние формы жизни, вплоть до мыслящей плесени, как писал один ученый в середине прошлого века. Существуют мыслящие организмы всевозможных форм. Но не надо забывать, что доступная нам часть вселенной состоит из тех же веществ, из тех же элементов, что и наша Солнечная система. Установлено, что планетные системы, повторяю, — в доступной нашему исследованию части вселенной, окружают звезды, по спектральному классу подобные Солнцу. Отсюда логический вывод: условия жизни примерно одинаковы. А что такое человек, как не продукт долгого, томительно долгого процесса приспособления к окружающим условиям? Внешние формы тела не могут быть нерациональными. Тело — исполнительный орган мозга. Природа выработала органы, наиболее приспособленные к выполнению определенных функций. А природа всегда идет по самому простому пути. Тело человека — это самый простой из теоретически возможных вариантов. Так почему же на других планетах, где условия жизни подобны нашим, этот процесс должен привести к иному результату? Другое дело, если в основе жизни лежит не углерод и кислород, а что-нибудь другое. Тогда самый мозг может оказаться иным и, как следствие, получит иные органы. Но с подобными существами у нас не будет ничего общего и никакой контакт немыслим.

— Я понимаю вас, — сказал Муратов, — и согласен с вами. Но тут не подобие, а полное сходство.

— И это не удивительно. Я с самого начала был абсолютно убежден, что мы увидим человека. Так и оказалось. И вот почему я был в этом уверен. Я разделяю вашу точку зрения. Корабль, который подлетал к

Гермесу, принадлежал именно хозяевам разведчиков. Они знают, и знают хорошо, нашу Землю. И они решились, в данный момент не важно, по каким причинам, решились высадить на астероид одного из экипажа своего корабля. Мы не знаем, зачем они это сделали, но можем быть совершенно уверены в том, что они не сомневались: их товарищ найдет общий язык с нами. А такая уверенность никак не могла возникнуть, если бы мы и они не были подобны. К существам, отличным от них самих, никогда не послали бы одного человека.

— Все это так, — с оттенком досады сказал Муратов. — Но вы говорите — подобие, подобие! Откуда же не подобие, а абсолютное тождество? Нельзя же считать, что зеленый налет на коже — решающее различие. На Земле между расами большее различие.

Легерье пожал плечами.

— Удивляюсь, — сказал он, — откуда у вас такой атавизм? Подсознательно вы повторяете то, что говорили и писали десятки лет назад. Тогда это было понятно. Слишком близки были еще века владычества религиозных верований. Человек казался самому себе чем-то исключительным в природе. Трудно было допустить, что где-нибудь может существовать такое же «совершенное», подобное божеству, существо, как человек Земли. Отсюда теории о возможности для природы создавать бесконечные формы — вместилища мозга. Подчеркиваю — создавать в одинаковых условиях. А если стать, стать твердо на точку зрения, что человек — создание природы, то нетрудно понять и то, что природа везде, где условия одинаковы, создает одно и то же. У природы нет разума, она действует, если можно так выразиться, «интуитивно». Действует просто и, самое главное, естественно.

— Все не то, — сказал Муратов. — То, что вы говорите, я и сам знаю.

— Вас смущает, что Гианэя — копия земной женщины, и притом женщины белой расы. Так ведь? Давайте подойдем к вопросу с другой стороны. Поменяемся ролями. Пусть не они, а мы сами исследовали пространство вокруг нашей планетной системы. И обнаружили несколько населенных миров. Пусть обитатели этих миров различны по внешности. Есть совсем не похожие на нас, есть подобные нам. А есть и совсем тож-

дественные. С кем же мы свяжемся первыми? С кем произойдет первая встреча?

— На Земле несколько рас.

— Совершенно верно. Естественно ожидать понимания от подобных самому себе. Гианэя принадлежит к человечеству или части человечества такой планеты, где мыслящий разум облекся в ту же форму, что и на Земле, и притом наибольшее сходство у них и у людей белой расы на Земле.

— Значит, все-таки это случайность?

— Да, но случайность закономерная и естественная. Ничего странного я здесь не вижу. Скажу более; я был бы очень удивлен, если бы случилось иначе.

— Значит, по-вашему, они имели выбор?

— Похоже на то. Но может, конечно, и так случиться, что они и не имели выбора. Просто первая же населенная планета, которую они нашли, оказалась населенной одинаковыми с ними людьми. Тот факт, что Гианэя свободно дышит нашим воздухом, доказывает тождество Земли и ее родины. А такое тождество, по моему глубокому убеждению, не исключение, а правило в близкой к нам области вселенной. Я говорю о звездах класса нашего Солнца. У других звезд планетных систем не обнаружено. С их стороны было совершенно естественно и логично искать населенные миры возле звезд, подобных их солнцу.

— Вы думаете, что ее родина где-то близко?

— Это вытекает из предположения, что разведчики посланы ими. Нельзя допустить, что их послали к нам из туманности Андромеды. Должна быть цель. Другое дело, если мы ошибаемся и Гианэя не имеет никакого отношения к разведчикам. Тогда она могла явиться откуда угодно.

— А чем вы объясняете зеленый оттенок ее кожи? — спросил Муратов, желая переменить разговор и оставить тему, где он чувствовал превосходство собеседника.

Легерье улыбнулся.

— Вы сами понимаете, что на этот вопрос я не могу ответить сейчас, — сказал он. — Происхождение зеленого оттенка выяснится, когда Гианэю обследуют медики. Если она согласится на это.

— Если согласится? — удивленно спросил Муратов. — Как можно даже допускать возможность отказа?

Это же совершенно нелепо со стороны разумного существа, попавшего на другую планету. Не может же она не понимать, что наука Земли захочет ознакомиться с ее организмом? Содействовать в этом — ее нравственный долг.

Несколько минут Легерье молчал.

— Вот что, Муратов, — сказал он наконец. — Я рад, что вы заговорили об этом. Я не хотел ни с кем делиться своими наблюдениями, чтобы не создавать впечатления, которое может оказаться ложным. Но раз мы затронули эту тему... Скажите, вы не заметили в поведении Гианэи ничего особенного?

— Я заметил только, что она держится с поразительным спокойствием. В ее положении это даже неестественно.

— Да, конечно. Оказаться в чужом мире, среди чуждых не только ей, но и всему человечеству, к которому она принадлежит, людей и держать себя так, как она, — неестественно. Вы правы. Но мне кажется, что тут другое. — Легерье в волнении прошелся по каюте. — Очень бы хотелось, чтобы вы доказали мне мою неправоту. Буду говорить прямо. Вам не кажется, что Гианэя держится не спокойно, а высокомерно?

Муратов вздрогнул. То, что сказал Легерье, сходилось с его собственными мыслями. Ему самому часто казалось, что в поведении чужеземки проступает сознание своего превосходства над окружающими, но он старался не поддаваться этому впечатлению.

— Да, — ответил он, — казалось, и не раз. Но, может быть, это не высокомерие, для него нет причин, а просто манера держаться, свойственная этим людям. Ведь они не люди Земли.

— Возможно. Мы не знаем их. Но при таком полном внешнем сходстве не только тела, но даже одежды, психика должна быть тоже сходной. Но оставим это. Почему она приняла все наши заботы о ней как должное? Никаких признаков благодарности. Вы помните, когда Вестон повторил сказанное ею слово «Гийанейя», полагая, что оно означает приветствие, она гордо, именно гордо вскинула голову и снова сказала то же слово, указывая на себя. Это было ее имя. Она сделала это так, словно ее оскорбило непонимание. Разве человеку Земли, впервые встретившемуся с обитателями иного мира,

придет в голову сразу же назвать свое имя? Мне кажется, что это именно высокомерие, сознание своего превосходства. Но допустим, что у них так принято. Когда наш врач, выполняя программу биологической защиты, предложил ей сесть в бассейн, она хорошо поняла, поняла сразу и беспрекословно выполнила требуемое. И разделась, не ожидая, когда выйдут присутствующие, при всех. Вы скажете, что в их мире нет женской стыдливости, что у них опять-таки так принято. Сопоставим это с другим фактом. Она явилась к нам в женском платье, и покроя этого платья отнюдь не говорит об отсутствии в их мире таких женских свойств, как кокетливость и стыдливость. Вспомните — спина совершенно открыта платьем, но прикрыта волосами. Это очень характерно. Даже самой кокетливой женщине Земли не придет в голову явиться в чужой мир одетой таким образом. Почему она не в костюме астролетчика? Почему она посчитала нужным показаться нам «во всем блеске красоты»? И после этого она раздевается при всех. Здесь уместно вспомнить глубокую старину. Римские патрицианки раздевались при своих рабах, не считая их людьми.

— Вы впадаете в противоречие, — сказал Муратов. — Если она не считает нас равными ей людьми, то зачем же было «поражать» нас «блеском красоты», как вы сказали?

— Никакого противоречия. Как раз наоборот. Явиться перед нами не рядовым астролетчиком, а именно «госпожой» — вот, по-моему, мотивы ее поведения.

— Госпожой, — повторил Муратов. — Разве в мире, техника которого дошла до межзвездных полетов, могут сохраниться понятия «господин» и «раб»? Вы ошибаетесь, Легерье. Все это можно объяснить гораздо проще, одним словом — обычай. У них такие обычаи. Отличные от наших и потому не понятные нам.

— Буду рад, если это так. Но для меня несомненно, что их психология родственна нашей. Иначе не может быть при таком сходстве. Представьте себе, что вы на ее месте. Вы назвали свое имя — Виктор. И вдруг вас стали бы называть, например, Вико. Разве вы не поправили бы? А она? Тот же Вестон, а затем наш врач, обратились к ней, произнеся ее имя «Гианэя», вместо «Гийанейна». Как она поступила? Улыбнулась, и, как

хотите, улыбнулась пренебрежительно и не возразила. Ей все равно. От низших существ нельзя требовать правильного произношения.

— Увлекаетесь, Легерье. Я отчасти с вами согласен. В ней чувствуется сознание своего превосходства, это верно. По-видимому, такое чувство у нее действительно есть. Но относиться к нам, как низшим существам, у нее нет никаких оснований. Может быть, она думает, что мы затрудняемся произнести Гийанейя. Если бы на чужой планете меня называли Вико, я не стал бы требовать правильного произношения. Раз им так легче, то не все ли равно?

— Любой факт можно объяснить с любой точки зрения. Но в совокупности они дают определенную картину, и ее труднее объяснить, как нам хочется. Увидим! Все это выяснится со временем. Мне очень жаль, — прибавил Легерье, круто меняя разговор, — что я не буду присутствовать при ее прилете на Землю. Как она поведет себя? Когда вы вылетаете?

— Завтра. То есть через двадцать четыре часа. Ведь у вас тут нет суток. Янсен считает, что Гианэя достаточно привыкла к нашей пище за эти два дня. Кстати, не странно ли, что она так охотно и без опасений приняла предложенный ей завтрак?

— Это лишнее доказательство правильности вашей же гипотезы, Муратов. Она принадлежит к тем, кто запустил к нам разведчиков. А они знают Землю, ее атмосферу, ее людей, а также и нашу пищу.

— И к тому же ей ничего другого не оставалось, если она не намеревалась умереть с голоду, — задумчиво сказал Муратов.

10

Радиограмма с Гермеса, извещавшая о появлении Гианэи и обстоятельствах, предшествующих этому появлению, как и следовало ожидать, взволновала все население земного шара.

Возвращения эскадрильи ожидали с огромным нетерпением.

Автоматические радиоустановки обсерватории приняли огромное количество радиограмм с Земли, Марса,

Венеры — отовсюду, где были люди, приветствующие Гианэю. Все человечество с восторгом восприняло ее приход — первой представительницы иного разума на Земле!

Встреча обещала вылиться в грандиозную демонстрацию.

Гианэе показали ворох радиogramм, жестами постарались объяснить, что все это адресовано ей, что ее с нетерпением ждут на Земле.

Поняла ли она? Всем почему-то казалось, что да, поняла. Но внешне отнеслась равнодушно.

Сообщение о том, что ей надо вылететь на Землю, загадочная пришелица встретила так же равнодушно.

Объяснения давал Вестон. На специально для этого вычерченной звездной карте он указал Гианэе на кружок, изображавший Гермес, потом на Землю. Она явно поняла его жесты. Потом инженер начертил стрелу — знак, который трудно было не понять любому мыслящему существу, тем более астролетчику. Острые стрелы упиралось в Землю.

Гианэя посмотрела на Легерье, стоявшего рядом. А затем она сделала рукой плавный жест, очень выразительный, могущий означать только одно: «Летим туда!». В значении этого жеста нельзя было ошибиться.

Каждая мелочь в поведении гостьи вызывала пристальное внимание. Все заметили, что, хотя пояснения давал Вестон, Гианэя «обращалась» исключительно к Легерье. Неужели она догадалась, что именно он является здесь старшим? В поведении начальника экспедиции не было ничего, что выделяло бы его среди других. Казалось, что ничто не могло навести Гианэю на правильную догадку.

И все же она явно догадалась.

После разговора с Легерье Муратов вспомнил об этом странном факте. Поведение Гианэи как будто подтверждало слова французского ученого. Гостья вынуждена была к кому-то обращаться, и она выбрала начальника экспедиции, игнорируя остальных.

«Но как могла она догадаться, что Легерье начальник?» — думал Муратов.

Роальда Янсена — астронома, медика и биолога, исполнявшего на Гермесе обязанности врача, очень беспокоил предстоявший Гианэе перелет на Землю.

— Здесь, — говорил он, — воздух чист. В нем нет ни одного микроба. А ведь на Земле они есть. Как подействует это на организм Гианэи? Не заболит ли она сразу по прилете?

На эту тему состоялся специальный разговор с Землей. Там разделяли опасения Янсена.

Гианэе некуда было деваться. Оставить ее на Гермесе было невозможно. Не оставалось другого выхода, кроме отправки на Землю.

Казалось бы — о чем думать?

Но никому не хотелось действовать без ведома Гианэи. Она согласилась лететь, но надо объяснить ей грозную опасность. Может быть, она не знает о ней, не подозревает, что, ступив на Землю, подвергнет себя большому риску.

Было решено во что бы то ни стало попытаться узнать мнение гостьи.

Но как это сделать?

— У нас нет иного пути, — сказал Янсен, — как только объяснить ей все с помощью рисунков, схем и биологических таблиц — обмена веществ, дыхания и так далее. Если она знакома с биологией, то поймет. Если не знакома, — не поймет ничего. Товарищ Вестон прекрасно рисует. Я попрошу его изготовить несколько рисунков по моему указанию. А затем попробуем.

— Думаю, что это объяснение должны давать двое, — сказал Легерье, — я и Янсен. Остальных прошу не присутствовать. Надо учитывать возможность, что Гианэя не поймет, и пощадить ее самолюбие.

Опыт произвели накануне отлета.

— А что будем делать, если Гианэя поймет и откажется лететь на Землю? — спросил Муратов в самый последний момент, когда Легерье и Янсен готовились пойти к гостье.

Гианэе отдали каюту одного из астрономов, и она почти безотлучно находилась там.

— Сообщим на Землю, — ответил Легерье. — Но я думаю, что она не может отказаться. Она должна понимать, что у нас нет другого выхода.

— Может случиться и так, — добавил Янсен, — что Гианэе придется на Земле ходить в скафандре. А жить она будет в специальном помещении с дистиллированным воздухом.

Муратов покачал головой.

— На это она не согласится.

— К чему гадать? — сказал Легерье. — Согласится, не согласится. Увидим! Пойдем, Янсен!

Опыт прошел удачно. Гианэя, очевидно, хорошо поняла графический язык биолога. Но ответных жестов

гостыи не поняли ни Янсен, ни Легерье. Согласно она лететь на Землю после их объяснения или не согласна?

Чтобы выяснить этот вопрос, перед Гианзэей снова положили карту Вестона. Она улыбнулась и повторила тот же плавный жест, который все понимали, как «летим!».

Мы сделали, что могли, — сказал Легерье. — Везите ее на Землю. Очевидно, она не боится никакого заражения. Я пошлю подробную радиограмму, и там решат, что надо делать дальше. Не теряйте времени.

— Похоже, что они знают нашу планету еще лучше, чем мы думали, — заметил Муратов.

— Да, видимо, так.

У Гианзэи не было никаких вещей. Она явилась на Гермес, к людям Земли, в чуждый ей мир, одетой так легко, словно находилась не в космосе, а у себя дома. Точно зашла в гости на короткое время, с тем, чтобы вскоре вернуться обратно. Это более чем странное обстоятельство не переставало удивлять всех на Гермесе и на Земле. Трудно было даже предположить, что могло побудить ее на такой поступок. Не могла же она быть одетой таким образом на космическом корабле. А объяснение Легерье всем казалось чересчур фантастичным. Здесь крылась тайна, разгадку которой можно было надеяться получить только впоследствии.

Обращало на себя внимание, что маленькие, очень изящные «золотые» туфли Гианзэи снабжены магнитными подошвами. Это говорило за то, что обувь, выглядывавшая нелепой в космическом полете, была предназначена именно для условий невесомости, то есть для космоса.

Причудливо выглядела эта высокая девушка, вся в золоте, среди космолетчиков, одетых в темные комбинезоны. Ростом она была выше всех, кроме одного Муратова. Стройная, с чисто кошачьей ловкостью и гибкостью движений, Гианзэа, казалось, не шла, а скользила по полу. Ее необычайно густые волосы с сине-зеленым отливом тяжелой массой спускались ниже пояса, а у затылка были перехвачены пряжкой в форме какого-то листка или ветки растения, не известного на Земле. Такие же «листки» прикрывали ее колени, не закрытые коротким платьем.

Воздух обсерватории был нагрет до восемнадцати градусов по Цельсию, но, судя по всему, Гианэе не было холодно. От предложенного ей комбинезона гостя отказалась.

Янсену очень хотелось измерить температуру ее тела, но Гианэя отклонила попытку врача, отклонила резко и, с земной точки зрения, невежливо, оттолкнув его руку с термометром.

Она не позволяла даже притронуться к себе. Рукопожатие, видимо, не было принято на ее родине. Если кто-нибудь при встрече протягивал ей руку, Гианэя делала шаг назад и поднимала руку к плечу открытой ладонью вперед — жест, которым она приветствовала людей при первом знакомстве с ними.

«Это гордость и высокомерие», — говорил Легерье.

«Это обычай ее родины», — возражал Муратов.

Кто из них был прав, покажет будущее.

Скафандр, в котором Гианэя высадилась с своего звездолета, был тщательно осмотрен. Он был очень легкий, из тонкого и гибкого металла голубого цвета. Шлем, квадратной, вернее кубической, формы не имел внутри никаких акустических или радиотехнических устройств. Напротив глаз помещалась прозрачная пластинка, очень узкая, дымчато-серая, пропускавшая мало света. И, что было удивительнее всего, не было никаких резервуаров или баллонов с воздухом. Ни внутри, ни снаружи. Даже при очень осторожном, «экономном», дыхании, почти не двигаясь, в подобном скафандре можно было находиться никак не больше десяти-двенадцати минут.

— Это отчасти объясняет ее нетерпеливый стук, — заметил Вестон. — Ей грозило удушье. Но как могли решиться выпустить ее из корабля без запаса воздуха?

Новая труднообъяснимая загадка!

— По-моему, — сказал Муратов, — это доказывает, что они знали о том, что обсерватория населена. Иначе она шла на самоубийство.

— Да, очень темная история, — заметил Легерье. — Чем больше я об этом думаю, тем вероятнее мне кажется, что Гианэя просто убежала из корабля. Эта версия многое проясняет. В спешке она забыла про запас воздуха.

— Но ведь корабль остановился у самой поверхности Гермеса. Как же это согласовать с вашей версией? Выходит, что ее бегству помогал экипаж звездолета.

— Они могли заметить на астероиде искусственное сооружение и подлетели, чтобы узнать, что это такое. А она могла воспользоваться неожиданной остановкой.

— Тогда почему они остановились только на минуту? Легерье пожал плечами.

— Темная история! — повторил он.

Скафандр был устроен так, что человек мог без посторонней помощи снять его с себя. Но не надеть. Это выяснилось, когда пришло время перевести Гианэю на флагманский звездолет эскадрильи.

Пришлось поломать голову, чтобы разобраться в незнакомой конструкции.

С земной точки зрения, пустолазный костюм Гианэн был очень неудобен. Его нельзя было надеть на себя, в него надо было «войти». И, пожалуй, никто из людей Земли не смог бы это сделать, разве что особо гибкий акробат.

Гианэя с легкостью выполнила эту трудную задачу. Она скользнула, именно скользнула в скафандр с непостижимой быстротой и ловкостью.

Но ведь не мог же этот скафандр быть изготовленным специально для нее. Он, очевидно, был таким же, как и остальные скафандры на корабле гостей. Значит, Гианэя не являлась исключением среди своего народа. Они все были так же гибки и ловки, как она.

Теперь надо было герметизировать скафандр. А Гианэя ни единым жестом не попыталась помочь людям. Она стояла и ждала. Словно ей было безразлично, лететь на Землю или оставаться на Гермесе.

— Упрямое существо! — проворчал Вестон, внимательно рассматривая длинные полосы, висящие по краям разрезов скафандра. — Вся беда в том, что проделать это надо как можно быстрее. Иначе она задохнется раньше, чем дойдет до корабля. Неужели она этого не понимает?

— Может быть, она просто сама не знает, как обращаться со скафандром, — предположил Муратов.

— Да, еще бы! Отлично знает, но не хочет помочь. Вот, смотри, Виктор! Кажется, я понял. Эти полосы должны сами собой прилипнуть к разрезу. Иначе не может быть.

— Так попробуй! Хотя бы вот здесь, сбоку.

Догадка Вестона оправдалась. Казавшиеся металлическими, полосы прилипали к разрезам. При этом раздавался сухой щелчок.

Муратов заметил едва различимое утолщение на концах полос. Он нажал на одно из них. Полоса отпала.

— Все ясно, — сказал он. — Рука в металлической перчатке может нажать на этот выступ. Но надеть скафандр самостоятельно нельзя. Выходит, — прибавил он, обращаясь к Легерье, — что Гианэе кто-то помогал при бегстве.

Астроном ничего не отвечал.

— Ну, наконец-то! — облегченно вздохнул Вестон, укрепляя полосу на ее место. — Правильно? — обратился он к Гианэе.

Очевидно, выражение лица и интонация голоса были достаточно красноречивы, чтобы Гианэя поняла вопрос инженера. Она кивнула головой.

Вестон укрепил все остальные полосы, оставив только одну, на шее, между воротом скафандра и шлемом. Ее предстояло укрепить самому Муратову, когда все будут готовы к выходу. Ни одной лишней минуты Гианэя не должна находиться без наружного воздуха. Корабли эскадрильи стояли метрах в шестистах от наружной двери обсерватории.

Последнее торопливое прощание, и внутренняя дверь закрылась. В камере остались Муратов, два инженера с эскадрильи и Гианэя.

Люди быстро надели свои скафандры. Чтобы сэкономить время, Легерье решил пожертвовать воздухом камеры и открыть наружную дверь, не откачивая его.

Муратов укрепил последнюю полосу. Теперь Гианэя могла дышать только тем ничтожным количеством кислорода, который остался внутри скафандра.

«А если мы ошиблись, — мелькнула тревожная мысль, — если скафандр закрылся не герметически?»

Но раздумывать было некогда.

Условный стук во внутреннюю дверь... открылась наружная. В камере сразу образовался полный вакуум.

Гианэя стояла спокойно. Все в порядке!

Муратов заранее решил, как ему поступить. Хотя на Гермесе, благодаря почти отсутствию тяжести, карабкаться по скалам было нетрудно, все же это требовало

какого-то расхода мускульной энергии и, следовательно, кислорода.

Он поднял Гианэю на руки и чуть ли не бегом устремился вверх, по крутому склону воронки. Путь был хорошо известен, и Муратов десятки раз уже проходил здесь.

Как отнеслась Гианэя к этому, неожиданному для нее, «насилию»? Муратов не почувствовал никакого сопротивления с ее стороны. Ему даже показалось, что она прижалась к его плечу, облегчая ему задачу.

На половине пути он передал свою ношу одному из своих спутников. Меньше чем в пять минут они добежали до корабля.

Выходная камера звездолета была уже открыта. Как только они оказались внутри и была убрана лестница, камера закрылась и быстро наполнилась воздухом. В виде исключения решили обойтись без обязательной процедуры «очищения». Риска почти не было, ведь Гермес был совершенно лишен даже намека на атмосферу. Единственное, что они могли занести с собой, — это пыль на ботинках скафандров. Но ее можно будет обезвредить внутри камеры, после наполнения ее воздухом.

Муратов подошел к Гианэе, чтобы помочь ей снять скафандр, но девушка отстранила его мягким движением руки и разделась сама.

Ее большие, странно приподнятые к переносице черные глаза пристально, с каким-то необычным выражением, взглянули в лицо Муратову. Казалось, Гианэя хотела что-то сказать или спросить.

Что означал этот пристальный взгляд?

Было ли это благодарностью или, наоборот, гневом, вызванным бесцеремонным обращением?

Как угадать выражение лица и значение взгляда у существа, хотя и во всем подобного человеку Земли, но глубоко, бесконечно глубоко чуждого?..

11

Шарэкс мчался среди полей. В желтом море хлебов, подобно островам, ровными цепочками чернели громадные, неуклюжие с виду вечелектры. Рассмотреть можно

было только те, которые находились вдали. Близкие к полотну дороги мелькали туманными полосами.

Людей не было видно.

Экспресс останавливался редко. Кончалось поле, проносились мимо город или рабочий поселок, и снова — бесконечные желтые поля.

Украина!

Муратов все время смотрел в окно, но ничего не видел.

Словно кинокартина, на невидимом экране его памяти один за другим проходили кадры тех незабываемых дней...

...Что означал взгляд Гианэи, там, в выходной камере корабля?

Пришлица из другого мира подчеркнуто не позволяла никому даже прикоснуться к себе. А он, Муратов, неожиданно для нее, поднял ее на руки.

Но ведь она не противилась. Он хорошо помнил, что Гианэя прижалась к его плечу, быть может, для того, чтобы облегчить ему ношу, ничем не выразила протеста. Она не могла не понять, что он сделал это для нее, что им руководило чувство беспокойства за нее.

Нет, странный взгляд Гианэи не мог быть выражением гнева. Потом, на протяжении четырех суток пути к Земле, Гианэя несколько раз обращалась к Муратову, как раньше, на Гермесе, она обращалась к Легерье.

Если она сердилась, была оскорблена, то могла бы игнорировать Муратова, так же как игнорировала всех, кроме Легерье, на астероиде. Она могла обращаться в необходимых случаях к Гоглидзе, старшему инженеру эскадрильи, который находился тут же, на флагманском звездолете.

Но Гианэя «не замечала» ни Гоглидзе, ни кого-либо другого из экипажа, она «признавала» одного только Муратова.

Непонятная, но несомненная последовательность!

Только старший!

На Гермесе — Легерье, на звездолете — Муратов! Остальные словно не существовали для Гианэи.

Странный, очень странный факт. И трудно было найти правдоподобное объяснение этому факту.

«Гордость и высокомерие», — говорил Легерье.

Нет, он не прав! Не может быть прав! Не вяжется, никак не вяжется высокомерная гордость с высокой цивилизацией, необходимой для осуществления межзвездного полета, который совершила Гианэя.

Она явилась к людям с космического корабля, прилетевшего из другой планетной системы, и кто мог сказать, в какой бездне пространства находилось солнце ее родины.

Этого корабля никто не видел, но было известно, что погибший звездолет был гигантом, далеко превосходявшим по размерам земные. И он обладал свойствами, которыми не обладали еще корабли Земли.

На большой высоте должна была находиться техника родины Гианэи. А высокая техника неотделима от высокой организации общества разумных обитателей планеты, на которой она возникла.

Как же согласовать это с объяснением Легерье?

Но и опровергнуть его было нелегко. Своим поведением, если смотреть на него с земной точки зрения, Гианэя как будто подтверждала мнение французского астронома.

С земной точки зрения!

Муратов был убежден, что именно здесь и кроется ошибка. С точки зрения Гианэи, все это могло выглядеть совершенно иначе.

Интересно все же, как определяла Гианэя, кто из окружающих ее людей является старшим? Не только внешне, но и внутренне у людей Земли давно уже исчезло представление, что один человек может быть более значителен, чем другой. Ни в поведении, ни в отношениях друг к другу — ни в чем не проявлялось и не могло проявиться подчиненное положение. Все держали себя совершенно одинаково. Только по разговорам можно было определить роль каждого человека в данном случае. Но Гианэя не могла понимать земного языка.

Не могла даже в том случае, если действительно принадлежала к тем, кто направил к Земле спутников-разведчиков. Не могла и тогда, если ее сородичи тайно от людей посетили Землю и познакомились с существующими на ней языками. Персонал астрономической обсерватории Гермеса и члены экипажей вспомогательной эскадрильи говорили на новом языке, появившемся

тридцать лет тому назад, и постепенно становившемся общеземным языком. Его Гианэя не могла знать. За последние полвека, и это можно было сказать вполне уверенно, никто не мог посетить Землю из другого мира незамеченным. Теперь существует «Служба космоса».

Муратов вспомнил прилет эскадрильи на Землю. Она опустилась там же, откуда взлетела, — на пиренейском ракетодроме. Вспомнил неисчислимые толпы встречающих. Не тысячи, не десятки тысяч — миллионы людей съехались сюда, чтобы встретить Гианэю. Появление на Земле первого представителя иного разума вылилось во всепланетный праздник.

На Муратова и его спутников эта грандиозная демонстрация произвела неизгладимое впечатление.

А на Гианэю?..

С первого своего появления — на пороге выходной камеры обсерватории — и вплоть до приземления флагманского звездолета на Земле Гианэя не высказывала никакого интереса к окружающему. Равнодушие, граничащее с апатией, сквозило в каждом движении, в каждом взгляде. За семь суток своего пребывания среди людей Земли она сделала только четыре активных жеста: оттолкнула руку Янсена, когда он хотел измерить температуру ее тела, отстранила помощь Муратова в камере звездолета, да еще два раза плавно повела рукой, точно хотела сказать: «Летим!».

К этому короткому списку можно было прибавить еще приветственный жест — поднятие открытой ладони к плечу.

И больше не было ничего!

Этим же жестом Гианэя ответила на приветствие встречающих, выйдя из корабля под небо Земли.

Можно было предположить, основываясь на явной молодости Гианэи, что она ступила на почву другого мира впервые, впервые увидела иных людей и иную природу.

И ни малейшего признака волнения!

Это было неестественно.

После долгих сомнений, обсуждений, споров ученые решили не изолировать Гианэю от атмосферы Земли. Слишком много неудобств доставило бы гостье заключение в скафандр. Если она все же заболит, ее вылечат. Не существовало уже микроба, против которого не

было бы надежных средств. А сама Гианэя, по-видимому, не боялась заражения.

И девушка другого мира явилась людям «во всем блеске красоты», как говорил Легерье, с ног до головы одетая в «золото», с тяжелой массой иссиня-черных волос, ничем не покрытых, с ясно видимым зеленым оттенком кожи.

Расставленные повсюду, на многие километры от ракетодома, экраны показали ее всем встречающим.

Все знали, сколь необычно одета гостья из космоса. И все же появление такого более чем странного «космонавта» вызвало возглас изумления, прозвучавший подобно грому.

Муратов внимательно следил за Гианэей. В отсутствие Легерье он был единственным человеком, который мог хотя бы приблизительно, отчасти судить по выражению лица за ее чувствами.

Гианэя казалась спокойной и равнодушной, как всегда. На верхней ступени трапа она остановилась, медленно подняла руку к плечу и так же медленно опустила ее. Взгляд Гианэи был обращен прямо перед собой. На огромное кольцо встречающих она даже не посмотрела.

Потом ее глаза опустились.

Внизу ее ждали ученые, работники космической службы, несколько операторов телехроники и журналисты.

И вот тут, в это мгновение, Муратов заметил то, что впоследствии послужило темой длительной и бесплодной дискуссии, бесчисленных догадок и предположений.

По лицу Гианэи скользнула судорога, ее глаза расширились. Но только на мгновение. Она сразу же приняла обычный невозмутимый вид.

Но Муратов не ошибся. Объективы фотоаппаратов и телекамер запечатлели то же, что видел он.

И он готов был поклясться, что Гианэю что-то поразило, что она ждала чего-то другого.

Больше того! Он увидел и понял вдруг, что перед ним другая Гианэя, что весь ее облик, выражение лица резко изменились, что все семь суток Гианэя находилась в состоянии напряженного ожидания и что только сейчас это напряжение покинуло ее, что она успокоилась.

В этом нельзя было ошибиться!

То, что он и его товарищи принимали за обычное лицо Гианэи, было маской. Только теперь он увидел ее подлинное лицо.

И его глубоко взволновало спокойствие, разлившееся по лицу гостя, сразу, как по волшебству, потерявшему неподвижность и жесткость черт.

Что же могло послужить причиной такой перемены? Радужная встреча? Но Гианэю с первого же момента приняли на Гермесе как друга.

«Опять загадка!» — подумал Муратов с невольным чувством раздражения — он органически не терпел загадок.

Генри Стоун подошел к Гианэе и протянул руку.

И снова загадка!

Гианэя не отступила, как раньше в таких случаях. Она подала председателю научного совета Института космонавтики свою руку с длинными, гибкими пальцами, на каждом из которых изумрудом блестел зеленый ноготь. Подала, но не ответила на пожатие.

Это никого не удивило. Рукопожатие не могло быть обычаем на всех мирах. На родине Гианэи его, очевидно, не знали.

Вслед за Стоуном к ней подошли две девушки. Муратов с удивлением узнал в одной из них свою младшую сестру. Но он сразу же понял, зачем она оказалась здесь. Марина была сотрудницей Института лингвистики; ее спутница, видимо, тоже была лингвисткой. Очевидно, было решено сразу же приставить к Гианэе подруг, которые могли бы изучать ее язык или попытаться научить гостя земному.

Марина подошла первой. Она подняла руки, чтобы обнять девушку другого мира.

Гианэя отстранилась.

«Опять! — подумал Муратов. — Опять Гианэя удостоила чести прикосновения к своей руке старшего из присутствующих. Правда, сейчас угадать было нетрудно».

Воспоминания Муратова прервала остановка экспресса. На этой станции ему нужно было выйти.

Но он снова вернулся к мыслям о прошлом вечером, лежа в постели.

Раз погрузившись в воспоминания, он испытывал настоящую потребность вспомнить все до конца. Вернее, не вспомнить — он никогда не забывал событий тех дней, — а снова пережить все мысли, сомнения и чувства, которые возбудила Гианэя.

Через три дня они встретятся, через три дня он снова увидит загадочную пришлицу, снова близко соприкоснется с окружающей ее тайной, нисколько не прояснившейся за эти полтора года.

Теперь он мог говорить с ней. Правда, не более как о самых обыденных вещах. Но и это уже кое-что. Триста слов, бывших в его распоряжении, могут что-то дать, если их как следует использовать.

Муратов не сомневался, что Гианэя будет говорить с ним не так, как с другими. Быть может, более откровенно. Недаром же несколько раз за это время гостя выражала желание встретиться с тем, кто доставил ее на Землю; его имени она не знала.

Все говорят, что между Гианэей и Мариной существует внешнее сходство, что он сам еще больше похож на гостью Земли. Может быть, именно в этом кроется причина явной симпатии Гианэи к своей переводчице, ее настойчивого желания увидиться с ним самим? Тогда еще больше шансов, что Гианэя ответит на его вопросы.

Пришлица из другого мира очень изменилась за это время. И изменилась к лучшему. Она стала заметно общительней, не отстранялась от людей, охотно обменивалась рукопожатием с теми, кто не возбуждал в ней непонятной антипатии, как например люди небольшого роста, которых она, по-видимому, не переносила. Она стала подвижней, живее, охотно участвовала в спортивных играх, постепенно начинала интересоваться жизнью Земли. Легерье не назвал бы ее сейчас гордой и высокомерной.

Но она по-прежнему молчала обо всем, что касалось ее прошлого, истории ее появления на Гермесе.

Именно это и послужило причиной тому, что Муратов избегал встречи с ней.

Тогда, после прилета на Землю, Муратов вскоре покинул Гианэю. Да и что ему было делать возле нее? Он вернулся к своим обычным занятиям. Но интерес к необычному событию, в котором ему пришлось сыграть такую большую роль, не оставлял его все пол-

тора года. Он внимательно следил за всем, что касалось Гианэи, знал все, что делала гостья, даже лучше, чем знали другие люди. Ведь его сестра постоянно находилась возле Гианэи и часто говорила с братом по радиопону.

На следующий же день после прилета Гианэя сумела объяснить Марине, что хочет переменить одежду, — попросила изготовить такую же, какая была на ней, но белого цвета.

Ее желание было исполнено тотчас же.

С тех пор гостья неизменно ходила вся в белом. Ни разу не надела она своего золотого платья, но тщательно хранила его, всюду возя с собой.

Муратов занес этот факт в достаточно уже длинный список загадок, заданных Гианэей людям Земли.

В чем дело? Что могло послужить причиной? Почему гостья так внезапно и спешно рассталась с золотым одеянием? И случайно ли выбрала она белый цвет?

Не было ли тут связи с необъяснимой переменой, которая произошла с Гианэей, когда она вышла из корабля?

Становилось очевидным, что появление Гианэи на Гермесе в золотой одежде было не случайно. Это имело какой-то смысл. Какой? Этого нельзя было угадать, совершенно не зная обычаев и традиций, существовавших в неведомом мире, откуда явилась Гианэя.

В очередном разговоре по радиопону Марина сказала брату, что белый цвет очень идет Гианэе.

— На солнце, — сказала она, — он делает почти незаметным зеленый оттенок ее кожи. Она становится коричневой, как от загара.

— И ты предполагаешь, что Гианэя сделала это только потому, что хотела скрыть зеленость? — спросил Муратов.

— Мне кажется, что это именно так, — ответила Марина. — Не забывай, что она женщина.

Муратов рассмеялся. Столь простое объяснение загадки казалось ему совершенно неправдоподобным. Гианэя привыкла к зеленому оттенку кожи, это обычный цвет, свойственный всем людям на ее родине. Почему же он может казаться ей некрасивым настолько, чтобы стараться скрыть его?

Нет, тут что-то другое!

И возможная связь Гианэи с теми, кто послал к Земле спутников-разведчиков, продолжала интересоваться не только Муратова, но и всю «Службу космоса». Спутники все еще не появлялись. Если они ушли на очередной перерыв, то он продолжался уже почти четыре года. Шестая лунная экспедиция была последней. Было признано нерациональной тратой сил искать то, чего, возможно, и нет.

Если Гианэя действительно соплеменница «хозяев», то только она могла поднять завесу над космической тайной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

При всем уважении к собеседнику Муратов не смог удержаться от смеха. Обиженное и недоуменное лицо Болотникова, совсем детская жалобная нота, прозвучавшая в его голосе, были комичны.

— Так и знал, — ворчливо сказал профессор. — Все смеются. А для меня здесь ничего смешного нет.

— Простите, — ответил Муратов. — Я не хотел вас обидеть. Но вы должны согласиться, что все это не только непонятно, но и немного смешно. Подобные причуды взрослого человека, да еще космонавта, просто нелепы. Но ничего, это дело поправимое.

— Не понимаю вас.

— Просто с Гианэей никто никогда не говорил на эту тему. Ей надо объяснить, что она напрасно обижает людей. Видимо, ей самой это не приходит в голову. Я постараюсь это сделать.

— Вы думаете, она прислушается к вашим словам?

— Надеюсь.

— А я сомневаюсь. Антипатия Гианэи к людям небольшого роста, по-видимому, имеет какую-то причину. Это не причуда, как вы сказали, а что-то совсем другое, более глубокое и сильное. Это у нее в крови.

— Вот именно. И ей надо сказать, что она находится на Земле, а не у себя на родине. Она должна понять, что люди Земли, высокого они роста или низкого, равноценны. И что ей не следует переносить на Землю обычаи... — Муратов вдруг осекся. — Послушайте, — сказал он, — ведь из этого факта можно сделать интересный

вывод. Как это никому не пришло в голову? Если все соплеменники Гианэи такого же роста, как она сама, то откуда же могла возникнуть ее антипатия?

— Совершенно верно изволите говорить, — сказал Болотников. — И я уже много думал об этом. Совершенно ясно, что население ее планеты делится на два различных типа: одни — высокие, другие — низкие. И те, кто высокого роста, презрительно относятся к низкорослым. Может быть, низкорослые — дикари.

— Дикари? На планете, где высоко развита техника межзвездных полетов?

— Ну и что же? Прошу прощения, но вы не логичны. А разве у нас, на Земле, техника на низком уровне? А люди разве на одном? Разве у нас нет народов, только начинающих приобщаться к культуре? А в Южной Америке, а в Австралии, а на островах Тихого океана?

— Но мы же не презираем их.

— Вот в том-то и дело. Тут и разница.

— Да, — задумчиво сказал Муратов. — Если вы правы, Николай... простите, Николай Адамович, то ваши слова наводят на неприятные мысли.

Болотников кивнул головой.

— Верно, — сказал он, — очень неприятные. Презрение, а поведение Гианэи по отношению к таким, как я, нельзя квалифицировать иначе, как словом «презрение», могло возникнуть только от сознания превосходства. Источник поведения Гианэи в том, что на их планете существует разделение общества на господ и рабов.

«Явиться перед нами госпожой, — вот ее цель», — вспомнил Муратов слова Легерье.

— Не слишком ли сильно? — нерешительно спросил он, в душе соглашаясь с выводом профессора.

— Рад был бы ошибиться, — ответил Болотников.

«Легерье высокого роста, — думал Муратов, — а я еще выше. Стоун очень высокий, Марина гораздо выше среднего женского роста. Все, кого Гианэя удостаивает своим вниманием, одинаковы в этом отношении. Неужели Болотников прав? Но это же дико! После этого сама Гианэя — дикарь».

— Рабовладельческий строй и космические полеты, — сказал он вслух, — несовместимо! Но в ваших словах несомненно есть какая-то доля истины. Но мне

кажется, дело гораздо сложнее и тоньше. Об этом стоит подумать.

— Подумайте, — добродушно ответил профессор, — это всегда полезно.

Муратов приехал в Полтаву утром, в день прилета Шестой лунной экспедиции, опоздав на один день против намеченного им срока. Он хотел встретить экспедицию потому, что в ее составе находился Сергей, а Муратов давно не видел друга юности и соскучился по нему.

Верный своему обещанию, он тотчас же разыскал Болотникова, который очень обрадовался его приходу.

На вопрос, познакомился ли он с Гианэей, как хотел, профессор обиженно ответил, что Марина сделала попытку их познакомить, но Гианэя повернулась спиной и даже не ответила на приветствие. Оскорбленный Болотников тотчас же отошел от нее.

Он был очень маленького роста, и странная антипатия Гианэи проявилась во всем «блеске».

Такая упорная «невоспитанность» была трудно объяснима, тем более, что во всем остальном Гианэя держала себя скромно и вежливо. Она уже полтора года находилась на Земле и давно могла понять, что здесь нет ни «господ», ни «рабов». Для этого требовалась элементарная, самая поверхностная наблюдательность.

И тем не менее!..

Расставшись с Болотниковым, Муратов отправился к дому, в котором поселились Марина с Гианэей. Этот дом не трудно было найти, — весь город знал, где оставилась гостья из космоса.

Не без волнения подошел Муратов к двери. Как встретит его Гианэя? Может быть, ее обидело упорное нежелание Муратова увидаться с ней? И в самом деле, не было никаких причин, оправдывающих его упорство. Гианэя привыкла, что ее желания тотчас же исполнялись.

Он постучал, так как нигде не увидел кнопки звонка. Но ответа не последовало. Немного подождав, Муратов толкнул дверь и вошел.

В доме никого не было.

В столовой он увидел неубранные следы завтрака. Очевидно, обе девушки торопились. Тут же лежала записка, написанная рукой Марины.

Муратов прочел:

«Милый Витя! Если ты зайдешь к нам и не застанешь, то мы уехали в Селену. Гианэя хочет осмотреть город. Увидимся на ракетодроме».

Подписи не было.

Муратов с досадой бросил записку. Ему хотелось, чтобы первый разговор с Гианэей состоялся без свидетелей, а на ракетодроме, в толпе...

— Если ты зайдешь, то мы уехали, — раздраженно повторил он слова записки. — Лингвистка, называется!

Хорошо знакомая манера сестры, писавшей письма, словно нарочно, вопреки правилам грамматики, сейчас почему-то разозлила его.

Он вышел из дома. Но, пройдя несколько шагов, остановился и... повернул обратно.

Как это часто бывает, он вдруг вспомнил, что видел там, на столе, не только записку сестры, но и какой-то рисунок, который тогда не привлек его внимания, а сейчас внезапно возник в памяти. Что-то очень знакомое было в этом рисунке.

Снова войдя в ту же комнату, Муратов подошел к столу.

Память не обманула. Там лежал открытый альбом, видимо, принадлежавший Гианэе.

Муратов не счел себя вправе рассматривать весь альбом. Было неизвестно, понравится ли это Гианэе. Но открытую страницу он имел право посмотреть. Ведь Гианэя, конечно, знала, что он может зайти в их отсутствие.

На плотном листе карандашом был нанесен пейзаж Гермеса. Мрачные скалы, звездное небо и край диска обсерватории. На переднем плане человек в скафандре держал на руках другого человека. Судя по кубической форме шлема, этот другой была сама Гианэя. Был изображен момент, когда он, Муратов, вынес Гианэю из выходной камеры обсерватории, чтобы перенести ее на флагманский звездолет эскадрильи.

Рисунок был мастерски выполнен. Муратов узнал черты своего лица, видные сквозь «стекло» шлема.

«У нее прекрасная память, — подумал Муратов, — ведь прошло полтора года с тех пор».

Было очевидно, что Гианэя рисовала недавно, может быть, даже сегодня. Значит, она думала о нем, ожидала его прихода. И, вполне возможно, намеренно оставила альбом открытым на этой странице. Она хотела, чтобы он увидел рисунок.

«Я думаю о вас и хочу вас видеть» — так можно было понять это, если бы речь шла о земной женщине. Но у Гианэи были иные представления, иные привычки. Мотивы ее поступков не всегда были понятны.

«Кто ее знает, — думал Муратов. — Может быть, это означает как раз обратное: «Не хочу вас видеть, не за была нанесенного оскорбления». Или что-нибудь другое, о чем и догадаться нельзя».

Он в нерешительности держал в руках альбом. Если Гианэя нарисовала этот эпизод по памяти, то она могла вспомнить и запечатлеть другое. Больше половины альбома было заполнено. А что, если она рисовала виды своей родины?

У Муратова задрожали руки. Стоит перевернуть страницу, и, может быть, он увидит то, чего никогда не видели человеческие глаза.

Марина говорила, что Гианэя часто рисует, но никогда не показывает своих рисунков.

Искушение было велико.

Но все же Муратов поборол жгучее любопытство и положил альбом на прежнее место.

Это было бы недостойным поступком — воспользоваться доверием гостии. Она, очевидно, была уверена, что никто без ее согласия не заглянет в альбом. Гианэя уже знала людей Земли и верила им.

«Может быть, она сама покажет рисунки, если попросить ее об этом».

Но робкая надежда была явно беспочвенной. Марина однажды попросила, но не получила даже вежливого отказа. Гианэя просто промолчала.

Муратов медленно вышел.

Его с огромной силой влекло назад. Вернуться, нарушить все законы морали, честности и гостеприимства. И потом всю жизнь презирать самого себя!

Он с ожесточением захлопнул за собой входную дверь.

Шестая должна была приземлиться в семь часов вечера. Сейчас было всего два. Что же ему делать все эти пять часов?

Ехать в Селену и попытаться найти в огромном городе Марину с ее спутницей? Это будет не так уж трудно. Где бы ни появлялась Гианэя, ее сразу замечали. Любой прохожий укажет ему, где искать. Но надо ли так явно показывать нетерпение? Не лучше ли увидеться именно на ракетодроме, как это указала Марина в записке?

Муратов зашел в столовую и заказал обед из четырех блюд, чтобы протянуть время.

В ожидании он раскрыл журнал, вышедший вчера.

Как он и предполагал, на одной из страниц был портрет Гианэи.

Оживленная, с улыбкой на губах, она стояла у какого-то памятника. Рядом была Марина.

Какой контраст с той Гианэей, которую помнил Муратов! Как изменилась гостья! Не осталось и следа от напряженной, ожидающей чего-то маски. Да, теперь он твердо знал, что лицо Гианэи тогда, на пути к Земле, было маской, трагической маской человека, убежденного, что его ожидает что-то, видимо, печальное, а быть может, и ужасное. Это что-то было неизвестное людям Земли, но для самой Гианэи — близкое и реальное!

Если бы не форма глаз и зеленый оттенок кожи, Гианэю можно было принять за сестру Марины, так сильно было сходство между ними. Обе с черными волосами, обе одеты в белое, обе стройные и высокие. Гианэя на полголовы была выше и казалась старше. Но сколько ей лет в действительности, никто еще не знал.

Скоро они встретятся. Теперь Муратов мог говорить с гостьей. Это сильно меняло их будущие отношения. Теперь он не будет столь беспомощным, как раньше, когда все приходилось объяснять жестами.

«Если только она не повернется ко мне спиной, как к Болотникову, — подумал он. — А это может произойти, если она обиделась на мое невнимание к ней».

Но в глубине души он не верил, что так будет. Ему казалось, что Гианэя нарисовала его в альбоме потому, что думала о предстоявшем свидании и хотела его.

«Интересно, какова будет реакция Гианэи, когда она узнает, что я брат Марины!»

Он просил сестру не говорить об этом и был уверен в том, что его просьба исполнена. Гианэя еще не знает об их родстве.

Мысли Муратова прервало появление «официанта». Механические руки быстро и ловко сервировали стол. Чуть слышный звенящий звук сопровождал каждое движение. Это была старая конструкция, модели последних выпусков не звенели.

— Спасибо! — машинально сказал Муратов, когда блюда были поставлены.

Робот «кивнул головой» и отошел.

Муратов усмехнулся. Даже это предусмотрели конструкторы.

Он ел быстро. С каждой минутой усиливалось нетерпение. Ему мучительно хотелось как можно скорее встретиться с Гианэей, выяснить самый главный вопрос: как она относится к нему? Если худшие опасения оправдаются, это будет тяжелым ударом. Слишком много надежд было связано с возобновлением старого знакомства, слишком многое и важное хотел он узнать, используя былую симпатию Гианэи.

А что Гианэя относилась к нему с симпатией, было несомненно. Достаточно вспомнить момент их расставания. Он зашел тогда, чтобы проститься с ней. Знаками объяснил, что уезжает. Гианэя сама, первая, протянула ему руку, чего прежде никогда не делала. В ее глазах он увидел грусть.

Очень велико было сходство этой девушки из другого мира с земными людьми. Разница была ничтожна. И нельзя было истолковывать ее жесты и выражение глаз иначе, как «по-земному».

А неоднократные просьбы Гианэи, чтобы Муратов приехал к ней! Это говорило о том же.

Обед был слишком обильным. Муратов сегодня еще ничего не ел, но сумел справиться только с половиной.

Нажав кнопку, дающую сигнал к уборке стола, он вышел на улицу.

«Убить» удалось всего полчаса. Оставалось четыре с половиной.

«Поеду в Селену, — решил он. — Кстати, я никогда там не был. Погуляю, посмотрю город».

Долететь можно было за пять минут. Но, все с той же целью — протянуть время, Муратов не поднялся к

одной из многочисленных станций местного воздушного сообщения, находившейся рядом, а выбрал самый медлительный вид транспорта — городской вечебус.

Вскоре он пожалел о своем решении. Машина невыносимо часто останавливалась, входили и выходили пассажиры. Как правило, городским вечебусом пользовались только на небольшие расстояния, а Муратову нужно было пересечь весь город, раскинувшийся на многие десятки километров, проехать обширный район между Полтавой и Селеной, занятый автоматическими заводами, и только тогда он окажется у цели, да и то на окраине.

— Сколько времени займет путь до ракетодрома? — спросил он.

— Полтора часа, — ответил металлический голос водителя.

Несколько человек с удивлением взглянули на Муратова.

Он вздохнул и устроился поудобнее в мягком кресле.

Пусть удивляются люди его чудачеству. Им и в голову не может прийти, что он находится в нелепом положении человека, не знающего, куда девать время. С ним самим это случилось первый раз в жизни.

Полтава наконец осталась позади. Потянулись нескончаемые, похожие друг на друга, однообразные здания заводов. Ни куста зелени, ни цветочных клумб, ничего, на чем мог бы остановиться глаз. Глухие стены, без окон.

Красота не нужна здесь: людей нет!

2

Люди, посвятившие себя изучению вопросов языковедения, обычно принадлежат к типу кабинетных ученых. Марина Муратова являлась исключением из этого правила. Она обладала большими способностями к лингвистике, прекрасной памятью, хорошо владела восемью языками и была склонна к исследовательской работе. Но она любила и многое другое. Живопись, музыка, спорт занимали не последнее место в ее жизни. Любовь к путешествиям и общительный покладистый

характер так же сыграли заметную роль в том, что выбор ученого совета Института космонавтики, искавшего подругу для Гианэи, остановился на ней.

Марина согласилась сразу. Необычность и трудность предстоящей задачи увлекли ее. Она знала, что на долгое время, быть может на годы, будет оторвана от привычного дела, но это ее не испугало. Познакомиться с чужим языком, не имевшим ничего общего с земными (так она думала), или научить пришелицу из космоса земному языку, близко сойтись с существом чуждой Земле, родившимся и выросшим на другой планете, под светом другого солнца, — во всем этом было много привлекавшей ее романтики.

Марина не была тщеславна, и тот факт, что, став подругой Гианэи, она сама привлекла к себе внимание всего населения Земли, не повлиял на ее решение. Она об этом просто не думала.

Таинственность Гианэи, длинный ряд загадок, связанных с ней, интересовали Марину в последнюю очередь. Она была уверена, что все тайны раскроются сами собой, как только гостья освоится на Земле, привыкнет к людям и получит возможность свободно говорить с ними.

И свою задачу Муратова понимала именно так — помочь гостье освоиться.

Ни у кого не возникало сомнений в активной помощи Гианэи. Человек, явившийся на чужую планету, не мог вести себя иначе.

Но оказалось не так.

Прошло немного времени, и всем стало ясно, что задача не столь проста. Гианэя отказалась изучать земной язык и не выражала особого желания знакомить Муратову со своим.

В первое время дело шло как будто гладко. Гостья сама нуждалась в том, чтобы ее понимали. Язык, на котором она говорила, был звучен, казался простым, слова запоминались легко. Группа сотрудников Института лингвистики и сама Муратова считали, что и в дальнейшем не будет никаких трудностей.

Но чем дальше, тем неохотнее Гианэя расширяла свой лексикон. Становилось очевидным, что она хочет ограничиться бытовым разговором, необходимым ей самой, но не больше.

Да и то, что люди уже знали, смущало лингвистов. Чувствовалось, что Гианэя упрощает фразы, а Муратова вынуждена произносить слова без грамматических связей. Такую речь Гианэя могла понимать, но это не было знакомством с языком.

Высокая культура народа, к которому принадлежала Гианэя, исключала возможность «бедности» речи. Ее язык безусловно был богат и обширен, а его кажущаяся простота — обманчивой.

Когда окончательно убедились, что на помощь Гианэи рассчитывать не приходится, было решено продолжать изучение без ведома Гианэи. Живя на Земле, общаясь с людьми, даже с одной только Муратовой, гостя невольно произносила новые слова и фразы. Их запоминали и расшифровывали. На помощь к прекрасной памяти Марины привлекли магнитофон. Маленький портативный аппарат, о существовании которого Гианэя не знала, сопровождал ее всюду. Записи поступали в Электронный Мозг Института лингвистики, и тайны чужого языка медленно, но систематически открывались.

Марина запоминала все. Но она крайне осторожна и в строгой постепенности расширяла намеченные Гианэей рамки их бесед. Она боялась «спугнуть» гостью. И девушка другого мира, казалось, не замечала, что ее подруга говорит с ней все более свободно и правильно.

Марина знала, что нравится Гианэе, что гостя симпатизирует ей. Было очень важно укрепить и развить дружеские отношения. Все надежды ученых — раскрыть загадки появления Гианэи — были основаны на этом.

Марине приходилось работать одной. Другая лингвистка, так же как и она «прикрепленная» к Гианэе, на следующий же день после прилета гостыни на Землю вынуждена была отстраниться.

Все постарались предусмотреть в ученом совете, вплоть до внешности, но никто не мог предположить, что небольшой рост окажется неприемлемым для Гианэи.

Привлечь к работе другую девушку оказалось невозможным — не было ни одной подходящей кандидатуры.

Но Муратова и одна хорошо справлялась.

За прошедшие полтора года она ни разу не пожалела о том, что связала себя с Гианэей, ни разу между ними не «пробегала черная кошка». У гостыни Земли был

хороший характер, и с каждым днем он становился лучше. Исчезли, ушли в прошлое натянутость, холодность в обращении и какая-то непонятная, но несомненная настороженность, очень заметные в первые месяцы. Теперь Гианэя была «обычной» девушкой. Всегда оживленная, очень подвижная, любящая спорт и спортивные игры (которые она осваивала с поразительной легкостью), рисование и музыку, она в последнее время даже дурачилась, оставаясь наедине с подругой.

Что именно она рисовала в своих альбомах, оставалось тайной. Марине редко удавалось увидеть эти рисунки. А то, что Гианэя показывала, всегда было пейзажами Земли или портретами Марины. Несколько бюстов, вылепленных с большим мастерством, изображавших либо Марину, либо ее самою, Гианэя сразу же уничтожила.

Она даже не пыталась научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, но с удовольствием слушала, когда играла Марина.

Иногда гостыя начинала петь странные для земного слуха мелодии без аккомпанемента, поражая всех, кто ее слышал, красотой звука и невероятной широтой диапазона своего голоса.

Эти песни, записанные магнитофоном, служили главной «пищей» Электронному Мозгу, в них было много новых слов и словосочетаний.

Марина была убеждена, что Гианэя очень молода, но выяснить этот простой вопрос никак не удавалось. С непонятным упорством Гианэя отмалчивалась, когда ее спрашивали об этом.

Манера гостыи игнорировать некоторые вопросы, будто не слыша их, никогда не раздражала Муратову и не вызывала желания во что бы то ни стало добиться ответа. Она всегда помнила, что, несмотря на поразительное сходство с людьми, перед ней человек иного мира, с иными привычками и понятиями. И она делала вид, что не видит в молчании Гианэи ничего особенного, а считает это естественным.

Такая тактика безусловно была правильной.

— Когда яблоко созревает, оно падает само, — говорили ученые. — Гианэе надо предоставить время «созреть». И тогда она заговорит.

И Гианэя заметно «созревала». Она все реже и реже отмалчивалась. Неохотно, но отвечала. Выполняя полученные указания, Марина никогда не задавала вопроса, на который Гианэя раньше не захотела ответить.

И между двумя девушками было полное согласие и, внешне, полное взаимопонимание.

Всем казалось, что Гианэя равнодушно относится к Земле, что жизнь Земли нисколько не интересует ее. Но Марина видела, и с каждым днем яснее, что это далеко не так.

Она уже хорошо разбиралась в оттенках выражения лица и особенно глаз гости. И постепенно убеждалась, что Гианэя просто прячет от людей свой интерес к Земле, по какой-то, ей одной известной, причине надевает на себя маску равнодушия.

За полтора года Гианэя объехала всю Землю. Она видела все, что было наиболее красивым, величественным и грандиозным на планете, природным или искусственным. И казалось, все это не производило на нее впечатления. Нигде она не задерживалась надолго, никогда не любовалась произведением искусства или красотой природы, так, как это делали люди. Смотрела минуту, много — две и отворачивалась.

Но когда, через несколько месяцев после поездки в северную Америку, Марина увидела нарисованный Гианэей вид Ниагарского водопада, она поняла, что мимо-летнего взгляда достаточно для ее подруги, чтобы навсегда запомнить виденное. Величественная картина падающей воды была передана на рисунке до мельчайших подробностей. Казалось, что в мозгу Гианэи запечатлелся фотографический снимок водопада.

И так было много раз. Гианэя все помнила, ничего не забывала.

Нет, это было не равнодушие!

Тогда, может быть, внешнее безразличие ко всему — свойство ее соплеменников, своеобразная традиция, обязательная форма поведения, диктуемая обычаям?

Могло быть и так, но Марина почему-то не хотела верить этому. Ей казалось, что Гианэя все же «напускает» на себя равнодушие, делает вид, что ее не интересует Земля.

Зачем ей это может быть нужно?

И постепенно в душе Марины появилось и крепло убеждение, что гостья из космоса склонна к притворству.

И вот совсем недавно произошел случай, глубоко взволновавший всех и еще больше укрепивший Муратову в мысли, что Гианэя притворяется.

Стоя у полотна шарэкса, по пути в Полтаву, Гианэя неожиданно задала вопрос, показавший с полной очевидностью, что она прячет от людей не только свое прошлое, но и настоящее.

Откуда могла узнать Гианэя, что у Марины есть брат? Больше того, она знала, что форма пути шарэкса — конструкция Виктора Муратова!

Гианэя разговаривала только с Мариной. Все, что она говорила другим и что ей говорили, переводила Марина. Если гостья не знала ни одного земного языка, она никак не могла знать о существовании Виктора Муратова вообще.

Но вдруг оказалось, что она об этом знает. И не только об этом.

Новость была очень важной и повлекла за собой совсем уже непредвиденные последствия.

Случайно ли проговорились Гианэя? Или она намеренно захотела показать людям свою осведомленность?

Этот важнейший вопрос сразу встал перед ученым советом Института космонавтики, с самого начала взявшим на себя все, что касалось гостьи из космоса.

Гианэя, случайно или намеренно, но обнаружила знание одного из языков Земли. Из этого факта можно было сделать вывод, что старые подозрения справедливы, что Гианэя действительно принадлежит к тем, кто направил к Земле спутников-разведчиков. А если это так, то становилось очевидным и другое: ее соплеменники были на Земле. Но можно было объяснить все и проще: Гианэя сама, без чьей-либо помощи, изучила земной язык и могла читать на нем.

Было очень важно выяснить, какой именно язык знает Гианэя.

С этим вопросом обратились к Муратовой.

На Земле существовало много языков. Общепланетный только начинал входить в обиход. Газеты и журналы, радио- и телепередачи сравнительно редко

пользовались новым языком. В каждой местности (раньше они назывались странами) говорили на старом. Исчезли границы, постепенно стирались национальные различия, общей была культура и цивилизация, но до полного слияния человечества в единую семью, говорящую на одном языке, было еще далеко.

Гианэя любила рассматривать журналы, и ей доставляли их отовсюду, из всех местностей, на всех языках. Было хорошо, что девушка иного мира, хотя бы в этом проявляла какой-то интерес к жизни Земли. Думали, что ее интересуют только иллюстрации, не имевшие языковых различий.

Теперь возник вопрос: какие именно журналы предпочитала Гианэя?

Муратова не смогла ответить. Она никогда не обращала внимания, какой журнал смотрит ее подруга ни, тем более, на каком языке этот журнал. А вспомнить сейчас? Нет, она этого не помнила.

Тогда решили получить ответ другим путем.

Гианэя знала, что человек, предложивший новую форму пути для шарэкса, брат ее спутницы. Значит, в одном из журналов, прошедших через ее руки, была напечатана соответствующая статья. Какие журналы доставлялись Гианэе, нетрудно было узнать.

И нужная статья очень скоро была найдена. В ней говорилось о шарэксе и упоминалось, что Виктор Муратов — родной брат Марины Муратовой, подруги и переводчицы Гианэи. Стало очевидно, что именно эту статью и прочла Гианэя.

Журнал оказался на испанском языке.

Новость облетела весь мир. Из осторожности, чтобы Гианэя не могла случайно прочесть об этом, испанские газеты и журналы промолчали. Если гостья из космоса просто проговорила, сама того не заметив, не следовало показывать ей, что ее тайна открыта.

В Институте лингвистики облегченно вздохнули. В звучании слов, в построении фраз языка Гианэи давно уже заподозрили сходство с каким-то из романских языков Земли. Теперь отпали последние сомнения. Каким бы странным совпадением это ни казалось, но люди неведомой планеты (может быть, не все, а только часть, к которой принадлежала Гианэя) говорили на языке, очень сходном с испанским.

Эта вторая новость была еще более сенсационной, чем первая.

Многое стало ясным. Не могла Гианэя «случайно» выучить именно тот язык, который больше всего походил на ее родной. Она знала его раньше, до того, как появилась среди людей!

А отсюда, естественно, вытекал другой вывод. Гианэя и те, кто были хозяевами спутников-разведчиков, принадлежали к одному и тому же народу! Догадка стала истиной.

Люди считали, что никогда еще существа иного мира не посещали Землю. Это оказалось ошибкой. Неизвестно когда, но соплеменники Гианэи были на Земле, и были довольно долгое время. Они успели узнать и выучить земной язык. Почему именно испанский? Да просто потому, что этот язык был самым легким для них.

Но могло быть и другое. По-испански говорили не только на Пиренейском полуострове. В Мексике, республиках Центральной Америки, на Антильских островах, во всей Южной Америке, за исключением Бразилии, говорили по-испански. Космический корабль пришельцев мог опуститься именно там. Тогда сходство их языка с языком «землян» оказалось счастливой случайностью.

С большой долей вероятности можно было предположить, что «гости» прилетали на Землю очень давно. Если бы это случилось в последние века, их прилет не остался бы незамеченным. А в период империи Карла Пятого, например, огромные пространства Южно-Американского континента были безлюдны. Легко было посадить корабль, скрыв его от взоров людей, смешаться с населением редких городов и поселков, узнать все, что было нужно, и так же незаметно покинуть Землю.

Чем могли привлечь к себе внимание люди, подобные Гианэе? Зеленым оттенком кожи? Его легко было скрыть, прибегнув к гриму или к сильному загару. Необычной формой глаз? Возможно, что на это обратили внимание, но это был не столь уж заметный признак, чтобы поразить воображение или возбудить какие-либо подозрения у людей, которым и в голову не могла прийти мысль о существах иного мира.

Подобная мелочь, даже обратившая на себя внимание, не могла запомниться и войти в историю.

Так неожиданно открылась одна из тайн, окружавших Гианэю.

Марина Муратова хорошо знала испанский язык. И ей стало понятно, почему она столь легко запоминала слова языка Гианэи.

Дальнейшее знакомство с этим языком также должно было пойти легче.

Велико было искушение внезапно заговорить с Гианэей по-испански, застать ее врасплох, но Марине посоветовали не делать этого. Если гостья все же не намеренно задала свой вопрос, а проговорилась, то лучше всего было сделать вид, что этот случай прошел незамеченным. А если намеренно, то тем более не следовало форсировать события. Пусть Гианэя сама решает, когда надо заговорить «полным голосом». Раз начав, она должна была пойти и дальше. Марине вменили в обязанность внимательно следить за тем, какие статьи в испанских журналах читает Гианэя, выяснить, насколько хорошо владеет она этим языком, что ее больше всего интересует. А редакция испанских журналов посоветовали как можно чаще помещать материалы о спутниках-разведчиках и еще раз повторить всю полемику, развернувшуюся три года тому назад по вопросу о их местонахождении в настоящее время.

Никто не сомневался, что Гианэя, даже если она это знает, все равно будет молчать. Но, может быть, она заинтересуется догадками людей Земли и случайно обмолвится какой-нибудь фразой, которая прольет хоть немного света в потемки тайны.

Кому могло прийти в голову, что все эти ухищрения не нужны и что вопрос, так сильно интересующий всех, очень скоро и неожиданно выяснится.

3

В эти дни Виктор Муратов был очень занят и ничего не знал о новости, взволновавшей Землю. Он был срочно вызван в один из вычислительных центров, связанный с экспедицией Жана Легерье и контролирующий движение Гермеса.

Возникло непредвиденное осложнение. На своем пути астероид встретился с крупным телом, еще не известной

малой планетой. Локационные приборы и гравиметры своевременно предупредили о встрече, и катастрофического столкновения удалось избежать. Но траектория Гермеса изменилась. Нужно было дать указания Вестону, какие реустановки и на какое время пустить в ход, чтобы исправить курс.

Легерье и Вестон сами произвели расчеты и сообщили их на Землю. Они совпали с расчетами, произведенными в вычислительном центре. Теперь требовалась четвертая, окончательная, проверка. В подобных делах давно уже стало традицией, чтобы вычисления производились четырежды.

Как всегда, погрузившись в работу, Муратов выключил из сознания все остальное.

А когда работа была окончена (в четвертый раз был получен один и тот же результат), осталось мало времени, и Муратов спешно отправился в Полтаву.

Он мог бы узнать все от Болотникова, но их разговор сразу принял другое направление. И, уехав в Селену, чтобы встретиться там с Гианэей, Муратов даже не подозревал, что в его планы вошло новое и очень существенное обстоятельство.

И именно для него.

Испанский язык был почти что родным для Виктора. Его родители были русского происхождения, но много лет прожили в Испании, отец — работая в геологической экспедиции, а мать — архитектор — на строительстве гигантского детского города, на южном берегу Пиренейского полуострова.

Виктор родился и провел первые годы своей жизни в Альмерии. И там же окончил начальную школу.

Знай он о мировой сенсации, ему стало бы ясно, почему язык Гианэи казался знакомым. Всего четыре дня назад он говорил об этом Болотникову в вагоне шаркса.

Но Муратов ничего не знал.

Селена поразила его своими размерами. Она была значительно больше Полтавы, хотя считалась пригородом. Город вырос со сказочной быстротой, на пустом месте, за пять лет. Дома, улицы, даже сады и парки казались какими-то особенно чистыми, свежими, «новенькими». Чувствовался единый архитектурный замысел всего города. Это производило сильное впечатление —

грандиозности мысли и труда, вложенных в строительство.

Муратов, конечно, знал об огромном размахе работ, идущих всюду, на всей планете, о сотнях новых городов, тысячах мелких населенных пунктах, снабженных всеми удобствами, о бесчисленном количестве научных и технических станций. Человечество стремилось как можно скорее покончить со старой жизнью, приспособить свою планету к новым, постоянно возрастающим требованиям коммунистического строя.

Но как-то так случилось, что он сам жил всегда в старых городах, перестроенных, переконструированных, но все же старых, стоявших столетия.

Селена была чуть ли не первым новым, полностью современным городом, который он увидел вблизи.

Он усмехнулся, вспомнив свою уверенность, что первый же встречный укажет ему, где искать Гианэю. Попробуй найди в таком гиганте!

Селена имела форму кольца. В центре помещался огромный ракетодром.

Круговой вечебус провез Муратова через весь город.

Он забыл о времени, о своем нетерпении, обо всем. Зрелище целиком поглотило его внимание. На каждом шагу, на каждом повороте открывались ансамбли зданий, один красивее и величественнее другого. Дома казались воздушными, обилие зелени подчеркивало легкость конструкций, огромные проемы окон насквозь пронизаны солнечным светом.

И люди, живущие в этом городе, невольно казались какими-то другими, не такими, как в других городах. Они сами как будто были пронизаны светом.

«Обязательно сделаю попытку переехать сюда, — думал Муратов. — Если только город не закрыт из-за перенаселения. Надо пожить среди этой красоты. Наверное, и работа пойдет здесь не так, как в других местах».

Но, видимо, не один только Муратов оценил Селену, в которой воплотился весь опыт, весь архитектурный и художественный гений Земли. На улицах было очень много людей.

Когда вечебус, замкнув кольцо, остановился там, где Муратов сел в него, он посмотрел на часы и вышел,

хотя и был не прочь вторично совершить тот же путь. Времени оставалось совсем немного.

На ракетодром он перелетел на планелете.

На огромном бетонном поле жизнь шла обычным порядком. Возвращение Шестой лунной экспедиции не представляло собой ничего, что могло бы привлечь особое внимание. Чуть ли не каждый день здесь заканчивали свой полет космические корабли с Луны, Марса, Венеры, не считая внутренних, планетных, линий. И столько же улетали отсюда. Шестая интересовала только узкий круг лиц, связанных с космической службой, да еще таких, как Муратов, у которых в составе экспедиции были знакомые.

Озабоченно сновали по полю быстрые, верткие служебные машины, медленно, солидно ползли чудовишной величины заправочные цистерны, летали на маленьких планелетах дежурные механики и диспетчеры. Далеко в центре поля блестели на солнце корпуса кораблей внутренних, «земных», линий и посадочных ракет. Межпланетные корабли не опускались на ракетодром. Они высаживали своих пассажиров или ожидали их за пределами атмосферы.

В здании космопорта Муратов увидел много людей. Видимо, сегодня отправлялся в путь корабль дальнего рейса, и это были покидающие Землю и те, кто их провожал.

Он сразу наткнулся на Стоуна. Председатель ученого совета обрадовался Муратову (они давно не виделись) и крепко пожал его руку.

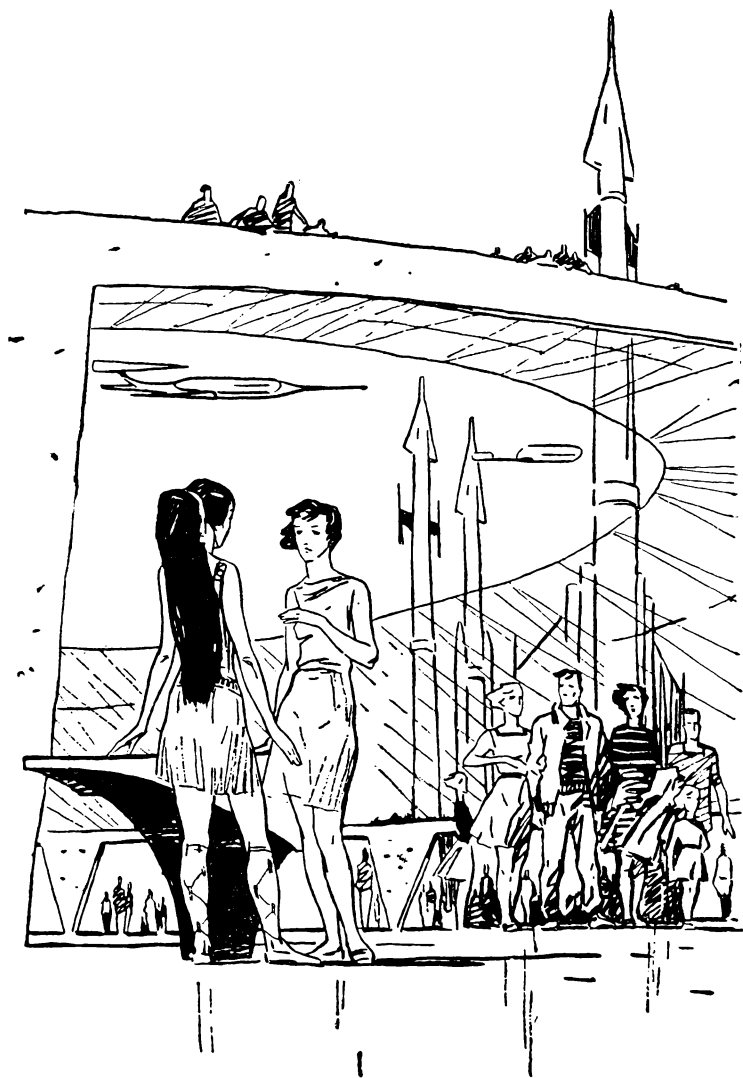
— Итак, — сказал Муратов, — снова ничего!

— Да, к сожалению, снова, — со вздохом ответил Стоун.

Речь шла о Шестой. Оба уже знали, что экспедиция опять вернулась ни с чем. Никаких признаков присутствия на Луне спутников-разведчиков или их базы не удалось обнаружить.

— Это последняя, — прибавил Стоун. — Нет смысла продолжать поиски, пока мы не узнаем что-нибудь новое, например, от Гианэи.

— Внимание! — раздался негромкий отчетливый голос. — Отлетающим на Марс — пройти на посадку. Провожаящие могут идти только до вечевуса.

Вестибюль заметно опустел. И тогда Муратов вдруг увидел Марину и Гианэю. Они стояли у одного из многочисленных киосков-автоматов, оживленно разговари-

вая. Проходившие мимо украдкой бросали любопытные взгляды на эту пару.

— Интересно, зачем она сюда явилась? — сказал Стоун, проследив за взглядом Муратова. — Похоже, что Гианэю очень интересуют наши поиски на Луне.

— Откуда она может знать о них?

Стоун изумленно посмотрел на собеседника.

— Как, — воскликнул он, — вы ничего не знаете?

— Что именно?

— Да вы читали газеты эти дни, слушали передачи?

— Нет, — ответил Муратов, — мне было некогда. Вы же знаете, чем я занимаюсь.

— Ну, ну! — Стоун покачал головой. — И никто вам ничего не сказал? Вся планета только и говорит об этом, а вы даже не слышали.

— А в чем дело? — рассеянно спросил Муратов. Он думал о том, как ему подойти к Гианэе, чтобы это получилось естественнее. Обе девушки стояли спиной к ним.

Но при первых же словах Стоуна рассеянность как рукой сняло. Он слушал в полном изумлении. Вот это новость! Гианэя знает испанский язык? Невероятно!

— Теперь вы понимаете? — спросил Стоун.

— Еще бы! Именно понимаю, что весь мой план рухнул.

— Почему же? — Стоун знал о намерениях Муратова. — Скорей наоборот, это вам поможет. Но только надо быть очень и очень осторожным.

— Вот именно! А это как раз и означает, что нужен новый, совсем новый план.

— Гианэе не следует показывать, что нам известна ее тайна. Я посоветовал бы вам, как бы случайно, в удобный момент заговорить при ней по-испански с вашей сестрой. Выберите интересную для Гианэи тему. Интересно и важно проследить, как она будет реагировать на это.

Муратов опасливо посмотрел на Гианэю. Она находилась от них шагах в тридцати, не больше.

— Мы говорим слишком громко, — шепнул он Стоуну. — Гианэя слышит более чем хорошо.

— Мы же говорим не по-испански.

— А кто ее знает. Может быть, она понимает. После того, что вы рассказали, я ни за что не поручусь.

— Да, это, пожалуй, верно.

Толпа пассажиров, только что вошедших в вестибюль, отделила их от двух девушек. Очевидно, прибыла посадочная ракета с прилетевшего корабля или корабль внутренних рейсов. Муратов, поглощенный новостью, не расслышал сообщения диспетчера.

Стоун посмотрел на часы.

— Шестая должна прибыть минут через двенадцать, — сказал он. — Идите к ним.

— Опасаюсь немного. Гианэя, возможно, не захочет говорить со мной.

— Вряд ли. Ваша сестра сообщала, что Гианэя еще вчера снова спросила про вас.

«Я угадал, — подумал Муратов. — Она рисовала пейзаж Гермеса не случайно».

Но Марины и Гианэи не оказалось на прежнем месте. Они куда-то ушли.

Муратов отправился на поиски.

С самого утра Гианэя нервничала. Это было хорошо заметно по ее движениям, голосу, выражению лица. Марина видела, что какая-то неотвязчивая мысль не дает покоя ее подруге.

Как всегда, перед завтраком они отправились в ближайший плавательный бассейн.

В эту эпоху гимнастические залы и бассейны являлись неслучайной принадлежностью каждого населенного пункта, каждого крупного дома. Но небольшие домашние бассейны не удовлетворяли Гианэю. Она любила не только освежаться, но и плавать.

В это утро, словно забыв о времени, Гианэя очень долго не выходила из воды. Марина давно уже оделась и, сидя в соломенном кресле, ожидала подругу.

Неутомимо и быстро Гианэя бесчисленное число раз пересекала стометровую водную дорожку классически красивым кролем. И, как всегда, постепенно собралось довольно много зрителей. Редкий спортсмен Земли обладал таким отточенным стилем.

С равномерной правильностью, напоминавшей машину, выходили из воды и снова врезывались в нее зеленоватые руки Гианэи. Тяжелая масса черных волос колеблющимся плащом почти закрывала гибкую фигуру девушки.

В зеленой воде бассейна, ярко освещенной лучами солнца, свободно проходившими через прозрачную крышу, Гианэя выглядела как призрак.

Марина хорошо помнила первое посещение бассейна, вскоре после прилета гостя на Землю. Помнила, как неохотно Гианэя согласилась надеть купальный костюм. Большого труда стоило тогда объяснить ей жестами, что нельзя закрыть доступ в бассейн другим людям. Вспо-

миная ответные жесты гостыи, Марина понимала теперь, что Гианэя хотела сказать, что не видит причин, почему она должна надевать костюм, если в бассейне кто-нибудь находится. Да и сейчас, спустя полтора года, она, видимо, не понимала этого.

Всем давно стало ясно, что Легерье неправильно понял поведение Гианэи в самом начале ее пребывания среди людей. Она разделась при всех не потому, что отходила к людям высокомерно или пренебрежительно, а просто потому, что так было принято среди ее соплеменников. Они не видели причин прятать свое тело от чужих взглядов.

Больше часа Марина ожидала. А когда Гианэя, наконец, вышла из бассейна, у нее не было заметно никакого утомления. Казалось, что она могла бы проплыть еще столько же.

Они вернулись домой.

За завтраком Гианэя неожиданно попросила показать ей Селену. До сих пор ни единым словом она не поясняла причин, побудивших ее приехать в Полтаву. Город ее явно не интересовал, все три дня она почти не выходила из дому.

Но просьба несколько не удивила Марину. Она ждала ее, давно не сомневаясь, что именно прилет Шестой лунной экспедиции заставил Гианэю явиться сюда. Теперь уже не приходилось удивляться, откуда она знает. Осведомленность гостыи в земных делах перестала быть тайной.

Но что могло заинтересовать ее в этой экспедиции?

И непонятной была нервозность Гианэи сегодня. Длительное плавание явно имело целью успокоить возбужденные нервы.

Что тревожило Гианэю.

«Ну хорошо, — рассуждала Марина. — Допустим, она хочет встретить Шестую. В составе экспедиции нет ни одного человека, которого она знает. Результаты? О них она могла прочитать или просто спросить. Незачем было приезжать сюда из-за этого. Если она читает испанские журналы, то должна знать, что пять предыдущих экспедиций вернулись ни с чем. У нее нет причин тревожиться, даже если она действительно принадлежит

к тем, кто является хозяевами разведчиков. Найдут их или нет — это, конечно, может интересовать ее, но не может служить возбудительной причиной встречать экспедицию лично».

Вчера Гианэя удивила Марину внезапным вопросом, придет ли ее брат в Полтаву? Она не прибавила: «Встречать Шестую» — но было ясно, что спрашивала именно об этом.

Марина ответила, что да, Виктор придет.

Гианэя никак не реагировала, ничем не показала, какое впечатление произвел на нее этот ответ. Можно было подумать, что она его вообще не слышала.

Уже несколько раз Гианэя просила Марину познакомиться ее с Виктором, но до сих пор ничто не указывало, что она знает о тождестве брата Марины с человеком, доставившим ее с Гермеса на Землю. Теперь получалось — она и это знает!

А когда Гианэя тут же стала рисовать в альбоме пейзаж Гермеса, с Виктором на переднем плане, на этот раз не скрывая рисунка, Марина окончательно убедилась в осведомленности Гианэи.

Кого же хотела видеть девушка иного мира — брата подруги или спутника в полете? Хотела ли она познакомиться с близким Марине человеком или снова встретиться со старым знакомым? Если верно второе, то на это должна была существовать какая-то причина.

Может быть, не прилет лунной экспедиции, а именно предстоявшая встреча с Виктором так сильно взволновала Гианэю?

Марина немедленно сообщила обо всем Стоуну. В ученом совете с большим удовлетворением встретили это известие. Вопрос Гианэи давал все основания считать, что девушка решила «открыть карты», что у полотна шарэкса она не проговорилась, а намеренно дала понять, что знает многое, чего не могла бы знать, не владея земным языком.

Но тогда почему она прямо не сознается в этом? Было похоже, что Гианэя все еще чего-то опасается.

Марине рекомендовали отнестись ко второму случаю «откровенности» Гианэи так же, как к первому, — сделать вид, что она ничего не заметила.

В Селене Гианэя была задумчива и рассеянна. Она старалась показать интерес ко всему, что ей показывали, и это больше всего говорило о потере душевного равновесия. Было проще и естественнее держать себя как всегда, сохранять обычное выражение равнодушия, к которому все давно привыкли и на которое никто не обратил бы внимания.

Гианэя явно не владела сегодня своими нервами.

Следуя намеченной линии поведения, Марина предложила вернуться в Полтаву как раз тогда, когда, по времени, следовало отправиться на ракетодром, если Гианэя действительно хотела встретить Шестую.

Можно было ожидать, что тут уже Гианэя вынуждена будет ответить прямо.

Но гостя нашла естественно звучащий ответ.

— Вы говорили, — сказала она, — что город выстроен кольцом вокруг ракетодрома, а его самого мне не показали. Раз уж мы здесь, покажите и его.

«Вывернулась! — с досадой подумала Марина. — Что за странное упрямство!»

Они ездили по Селене в вечемобиле. Марина повернула руль, и машина направилась к центру.

Непонятная тревога Гианэи усиливалась. Щеки девушки пылали, глаза блестели лихорадочно. Несколько вопросов, заданных Мариной, остались без ответа. Казалось, что, поглощенная своими мыслями, Гианэя ничего не слышит.

Но когда они вошли в вестибюль вокзала космопорта, Гианэю точно подменили. Она оживилась и сама засыпала Марину вопросами. Ее лицо приняло обычную окраску, и только блеск глаз показывал, что тревога еще не покинула Гианэю.

И вдруг (Марина не поверила своим ушам) Гианэя спросила:

— Сколько человек участвовало в Шестой лунной экспедиции?

Слово «экспедиция», на языке Гианэи, впервые коснулось слуха Марины. Она догадалась о его значении по смыслу фразы.

«Что же теперь делать? — подумала она. — Продолжать прежнюю тактику уже невозможно. Гианэя, в

третий раз, и вполне открыто, сбрасывает маску. Не замечать этого и сейчас, значит, открыть ей мою игру. И нельзя же оставить ее вопрос без ответа. Надо принять вызов».

— Откуда вы знаете об этой экспедиции? — спросила Марина, пристально взглянув на подругу. Натренированная в языке память помогла точно повторить новое слово.

Гианэя несколько не смутилась.

— Вы же сами говорили мне об этой экспедиции, — ответила она невозмутимо.

Это было явной ложью, такого разговора никогда не было, Марина помнила это точно.

«Так! — подумала она. — Гианэя способна не только к притворству, но и ко лжи. Выходит, что в их мире мораль находится не на высоком уровне».

— Я не помню, — сказала она вслух, — чтобы когда-нибудь говорила вам о Шестой лунной экспедиции. А почему она вас может интересовать?

Ответа не последовало. Гианэя предпочла прибегнуть к обычному молчанию.

Марина напряженно думала, как поступать дальше. Она хорошо знала, что бесполезно настаивать на ответе. Промолчав один раз, Гианэя уже не изменит своего решения — она будет молчать и дальше. Пожалуй, лучше всего замять этот разговор. По всем признакам, Гианэя собирается окончательно бросить притворяться ничего не знающей. Так пусть же все идет по ее инициативе!

— Мы будем ждать прилета Шестой экспедиции? — спросила Марина как ни в чем не бывало.

— Да, — ответила Гианэя.

Этим коротким словом она признавалась, что специально для встречи Шестой приехала в Полтаву. Не могла она не понимать, что смысл ее слов ясен для Марины.

И не боялась этого.

«Что ж, пора уже! — думала Марина. — Знать язык и не говорить на нем очень трудно. Гианэя, наверное, истосковалась по свободному разговору. Играть роль полтора года более чем достаточно».

— Здравствуйте! — раздалось позади них.

Гианэя так стремительно обернулась, что не могло быть никакого сомнения, — она узнала голос, который

слышала полтора года назад. Радость осветила ее лицо.

— Наконец-то! — сказала она с полной откровенностью, протягивая Муратову руку опять первой, как сделала это при расставании и чего никогда и ни с кем не делала. — Почему вы так долго не появлялись? Я просила Марину.

Четвертый раз!

В несколько дней Гианэя, словно вознаграждая людей Земли за свое долгое молчание, «раскрывалась» с ошеломляющей быстротой.

Муратов понял, что она сказала.

— У меня не было времени, — ответил он, с трудом подбирая слова. — Я очень рад видеть вас.

Марина улыбнулась его произношению.

Гианэя не улыбалась. Она не выпускала его руки и смотрела прямо в глаза тем же пристальным взглядом, как тогда, в выходной камере звездолета, точно собираясь что-то спросить или сказать.

И молчала.

Но она видела, что Муратов понимает ее язык. Что же мешало ей задать вопрос?

— Мне жаль, — сказал он, так и не дождавшись ни одного слова с ее стороны, — что я не мог раньше исполнить ваше желание.

Помня совет Стоуна и действительно испытывая затруднение в подборе слов, он, будто нечаянно, вставил в свою фразу несколько испанских.

Гианэя не переспрашивала. И по ее лицу нельзя было определить, удивил ли ее испанский язык в устах Муратова или нет.

— Вы были у нас?

Муратов понял, что она имеет в виду Полтаву.

«Она хочет спросить, видел ли я ее рисунок в альбоме», — подумал он.

— Да, был.

Гианэя отпустила его руку. Ему показалось, что в ее темных глазах промелькнуло разочарование.

Чего же ожидала от него Гианэя?

Ему стало совершенно ясно, что пейзаж Гермеса, эпизод, касавшийся их обоих, был нарисован и оставлен открыто на столе специально для того, чтобы он мог увидеть его. Это не только не было случайностью, но

имело определенный смысл, должно было что-то сказать ему. И Гианэя ожидала ответа, которого не получила.

Он почувствовал досаду на самого себя за то, что не сумел догадаться, не понял ее мысли. Тот факт, что человеку одной планеты чрезвычайно трудно постичь мысли и намерения человека другой, не служил оправданием в его глазах. Он должен, обязан был более вдумчиво отнестись к рисунку, попытаться понять, что она хотела сказать. И, не сделав этого, он, возможно, испортил свои шансы на дружескую откровенность Гианэи.

— Я видел ваш рисунок, — сказал он, со смутной надеждой что-то поправить и еще чаще уснащая свою речь испанскими словами. — Вы замечательно рисуете, Гианэя.

Она отвернулась с таким откровенно пренебрежительным видом, что Муратов смутился и мысленно выругал сам себя.

Начало возобновления старого знакомства складывалось явно не в его пользу.

Голос диктора сообщил о приземлении посадочной ракеты с корабля, прибывшего с Луны. Это и был тот корабль, которого они ожидали, — Шестая лунная экспедиция.

Марина перевела сообщение Гианэе.

— Вы так и не ответили мне, — спросила гостя, — сколько человек участвовало в этой экспедиции?

— Восемнадцать.

— Прибыли только они? Других пассажиров нет в посадочной ракете?

Пятый раз!

Слова «посадочной ракете» Гианэя сказала по-испански.

Марина не решилась ответить на том же языке. Стоун рекомендовал ей сугубую осторожность. Гианэя могла произнести два испанских слова нечаянно, сама того не заметив. Она была взволнована с самого утра, не владела собой.

— Не знаю, — ответила Марина на языке Гианэи. — Думаю, что других пассажиров нет. Это корабль особого назначения, только для экспедиции.

Настойчивость Гианэи все больше удивляла Марину. Зачем ей надо знать такие подробности?

Посадочная ракета опустилась недалеко от вокзала. Подали трап, и один за другим на землю спустились пассажиры. Их было хорошо видно.

— Я сейчас вернусь, — сказал Муратов. — Подождите меня на этом месте.

Он пошел навстречу Сергею.

Марина заметила, что Гианэя про себя считает выходящих из ракеты. Когда вышел последний, восемнадцатый, она вздохнула явно облегченно. Получилось, что девушку иного мира тревожил вопрос: все ли вернулись с Луны?

Странно! Неужели только для того, чтобы самой убедиться в этом, она приехала сюда?..

Муратов и Синицын встретились на половине дороги. Обнялись.

— Итак, — сказал Виктор, — снова ни с чем?

— Как видишь! — недовольным тоном ответил Сергей.

— Это что же, по выражению твоего лица я должен видеть?

— Знаешь ведь, — Синицын не улыбнулся шутке товарища. Его лицо оставалось хмурым.

Муратов внимательно посмотрел на друга.

— Стоун сказал, что эта экспедиция последняя.

— Знаю. И не согласен с их решением.

— Вас встречает Гианэя, — сказал Муратов, уверенный, что эти слова поразят Синицына.

Но он ошибся. На лице Сергея ничего не отразилось при этом известии.

— Зачем ей это понадобилось? — спросил он равнодушно, явно не интересуясь ответом.

— Загадочная история. — Муратов коротко рассказал о последних событиях, связанных с Гианэей.

Синицын и тут остался равнодушным.

— Об этом стоит подумать, — только и сказал он. — Знаешь что, Витя, не говори со мной о Гианэе. Меня раздражает даже звук ее имени. Я не знаю причин ее молчания, но когда подумаю, что стоит ей захотеть...

К прибывшим подошел Стоун.

— Ты где остановился? — поспешно спросил Синицын. — Ага! Я приду к тебе сегодня вечером, часам к

восьми. И тогда мы подробно поговорим обо всем. А сейчас, извини, некогда.

Муратов отошел.

Хотя он сам не участвовал ни в одной из шести экспедиций, неудача товарищей неприятно действовала на него. Ведь именно он вместе с Сергеем вычислял траектории спутников-разведчиков, именно они оба пришли к выводу, что спутники на Луне, в районе кратера Тихо. И вот шестая неудача подряд! Неужели произошла ошибка?

Нет, не может этого быть! Расчеты неоднократно проверялись другими людьми. Таких коллективных ошибок не бывает. Спутники на Луне!

Так почему же не удается найти их?

Муратов понимал раздраженное состояние Сергея и его антипатию к Гианэе. Она была человеком, который мог одним словом разрешить загадку. Она должна была знать! Она знала! И молчала, равнодушно наблюдая за тщетными усилиями людей Земли. Это действительно могло вызвать не только антипатию, но и ненависть у людей, годы затративших впустую.

Муратов понимал это, но сам не мог настроить себя против Гианэи. Она ему нравилась, была симпатична, несмотря ни на что. Он настойчиво заставлял себя думать, что причина молчания Гианэи кроется в ее воспитании, во взглядах и представлениях ее мира. Она просто не понимает, чего хотят от нее люди Земли.

Разговор между Мариной и Гианэей, который он несколько минут назад слышал, неопровержимо доказывал, что Гианэя интересуется результатами лунных экспедиций, что не случайно оказалась она в Селене именно сегодня.

Знает, все знает!

Он медленно подошел к обеим девушкам, стоявшим там же, где он их покинул, ожидавшим его, видимо, с согласия Гианэи.

И неожиданная мысль пришла ему в голову, заставив его на мгновение остановиться.

«А что, если спросить Гианэю прямо? Она обрадовалась моему появлению, относится ко мне явно не так, как относится к другим людям. Мои испанские слова она восприняла, как будто ожидала их от меня, и даже не пыталась притвориться непонимающей. Рискнуть?»

Он чувствовал, что напрасно задает себе этот вопрос, что решение им уже принято. Нет никаких сил сдерживаться и чего-то ждать. Стоун и ученый совет чрезмерно осторожны. Что плохого может произойти? Ну не ответит — и только.

«Э! Будь что будет!» — подумал он.

— Гианэя! Я очень прошу вас ответить мне на один вопрос. — От волнения Муратов не заметил, что говорит целиком по-испански. — Он очень важен для всех нас и особенно для меня лично. Вы должны ответить, если вы мне друг. Искусственные спутники, направленные к нам вашими соотечественниками, находятся сейчас на Луне?

Марина в полной растерянности, но с тайной радостью услышала этот неожиданный вопрос. Ее брат решительно и просто разрубал завязавшийся узел.

Гианэя опустила голову. Она поняла все, что сказал Виктор, и не скрывала, что поняла. Было видно, что в ней происходит какая-то мучительная борьба.

А когда, наконец, она подняла голову и посмотрела на Виктора, он увидел, что длинные темные глаза гостьи полны слез. Никто никогда не видел, чтобы Гианэя плакала.

— Да, — ответила она едва слышно.

Муратов перевел дыхание, волнение душило его.

— Почему вы молчали? — спросил он, с трудом справляясь с голосом. — Вы же знали, как это важно для нас.

Она ответила еще тише:

— Я боялась. Я хотела сказать давно, но вы все не появлялись. Но теперь я не боюсь больше. Я давно поняла, что Рийагея был прав. Я погубила себя, но спасаю вас.

Гианэя говорила по-испански совершенно свободно. Но не только Марина, но и Виктор сразу поняли, что она знает не современный испанский язык.

«Очень важно выяснить, когда в Испании говорили так, как говорит Гианэя», — подумала Муратова.

5

Седьмая экспедиция на поиски таинственных спутников-разведчиков собралась быстро. Теперь, больше чем когда бы то ни было, следовало торопиться. Там же, на

ракетодроме, после долгого и томительного молчания Гианэя прибавила несколько слов, имевших огромное значение для космической службы.

Ответив, вероятно, неожиданно для самой себя, на вопрос Муратова, Гианэя заторопилась уехать. Она явно опасалась дальнейших вопросов с его стороны, быть может, жалела о своей откровенности, была расстроена и сильно взволнована.

Муратов проводил их до вечемобиля. Он понимал, что нельзя спрашивать Гианэю ни о чем, она не ответит больше ни на один вопрос. А ему хотелось, и было очень нужно, задать ей этот вопрос, единственный и чрезвычайно важный.

И вдруг Гианэя сказала сама, сказала именно то, что он хотел спросить.

Уже сидя в машине, она протянула ему руку, впервые ответила на пожатие, как-то робко и застенчиво улыбнулась.

— Я должна предупредить вас, — сказала она так тихо, что он едва расслышал. — Будьте очень осторожны. Наши — (она произнесла длинное слово на своем языке, очевидно означающее «спутники», или другое, более правильное, название разведчиков) — опасны, и к ним нельзя приближаться. Уничтожьте их. И торопитесь, торопитесь!

Она откинулась на сидении и закрыла глаза. Вдохнула так глубоко, что ему послышался звук, похожий на стон. Страдальческие складки легли у ее губ, и все лицо Гианэи показалось вдруг постаревшим.

— Поезжайте же! — шепнула она Марине.

Вечемобиль умчался.

Виктор остался один.

Он долго смотрел вслед машине. Сердце успокаивалось, билось ровней и медленней.

Итак, полный успех! Порыв, необдуманный и рискованный, дал неоценимый результат. Спутники на Луне, и Гианэя сама советует уничтожить их, не приближаясь к ним.

Уничтожить!

Только сейчас он вспомнил, что забыл спросить самое главное — где надо искать спутники, в каком месте расположена база. Но вряд ли Гианэя знает это. А если знает, то скажет потом. Она ответила на основной во-

прос. Одно дело — искать, не имея уверенности, что спутники на Луне, и совсем другое, когда такая уверенность есть.

Муратов отправился искать Стоуна.

Председатель ученого совета и участники Шестой экспедиции еще не уехали из космопорта. Сообщение Муратова было встречено всеми с удивлением и радостью.

— Вы правильно поступили, — сказал Стоун. — Видимо, мы переосторожничаем. Надо было спросить раньше.

— Это верно, — ответил Муратов, — но спросить должен был именно я, а не кто-нибудь другой. Гианэя сказала такую фразу: «Я давно хотела сказать, но вы — (то есть я, — прибавил Муратов) — все не шли». Она почему-то хотела сказать именно мне.

— Подозрительная симпатия, — не удержался Сергей.

Муратов не удостоил друга даже взглядом.

— Как можно скорей надо начинать сначала, — сказал Стоун. — Теперь можно не разбрасываться, а искать только в кратере Тихо. Слова Гианэи подтверждают правильность вычислений. Будем им верить. Плохо, что мы не уничтожили спутники на их орбитах сразу, как хотели.

— По-моему, это не плохо, а как раз хорошо, — заметил Синицын. — Надо уничтожить не только спутники, но и их базу. А тогда мы даже не подозревали о ее существовании.

— Уничтожить просто, — сказал кто-то из состава Шестой экспедиции. — А как найти? Шесть раз пытались.

Стоун повернулся к Муратову.

— Может быть, — сказал он, — вы попробуете еще раз поговорить с Гианэей?

— Конечно, но думаю, что это бесполезно. Мне кажется, что Гианэя сказала все, что ей известно. И очень нелегко было ей сделать это. Я не могу забыть выражения ее лица. И меня очень тревожит ее фраза: «Я погубила себя, но спасаю вас».

— Да, эта фраза имеет смысл. Несомненно. Но у нас, на Земле, Гианэе ничто не угрожает. Видимо, она хотела сказать, что после ее слов ей закрыт путь на роди-

ну. Об этом мы еще подумаем. И подумаем крепко. Более тревожна вторая половина фразы: «Спасая вас». Что она имела в виду?

— Это может означать только одно, — сказал Муратов. — Спутники таят в себе угрозу для человечества Земли. Если бы вы слышали, каким тоном она сказала: «Уничтожьте их!» — у вас не было бы сомнений.

— У меня и так нет сомнений, — ответил Стоун. — Седьмая лунная отправится как можно скорее.

Несколько часов спустя Муратов долго разговаривал по радиотелефону с сестрой.

Марина рассказала, что Гианэя сразу по приезде домой легла в постель и просила не тревожить ее.

— Она выглядит спокойной, но очень мрачной. Что-то угнетает ее, лишает покоя. Мне кажется, она раскаивается в том, что сбросила маску.

— На каком языке она разговаривает с тобой? — спросил Муратов.

— На своем, как всегда. А я не решаюсь заговорить с ней по-испански.

— И не надо. Она сама скоро перейдет на испанский язык. Вот увидишь!

— Гианэя хочет сегодня уехать.

— Куда?

— Я сама задала ей этот вопрос. Она ответила, что ей безразлично, лишь бы подальше отсюда. Такое впечатление, что она хочет убежать от самой себя, а может быть, и от тебя.

— Да, я понимаю. Это реакция. Гианэя не имела права сказать то, что она сказала. И мучится, нарушив закон своей родины. Но ведь ты сама слышала, как она сказала, что давно решила стать откровенной и что ей мешало мое отсутствие. Чем ты это объясняешь?

Марина ответила не сразу.

— Теперь ясно, — сказала она через минуту, — почему она так настойчиво хотела тебя видеть. Но почему она решила сказать именно тебе, я сама не понимаю. Может быть, здесь играет роль твое сходство с ней.

— Это слишком незначительное и чисто внешнее обстоятельство, чтобы оно могло сыграть заметную роль в столь важном деле. Так можно додуматься до того, что Гианэя любит меня, — Муратов улыбнулся, вспоминая реплику Сергея на ракетодроме.

— Возможно, что это и так, — совершенно серьезно ответила Марина.

— Чепуха! Когда-нибудь мы узнаем причину ее особого ко мне отношения. Это очередная загадка Гианэи. Значит, сегодня вы уезжаете?

— Да. Я предложила ей посетить японские острова, где она еще не была. И Гианэя впервые согласилась лететь. Ей, очевидно, не терпится поскорее удалиться отсюда.

— Следует ли мне проводить вас?

— Конечно, нет. Мне кажется, что Гианэя не хочет тебя видеть. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Ты не ошибаешься, — сказал Муратов. — Я спросил машинально, не подумав. Счастливого пути! И еще два слова. Предсказываю тебе, что Гианэя очень скоро снова обо мне вспомнит. Она заговорила и захочет, должна захотеть, сказать больше.

Он выключил радифон.

События пошли быстрым темпом. Как жаль, что он раньше не исполнил желания Гианэи и так долго избегал встречи с ней. Шестая лунная могла бы вернуться не с пустыми руками, получи он ответ гостьи полгода назад.

Муратов был уверен, что правильно понимает состояние, в котором находится сейчас Гианэя. Что-то заставило ее нарушить свое молчание, она сделала это в тот момент, когда была сильно взволнована и чем-то обеспокоена, сделала, возможно, почти против воли. Теперь она жалеет об этом. А если и не жалеет, то мучится угрызениями совести, «выдав» своих соотечественников.

В чем выдал?

Когда-то высказанное им самим предположение, что спутники-разведчики посланы к Земле с враждебными целями, видимо, правильно. Они содержат какую-то опасность для Земли. Иначе нельзя понять слова Гианэи, что она «спасает» людей. И, посоветовав уничтожить эти спутники, Гианэя нарушила планы своей родины, выдала их людям.

Что же могло заставить ее это сделать?

Муратов и мысли не допускал, что Марина может быть права и особое отношение к нему со стороны Гианэи объясняется столь просто. Он знал, что чертами

лица похож на ее соотечественника, допускал, что именно это может вызывать в ней чувство симпатии, но любовь, в том смысле, как она понимается на Земле, к существу другой планеты, бесконечно чуждому, казалась ему невозможной. Он сам никогда не смог бы полюбить Гианэю так, как земную женщину.

«Все это можно объяснить только одним, — думал Муратов, медленно шагая по комнате из угла в угол: — Они были на Земле давно, и вынесли плохое впечатление от людей Земли того времени. Особенно если это случилось во времена средневековья, среди мракобесия и костров инквизиции. Да еще в Испании¹. Видимо, Гианэя явилась на Землю в уверенности, что наше общество недалеко ушло от того, прежнего. И убедилась в своей ошибке, поняла, что мы лучше и благороднее, чем она думала. Хотя и тут есть противоречия. Ведь она пришла к нам на Гермесе, увидела людей Земли на астероиде, в искусственно созданной астрономической обсерватории, на внепланетной научной станции. Следовательно, ей сразу должно было стать ясным, что мы далеко ушли от дикости и варварства. А может быть, она поняла именно тогда? Почему же она молчала так долго, если так? Что означают ее слова: «Риагея был прав»? Она поняла это давно, как она сказала, но не с самого начала. Кто такой этот Риагея, или Рийагея, как она его назвала? Видимо, прогрессивно мыслящий человек на ее родине. И Гианэя убедилась в его правоте. Значит, раньше сомневалась. Попробуй разберись в этой путанице. Но она расскажет все сама. Только бы поскорей».

Он понимал, что на скорый разговор рассчитывать не приходится. Неизвестно, сколько времени понадобится Гианэе, чтобы полностью успокоиться, пережить случившееся, стать до конца откровенной. Не было никакой уверенности, что она снова на долгое время не замкнется в себе.

Он верил, что не ошибся, сказав Марине, что Гианэя обязательно заговорит. Так должно быть, и так будет!

¹ Разгул деятельности инквизиции относится к XIV—XV векам. С особой силой инквизиция свирепствовала в Испании. При одном только инквизиторе Торквемаде в Испании погибло на кострах более 10 тысяч человек.

Но даже он, оптимистически настроенный по отношению к Гианэе, верящий в ее добрую волю, не мог предположить, что сделанное им предсказание сбудется так быстро, как это произошло в действительности.

В тот же вечер пришло письмо. Оно было от Гианэи.

Записка, вложенная в тот же конверт, поясняла, что письмо написано Гианэей перед самым отъездом в аэропорт.

«Она совсем успокоилась, — сообщала Марина. — Ведет себя как всегда, шутит и полностью перешла на испанский язык. Я не очень этим довольна, но Гианэя поняла и обещала ежедневно давать мне уроки своего языка. И, кажется, собирается делать это в полном объеме. Наконец-то!»

Письмо Гианэи было коротко, написано ровным, четким почерком и не имело ни одной грамматической ошибки.

Муратов даже не понял сразу содержания письма, так сильно поразил его самый факт. Гианэя могла уметь говорить по-испански, но писать... Это свидетельствовало о том, что она знала язык, как сами испанцы. Изучала на другой планете!

Кому и зачем это могло понадобиться?..

Больше, чем устная речь, письмо Гианэи говорило о знании ею старого испанского языка, а не современного. Муратов знал, что в Институте лингвистики не смогли прийти к определенному выводу. Гианэя говорила не чисто. Ее язык мог относиться к концу девятнадцатого века, но мог существовать и гораздо раньше как местное наречие. Загадка оставалась загадкой.

Ему пришлось прочесть письмо второй раз.

«Виктор! — писала Гианэя. — Вы заставили меня сказать больше, чем я хотела. Но я об этом не жалею. Люди Земли не заслуживают участи, которую им готовили. Я сказала и должна дополнить свои слова, иначе они будут для вас бесполезны. То, что вы хотите найти, невидимо для глаз человека Земли. Я знаю это со слов Рийагейи. Что надо делать — не знаю. Подумайте сами.

Гианэя».

Она подписала свое имя латинскими буквами так, как его произносили на Земле.

«Ну, теперь мы знаем все», — подумал Муратов.

Он перечитывал письмо в третий раз, когда приехал Сергей.

А еще через двадцать минут в комнате Муратова появился Стоун.

Ни он, ни Синицын не знали испанского языка. Муратов перевел письмо Гианэи.

— Это можно было предвидеть, — сказал Сергей. — Что спутники невидимы, мы знали и раньше. Выходит, что и сама их база также невидима.

— Возможно, этим и объясняется, что мы никак не можем найти эту базу, — сказал Стоун. — Мы ищем в недрах, а она, может быть, расположена на поверхности, открыто. В районе кратера Тихо очень много глубоких и широких трещин, неприступных плато, горных долин. В любом из таких мест они и могли расположить свою базу.

— На Луне нет осадков, нет ветров, — добавил Сергей. — Ничто не могло повредить оборудованию, кроме метеоритов.

— А это значит только то, что база защищена, например, крышей, прозрачной или также невидимой. Ясно одно, — сказал Стоун, — искать надо там, где мы сами расположили бы такую базу, будь мы на их месте. Там, где как будто ничего нет, но место удобное.

— И еще одно соображение, — после непродолжительного молчания сказал Муратов. — Спутники и база могут быть невидимыми для наших глаз, как пишет Гианэя, но они не могут быть абсолютно прозрачными. Вспомните, на «Титове» мы все видели, что спутник закрыл от нас звезды, находившиеся за ним. Он не прозрачен. И на Луне он должен закрывать то, что находится за ним. Отсюда я делаю логический вывод: база расположена так, что сзади нее находится место, никогда не освещаемое Солнцем. А может быть, она вся расположена в лунной тени.

— Правильно, Виктор! — одобрительно сказал Синицын. — Лунная тень — это полный мрак. Правда, мы освещали прожекторами подобные места на неприступных плато и в трещинах. Но мы делали это просто для порядка, так как считали, что база обязательно расположена в недрах Луны. Поэтому мы могли и не заметить. К тому же нам приходилось летать над горами на

ракетах, а они слишком быстры. Где нет воздуха, там не воспользуешься планелетом.

— Да неужели? — улыбнулся Муратов.

— Никак не могу понять, — недовольно сказал Стоун, — что это за привычка у вас двоих вечно подсмеиваться друг над другом. Серьезные же люди!

— Это с юных лет, — ответил Сергей. — Но мы никогда не обижаемся.

— Еще бы вы стали обижаться! Так вот, друзья! Недра обследованы. Теперь будем искать исключительно на поверхности. Седьмая экспедиция отправится на Луну через два дня.

— Так быстро? — удивился Синицын. — Но, насколько я знаю, корабль не оборудован нужными приборами.

— Он будет оборудован полностью. И, конечно, не самый корабль, а вездеходы.

— Я их и имел в виду.

— Все будет готово через два дня. Я беру это на себя и сам приму участие в экспедиции. Если верить словам Гианэи, а у нас нет оснований им не верить, времени немного. Во что бы то ни стало надо добиться успеха.

Муратов колебался всего несколько секунд.

— Если можно, возьмите и меня, — сказал он.

6

— Пойдите! — сказала Марина.

Она подбежала к кусту и сорвала с него большую желтую розу. Вернувшись на террасу, воткнула цветок в волосы Гианэи.

— Вот теперь совсем хорошо. Вы настоящая японка, только высокого роста. Японки такими не бывают. Но вам замечательно идет этот костюм. Возьмите зонтик и пройдите по саду. А я сниму вас на пленку. То-то удивится Виктор, когда увидит!

Гианэя смущенно улыбнулась.

Длинное, до пят, кимоно, расшитое по желтому фону черными драконами, действительно очень шло ей... Темные глаза, кажущиеся из-за своей длины более узкими,

чем они были на самом деле, дополняли сходство с японкой. Правда, зеленоватый оттенок кожи Гианэи подчеркивался желтым цветом костюма, но Марина старалась не замечать этого. И когда сказала, что кимоно идет ее подруге, говорила искренне.

Они поселились в маленьком, «игрушечном», как выразилась Гианэя, домике, у подножия знаменитой Фудзиямы, любезно предоставленном в их распоряжение теми, кто жил в нем раньше, как только выяснилось, что место понравилось Гианэе.

Как всегда и везде, люди Земли относились к госте из космоса с исключительным вниманием. То же произошло и в Японии. Стоило Гианэе сказать, что ей нравится национальный костюм японок, который она увидела в музее, как на следующее утро было прислано кимоно, сшитое специально для нее, по ее росту.

Гианэя тотчас же надела его.

Чувствовалось, что Гианэе нравится Япония. Все здесь было не таким, как в других странах, или, как говорили сейчас, местностях. И Марине казалось, что окружающее чем-то отвечает вкусам и привычкам Гианэи.

Гостя с видимой радостью приняла предложение поселиться в этом доме, одиноко стоявшем в стороне от других строений.

Искала ли она уединения? Это было возможно, учитывая состояние, в котором Гианэя прилетела сюда. Но Марина почему-то была уверена, что дело в другом. В чем? Этого она не знала, но никак не могла отделаться от впечатления, что Гианэя, впервые на Земле, чувствует себя здесь «как дома».

Несмотря на уединенное расположение и крохотные размеры, их домик отнюдь не был жилищем отшельника. Он был снабжен всеми удобствами, включая автоматическую доставку всего необходимого. Был и обязательный плавательный бассейн, правда, находившийся не внутри дома, а под открытым небом.

Уютная терраса и традиционный для Японии вишневый сад создавали прекрасные условия для отдыха, к которому, видимо, стремилась Гианэя.

И Марина, которая сама была не прочь отдохнуть от непрерывных переездов последних полутора лет, с удо-

вольствием готовилась провести в этом месте длительное время.

Сегодня был второй день.

Они говорили теперь только по-испански. Наконец-то Марина могла разговаривать с подругой свободно и обо всем.

И она твердо решила незаметно и исподволь расспросить Гианэю.

Имя своего брата Марина назвала сейчас отнюдь не случайно. Отношение Гианэи к Виктору ее очень интересовало, и, как женщина, она относилась к «идее любви» не столь скептически, как Виктор.

Гианэя, казалось, не обратила внимания на эту фразу.

— Правда? — спросила она. — Мне хорошо в этом платье?

Марина рассмеялась.

— Вы не то хотите спросить, — сказала она. — Со знайтесь, вас интересует, хороши ли вы в этом платье?

Гианэя вздохнула.

— Я это и спросила, — ответила она откровенно. — Но забыла, что я не земная женщина. Хороша я или нет, здесь некому оценить меня. Я чужая.

— Совершенно ошибочный взгляд. Вы такая же, как все. Как я. Только вы красивее меня.

— Не в том дело. — Лицо Гианэи стало грустным. — И вы, Марина, говорите неправду. Я не такая. Внешние формы тела еще не всё. Мы совсем разные. Я это знаю. — И, помолчав, она прибавила: — Я обреченная. Вы должны понять. Как и у вас, в нашем мире существует любовь и женщина призвана иметь детей.

— Вы вернетесь к себе на родину. Расскажите все, и люди Земли помогут вам вернуться к своим.

— Я никогда не вернусь. Я сама отрезала себе путь к возвращению. Измена не может быть прощена. У нас ее не прощают никогда и никому. И это, конечно, правильно.

Она резко повернулась и скрылась в глубине сада.

Но Марина не могла на этом прекратить разговор. И она возобновила его спустя час после купанья, когда они сидели на террасе за завтраком.

— Не сердитесь, Гианэя, — сказала она, ласково касаясь руки подруги, — я снова хочу вернуться к той же

теме. Вы сказали, что измена не прощается. Я согласна с вами, но не вижу измены с вашей стороны. Вы сказали, что спутники на Луне, и посоветовали уничтожить их. По-видимому, в этих спутниках есть опасность для нас. Ваш поступок вызван человеколюбием. Никакая мораль не может говорить против вас. Никакая, ни наша, ни ваша. Ведь и вы и мы одинаково разумные существа. В чем же измена? Если вы помешали осуществлению плана ваших соотечественников, то эти планы были жестоки и недостойны разумного существа. И у вас на родине не все думают одинаково. Вспомните Рийагейю.

Гианэя подняла голову.

— Рийагейя, — сказала она. — Что вы знаете о нем?

— Очень немного, но вполне достаточно. Вы поняли, что он был прав, и потому сказали. Разве не так?

Гианэя долго молчала.

— Я знаю, — сказала она, — что поступила правильно и что Рийагейя одобрил бы мой поступок. Но очень тяжело пойти против своей родины. Поймите это.

— Я хорошо понимаю, но вы поступили благородно. На вашем месте Рийагейя сделал бы то же.

Тень прошла по лицу Гианэи.

— Нет, — произнесла она тихо. — Он поступил иначе. — Она долго сидела неподвижно, закрыв глаза, точно погрузившись в воспоминания. — Он поступил иначе, — повторила она. — И я считаю его поступок неверным. Я должна была сделать то, что сделала, но не то, что сделал он. Я женщина. — И после продолжительного молчания неожиданно сказала: — Ваш брат удивительно похож на Рийагейю. Меня поразило это сходство, как только я увидела Виктора. Да и сейчас поражает.

— И поэтому вы так хотели его видеть?

— Да, конечно. Почему же еще?

Этот ответ очень неприятно подействовал на Марину. Все ее мечты, что Гианэя полюбит Виктора и с этой любовью войдет в общество земных людей, рушились в одно мгновение.

— Я огорчила вас? — спросила Гианэя, в свою очередь дотрагиваясь до руки Марины. — Или, может быть, вас оскорбило это?

— Что могло меня оскорбить?

— Мои слова. Может быть, вам неприятно, что ваш брат похож на моего соотечественника?

Марине было совсем не до смеха, но она заставила себя рассмеяться.

— Здесь нет и не может быть ничего обидного или оскорбительного, — сказала она. — Вы же сравнили моего брата с человеком, а не обезьяной.

Улыбнулась и Гианэя.

— Я еще плохо знаю людей Земли, — сказала она. — Вы очень хорошие люди. Лучше нас.

— Тем более, — подхватила Марина, — вы не должны мучиться тем, что «спасли» нас.

Против воли, она сказала это слово чуть иронически. Но Гианэя сразу уловила разницу в тоне.

— Вы не верите, что я спасаю людей Земли?

Марина почувствовала, что отвечать надо вполне откровенно.

— Да, — сказала она. — Этому я не верю. Я очень высоко ценю ваши добрые намерения, но не верю, что кто-нибудь может причинить нам вред. Вы нас недооцениваете. Не знаете нашей науки и нашей техники. Они способны справиться с любой опасностью.

— Если она известна.

— Но ведь именно этого вы и не хотите нам сказать.

— Потому, что сама не знаю, — ответила Гианэя.

Стоун сдержал слово. Трудная и сложная подготовка Седьмой лунной экспедиции была закончена ровно через два дня. Звездолет, под командованием Юрия Вересова, стоял на пиренейском ракетодроме, ожидая своих пассажиров. На его борту находились новые усовершенствованные вездеходы, оборудованные совсем иными, чем раньше, приборами и кибернетическими автоматами. Задача была иной. Первые шесть экспедиций ставили перед собой цель найти базу и детально обследовать как ее самое, так и спутников-разведчиков. Теперь, после того, что сказала Гианэя, нужно было найти и уничтожить базу. «К ним нельзя приближаться», — сказала Гианэя, и этим словам приходилось верить.

Люди хорошо помнили обстоятельства гибели робота-разведчика, запущенного с борта звездолета «Герман Титов». Базу иного мира надо было уничтожить на расстоянии.

Муратов прилетел накануне старта. Он был слабее всех участников Седьмой экспедиции подготовлен к предстоящей работе, а быть в ее составе безучастным зрителем, спрашивать на каждом шагу, что происходит, ему совсем не хотелось. С Вересовым он

был давно знаком и надеялся, что командир корабля, принимавший участие во всех шести экспедициях, сумеет в один день основательно ознакомить его с техникой поисков и методами уничтожения базы.

Вересов приветливо встретил первого пассажира. Он сразу понял, что хочет получить от него Муратов, и с готовностью согласился помочь ему. Они засели с утра и до позднего вечера усердно занимались.

Было половина двенадцатого, когда Муратов, устало откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Теперь я могу чем-то помочь в работе. Во всяком случае, буду понимать что к чему. Меня включили в состав экспедиции из внимания к прежним «заслугам», и это было немного неприятно. Спасибо, Юрий!

— Не стоит благодарности, ложись и выпишись хорошенько. Ты еще не был на Луне, и полет к ней будет для тебя интересным. Спокойной ночи!

Вересов, ушел, чтобы вернуться на звездолет и провести на нем ночь.

Муратов остался один.

— Спать, так спать, — сказал он громко и сладко потянулся, довольный собой.

Неожиданно в дверь постучали. Стук был тихий, осторожный. Видимо, стоявший за дверью не был уверен, спит Муратов или нет.

— Войдите! — сказал он.

И тут же вскочил, изумленный, растерянный, ничего не понимающий.

В дверях стояла Гианэя.

Он знал, что она находится на японских островах, еще вчера вечером он говорил с Мариной по радиофону, спрашивал, как чувствует себя гостя, что она говорит и делает. Марина ни словом не упомянула о поездке на Пиренейский полуостров, наоборот, она сказала, что Гианэя собирается провести в Японии долгое время.

И вот!

Муратов быстро овладел собой и пригласил Гианэю войти.

Она протянула ему руку, снова ответила на пожатие, непринужденно села. Казалось, она не видела ничего удивительного в своем внезапном появлении.

Она была одна, без Марины.

— Я прилетела сюда полчаса тому назад, — сказала Гианэя. — И легко узнала, где вы остановились.

Она говорила по-испански.

— Почему вы одна? — спросил Муратов.

— Чтобы говорить с вами, мне не нужен переводчик, — просто ответила Гианэя. — Марина устала, и мне удалось уговорить ее отпустить меня одну. Надо же мне привыкать обходиться на Земле без проводника. Я всю жизнь проживу здесь.

Тень грусти прошла по ее лицу при этих словах. Гианэя энергично тряхнула головой.

— Я сейчас уйду, — сказала она. — Поздно, и вам надо отдохнуть перед полетом. А прилетела я сюда потому, что хочу лететь с вами на Луну.

— С нами? — воскликнул Муратов. — Зачем?

Это вырвалось у него невольно, от удивления. Он сразу понял намерения Гианэи.

— Затем, что всегда и во всем надо быть последовательным, — ответила гостья. — Вы знаете, еще сегодня днем я и не думала о полете на Луну. В том, что такое желание у меня явилось, виновата ваша сестра.

— Она вам посоветовала?

Снова, как недавно на ракетодроме Селены, по лицу Гианэи скользнула пренебрежительная улыбка. И Муратов понял, что эта улыбка относится не к Марине, а к нему самому. Гианэя удивлялась его недогадливости.

«Положительно, я не умею говорить с ней, — подумал Муратов. — Забываю, что она не земная женщина, что у нее иные понятия. И сам же порчу ее мнение о себе».

Ему захотелось тут же рассказать ей о мотивах ее поведения, доказать, что он ее хорошо понимает, но он удержался, зная, что этим только ухудшит положение. Она расценит его слова как хвастливое желание показать свой ум, и в ответ он получит новую пренебрежительную улыбку.

«Сам виноват, — думал он. — Это урок на будущее. Таких ошибок допускать нельзя».

— Меня никто не уговаривал, — сказала Гианэя. — И никто мне ничего не советовал. Для этого надо знать то, что знаю я и чего никто не может знать на Земле. Откуда могла знать Марина, что я могу принести пользу в вашей экспедиции? Это знаю только я.

— Вы хотите помочь нам найти спутников?

— Вы странно их называете. Но наше название непереводимо на ваш язык. Да, я хочу помочь вам и могу это сделать. Марина сумела доказать мне, что это мой долг. Надо быть последовательным, — повторила Гианэя. — То, что вы хотите найти и что надо найти как можно скорей, невидимо для вас, но видимо для меня. Наши глаза видят больше, чем ваши. Я это давно знаю. Так скажите, возьмут меня или нет?

— Конечно, возьмут. И даже с радостью. Я сейчас же сообщу о вашем желании Стоуну. Это начальник экспедиции, — пояснил Муратов.

— Я знаю.

Муратов воспользовался удобным случаем.

— Да, — сказал он, — я и забыл. Вы всегда точно знаете, кто у нас является старшим в данный момент.

Он видел, что Гианэя поняла его намек. Но она ответила «не отвечая»:

— Я прочла об этом. Вернее, мне прочла Марина. В Японии — (в первый раз, говоря по-испански, Гианэя немного запнулась на этом слове) — у нас не было ничего на языке, который я знаю.

Она встала.

— Спасибо, Гианэя, — сказал Муратов. — Спасибо от имени всех. Я очень рад, что вы изменили свое отношение к нам.

— Это могло случиться раньше. Здесь ваша вина, Виктор. Не нужно было пренебрегать мной.

Он даже не нашелся, что ответить на такое заявление.

— Думаю, что у вас найдется костюм для меня. Мы с вами почти одного роста.

— Конечно найдется. Вы видели наши «космические» костюмы на Гермесе. Похожи они на ваши? — Муратов не мог удержаться от соблазна еще раз попытаться счастье.

На этот раз ему удалось достичь цели.

— Не совсем, — ответила Гианэя. — Но в общем они похожи.

— А мы думали, что ваше платье золотого цвета — это и есть костюм для полетов.

— Нелепое предположение, — резко ответила Гианэя. — Разве можно быть так одетой в полете?

— Почему же вы явились к нам именно так?

Ожидая ответа, он затаил дыхание. Откроется ли одна из загадок или нет?..

— Его охватило глубокое разочарование, когда Гианэя вместо ответа сказала:

— До завтра! Не надо провожать меня. Я знаю, что у вас существует такой странный обычай. Здесь близко.

— Где вы остановились?

— Мне сразу указали, как только я прилетела. Не знаю, как называется эта улица, но дом рядом с вашим. — Она посмотрела на него знакомым уже пристальным взглядом. — Вы сказали, что рады изменению моего отношения к вам. Это неверно. Оно осталось прежним. Но я многое поняла. И не буду объяснять, что именно. Вы этого все равно не поймете.

В этот момент она напредила Муратову прежнюю Гианэю, «гордую и высокомерную», какой она казалась всем на Гермесе.

— Попробуйте! — улыбнулся он. — Может быть, я способен понять вас.

— Вы? — она подчеркнула это слово. — Возможно. Я хочу думать, что это так, — прибавила она. — Я должна так думать. Но я хотела бы, чтобы меня поняли все. До свиданья!

Оставшись снова один, Муратов долго сидел в кресле в глубокой задумчивости. Он пытался понять, что хотела сказать Гианэя последней фразой.

Он понял это, но не сейчас, а много позже.

7

Глаз человека воспринимает сравнительно небольшой участок спектра лучистой энергии, ограниченный с одной стороны красными, а с другой — фиолетовыми волнами. Этот участок носит название «видимого». Инфракрасные и ультрафиолетовые лучи, отличающиеся от видимых только длиной волны, уже не раздражают зрительные нервы и не дают светового ощущения, хотя по своей природе они одинаковы с видимыми.

Глаз — чувствительный и достаточно точный орган. Но считать его совершенным нельзя. Вполне могут

существовать другие органы зрения, способные воспринимать как свет более широкую полосу частот. На Земле многие так называемые ночные животные, например совы или филины, видят инфракрасные излучения нагретых тел, что дает им возможность охотиться в темноте.

Было известно, что глаза Гианэи более дальнорезки, чем глаза людей Земли. Теперь, после того, что она сказала Муратову, стало очевидно, что не только этим она отличается от «землян», не только остротой зрения, но и тем, что способна видеть как свет лучистую энергию, не воспринимаемую глазами человека Земли.

В каких же пределах? Какой участок спектра доступен ее зрению? Что она видит, более длинные или более короткие волны? А может быть, и те и другие?

Пока это оставалось неизвестным. Но теперь, когда Гианэя ступила на путь откровенности, была надежда, что она согласится, чтобы ее зрение обследовали окулисты.

Участники Седьмой экспедиции с удовольствием приняли Гианэю в свой состав. Ее участие в поисках сильно повышало шансы на успех даже в том случае, если она не знает точного местонахождения базы. Ведь она сказала, что может увидеть ее — невидимую для людей.

Между разговором Муратова с Гианэей и стартом звездолета прошло немного времени — всего одна ночь, но «открытие» успело разнестись по всему миру. Уже утром стало известно мнение видных ученых относительно зрения Гианэи. Большинство склонялось к тому, что она видит как свет инфракрасный участок спектра. Общее сходство организма Гианэи и людей Земли заставляло думать, что вряд ли ее глаза настолько отличаются от земных, что могут безнаказанно переносить вредный для зрения «ультрафиолетовый свет». Это мнение подтверждалось тем, что в южных местностях Гианэя носила темные очки, когда бывала на солнце, так же, как это делали земные люди.

Если догадка была верной, то Гианэя могла сыграть в экспедиции роль своеобразного живого инфракрасного экрана. Такой «экран» был, конечно, во много раз удобнее и надежнее любого прибора.

Марине Муратовой предложили сопровождать Гианэю.

— Я совершенно не нужна, — ответила она. — Гианэя может говорить с Виктором. Кроме него, еще три участника экспедиции владеют испанским языком. Мое присутствие не диктуется необходимостью. Зачем вам лишний и ненужный человек?

Из разговора с сестрой по радиофону Муратов узнал подробности той беседы, которая натолкнула Гианэю на мысль лично принять участие в полете на Луну.

— Мы говорили с ней о моральной стороне ее поступка, — сказала Марина. — Я старалась убедить ее в том, что она «выдала» планы своих соплеменников из чувства человеколюбия и из благородных побуждений. И, видимо, мне удалось этого добиться. Очень помогла ссылка на Рийагейю. Гианэя относится к нему с огромным уважением и считается с его мнением. Это совершенно очевидно. Нет, — ответила она на вопрос Муратова. — Гианэя не уговаривала меня лететь вместе. Она сказала, что ей надо привыкать к самостоятельности и что не век же мне опекать ее. Да, я действительно не хочу лететь с вами. И рада, что Гианэя не уговаривала меня. Я устала, хочу пожить несколько дней в полном покое.

Марина ни словом не упомянула о сделанном ею открытии, ничего не сказала о том, что загадка особого расположения Гианэи к Виктору перестала быть загадкой. Почему она не открыла брату этой тайны, было неясно ей самой. Но что-то ее удержало, возможно, чувство деликатности, боязнь огорчить Виктора, в чем-то испортить его дружеские отношения с гостьей.

Если бы не зеленый оттенок кожи Гианэи, мало заметный, впрочем, из-за приобретенного ею на Земле загара, если бы не форма глаз, ярко-зеленые ногти на пальцах рук, да еще волосы, слишком густые, тяжелые и отливающие изумрудом, Гианэя казалась бы обычной земной женщиной в ловко сидящем на ней коричневом комбинезоне.

В высокой гибкой фигуре гостьи было что-то напоминающее танцовщицу.

— Кастаньет не хватает, — шутили участники экспедиции. — Чистая испанка!

Внимание, оказываемое Гианэе населением земного шара, на этот раз проявилось в большом количестве желающих проводить ее.

Муратов, стоя рядом с Гианэей у нижней ступени трапа, напомнил ей о еще большей толпе, встретившей ее полтора года тому назад на этом же поле.

— Я тогда ничего не видела, — ответила Гианэя. — Все мои мысли были заняты совсем другим.

— Чего вы тогда ожидали? — спросил Муратов, снова надеясь раскрыть одну из загадок.

Тщетно!

— Вы этого все равно не поймете, — повторила Гианэя вчерашние слова.

Муратов промолчал.

«Сама ты, милая, ничего не понимаешь, — хотелось ему сказать. — Но ничего, придет время, и поймешь».

Протяжный низкий гудок — сигнал отлета — пронесся над ракетодромом.

Гианэя ласково обняла Марину. (Марина не выдержала и прилетела на Пиренейский полуостров попрощаться с подругой.)

Гианэя никогда не целовалась, и можно было думать, что обычай прижиматься губами неизвестен в ее мире.

— Мы скоро увидимся, — сказала она. — Вы будете со мной, когда я вернусь на Землю?

— Конечно, — ответила Марина. — Я буду с вами, пока вы сами меня не прогоните.

— Этого никогда не будет.

— Тогда, значит, мы состаримся вместе, — засмеялась Муратова.

— Это случится не скоро.

Как хотелось Марине воспользоваться случаем и еще раз спросить Гианэю о ее возрасте! Но она удержалась. Раз принятую линию поведения надо было выдерживать до конца. Гианэя должна сказать все по своей инициативе. Эта тактика уже оправдала себя, если не считать вмешательства Виктора.

— Счастливого пути и полного успеха!

— Для вас, — ответила Гианэя, — для людей Земли. Но не для меня.

— Еще раз говорю вам, вы ошибаетесь.

Гианэя не ответила.

Раздался второй гудок.

Провожжающие сели в машины, которые на больших скоростях ушли от звездолета. Участники экспедиции

один за другим скрылись в выходной камере. Последней в корабль вошла Гианэя.

Герметические двери закрылись.

Муратов обратил внимание на полное спокойствие Гианэи. Этого не могло быть, если бы она не привыкла к космическим полетам.

— Вы часто покидали свою планету? — спросил он.

— Мою планету? — переспросила Гианэя каким-то странным тоном.

— Вашу родину.

— Да, часто. У нас это обычное дело. — В ее голосе ясно звучали насмешливые ноты.

Но к чему относилась эта насмешка, к Земле или к ее родине, Муратов так и не смог решить. Было возможно и то и другое.

Научный городок кратера Тихо был выстроен у северного склона хребта, под защитой нависших скал. Здания, стоявшие открыто, как например астрономическая обсерватория, были окружены магнитными и антигравитационными полями. Все же наиболее крупные и быстрые метеориты пробивали иногда защитный слой, и был случай, когда довольно сильно повредили главный телескоп.

Пребывание на Луне не было вполне безопасным, но люди мирились с этим, учитывая огромную пользу, приносимую астрономии и службе космического излучения отсутствием атмосферы — этого бича земных наблюдателей.

Много очень ценных для науки открытий было сделано на Луне, и это вознаграждало людей за риск, которому они ежечасно подвергали свою жизнь.

На Земле полным ходом шли изыскания способов более надежной защиты, и близко было уже время, когда «селениты» будут находиться на Луне в такой же безопасности, как у себя дома.

Находясь в городке, было трудно поверить, что находишься внутри кратера. Противоположная сторона горного кольца скрывалась за горизонтом, перед глазами была равнина, изрезанная трещинами и, как сыпью, покрытая маленькими кратерами. Позади высоко уходили в черное, усеянное звездами небо крутые обрывистые

склоны, почти белые в лучах Солнца и совершенно черные в тени. Казалось, что их вершины должны скрываться в облаках, которых здесь, конечно, не могло быть. Горы закрывали диск Земли, и, чтобы увидеть родную планету, жителям городка нужно было отъехать далеко к югу.

Наполовину высеченные в скалах жилые здания были снабжены чуть ли не всеми удобствами земных домов, вплоть до радиофонов, телевизионных экранов и плавательных бассейнов.

Именно бассейны доставляли жителям Луны наибольшее удовольствие. Только плавая, люди могли не чувствовать шестикратного уменьшения веса и вспомнить обычное, нормальное ощущение своего тела.

Сотрудники обсерватории и научной станции могли видеть земные передачи, слушать радио и говорить с любым человеком на Земле с замедлением всего в одну-две секунды, что было, конечно, совершенно незаметно и не доставляло никаких неудобств.

Телевизионные и радиоантенны были установлены на вершине горы, хорошо «видели» Землю и соединялись с городком пятикилометровым кабелем. Ни разу еще как сами антенны, так и кабель не были повреждены случайным метеоритом.

Все, что происходило на Земле, тотчас же становилось известным на Луне. Люди не чувствовали себя оторванными от родной планеты, и многие жили здесь по несколько лет.

Вересов посадил свой корабль вплотную к зданиям, не опасаясь повредить их. Отсутствие атмосферы в этом случае играло положительную роль. Даже грохот тормозных двигателей не был слышен.

Одетые в лунные скафандры, двадцать человек — участников Седьмой экспедиции — перешли небольшое расстояние и укрылись в безопасном доме, где их с радостью встретили «селениты», ожидавшие их прилета и всегда радовавшиеся гостям.

— Наконец-то вы явились к нам сами, — сказал Стоуну руководитель научной станции кратера — профессор Токарев. — Пора уже кончать с этой загадкой.

— Именно для того, чтобы это сделать, мы и прилетели так скоро, — ответил Стоун.

Гианэю встретили так же, как и всех остальных, радушно и без видимого любопытства, хотя никто из теле-

решного персонала станции еще не видел ее, разве что на экранах или на фотографиях.

Здесь уже знали все, даже то, что стало известно на Земле сегодня утром. Перелет с Земли на Луну занимал немногим больше пяти часов.

— Завтра с утра, земного, конечно, примемся за работу, — сказал Стоун. — Времени терять нельзя.

— Мы и сами живем по земному времени, — улыбнулся его шутке Токарев.

— У вас все готово?

— Вы имеете в виду вездеходы? Они всегда готовы. С теми, которые были оставлены здесь Шестой экспедицией, в вашем распоряжении восемь машин и четыре лунные ракеты.

— Столько нам и не нужно. А ракеты вряд ли понадобятся вообще.

Токарев кивнул головой.

— Да, — сказал он, — знаю. Вы надеетесь на... — незаметным движением руки он указал на Гианэю.

— Вот именно, — сказал Муратов.

Гианэя стояла у окна. Казалось, ее заинтересовал лунный пейзаж, озаренный лучами высоко стоявшего Солнца. На меридиане станции был полдень.

Она обернулась как раз в тот момент, когда говорили о ней, взглядом нашла Муратова и знаком подождала его.

Он тотчас же подошел к ней.

— Земля бывает видна отсюда? — спросила Гианэя.

— Нет, никогда.

— Это место далеко от Южного полюса?

— Не очень далеко. Это место находится с краю видимого с Земли лунного диска. Это кратер Тихо.

— Я не знаю названий, — нетерпеливо сказала Гианэя. — Меня интересует другое. Здесь, в этом месте, сошлись траектории, которые вы вычисляли?

— Да, здесь, — удивленно ответил Муратов. Он никак не ожидал таких вопросов от Гианэи. Она обнаруживала великолепное знакомство с испанским языком.

— Это место всегда видно с Земли?

— Всегда. Луна обращена к Земле всегда одной стороной.

Его охватило волнение, он начал подозревать, к чему клонятся ее вопросы.

Неужели?!

Знавшие испанский язык участники экспедиции и двое из персонала станции подошли к ним. Затаив дыхание все ждали, что скажет Гианэя.

Она, казалось, никого не замечала, обращаясь только к одному Муратову.

— Тогда... — Гианэя на минуту задумалась, словно вспоминая что-то. — Был один разговор, который я слышала. Рийагея — («Опять это имя», — подумал Муратов) — сказал, что спутники, — она произнесла это слово ироническим тоном, — находятся в месте, с которого никогда не видно Земли. Он прибавил, что оно расположено у подножия горного хребта, недалеко от Южного полюса. То, что я вижу, — она плавно повела рукой, — похоже на описанное им. Но здесь ли то, что вы хотите найти?

— Он сказал, что база расположена внутри горного кольца? — спросил Муратов.

— Я не поняла слова, которое вы сказали.

— База?

— Да.

— Ну, место, где находятся сейчас спутники.

— Что-то похожее было. Даже наверное было. Откуда иначе я могла знать, что на Луне кольцевые горы. А я это знала.

— Вы хорошо помните, что Рийагея сказал именно так: «В месте, откуда не видно Земли»?

— Да, я помню это точно.

— Спасибо, Гианэя! Вы снова оказываете нам всем огромную услугу.

Она повела плечом.

— Я делаю то, что уже сделала. Ничего нового.

И отвернулась, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

Но и так она сказала очень многое и чрезвычайно важное для дальнейших действий.

8

Стоун созвал всех на экстренное совещание.

Если Гианэя угадала, а было очень похоже, что это именно так, то база иного мира, которую искали на

сотни километров вокруг центра кратера, могла находиться совсем близко от станции, в месте, открытом взору людей и где никому не приходило в голову искать ее.

По словам Гианэи, к базе нельзя было приближаться. Если она рядом с городком, то уже сотни раз люди могли приблизиться к ней. Что случилось бы в этом случае, было неизвестно, но, вероятно, ничего хорошего.

— Счастливая случайность, — сказал Токарев.

Муратов сидел, погруженный в свои мысли, и почти не слушал развернувшихся прений. Смутное подозрение, возбужденное в нем стремительным ростом откровенности Гианэи, постепенно превращалось почти в уверенность.

Он воспользовался наступившей паузой и сказал:

— Многие говорят за то, что соплеменники Гианэи были на Земле и на Луне очень давно. Видимо, тогда и была сооружена база для спутников и запущены они сами. Больше не может быть никаких сомнений в том, что это было сделано не с добрыми намерениями. Но создатели плана явно просчитались. Темпы развития человечества Земли, ее науки и техники опередили их предположения. Они думали, что Луна будет еще недоступна для нас, когда они вторично явятся к нам. Нет также никаких сомнений, что космический корабль, погибший возле Гермеса, направлялся именно на Луну. Это и был вторичный визит в Солнечную систему. Зачем они прилетали? Что хотели сделать, если бы не погибли? Это очень важно узнать, и Гианэя это знает. Да, конечно, то, что люди не наткнулись на невидимую базу, случайность, но не в этом самое главное. Меня смущает требование Гианэи, она советует, но по существу это требование, уничтожить базу. Действительно ли так опасно приближаться к ней? А может быть, она, я говорю о Гианэе, просто хочет помешать нам ознакомиться с оборудованием базы, узнать цель ее хозяев? Может быть, неожиданная и такая скоропалительная откровенность Гианэи — тактический маневр? Она поняла, что люди Земли рано или поздно найдут то, что хотят найти. И решила вмешаться, спутать нам карты. Этим хорошо объясняется ее интерес к Шестой экспедиции, все ее поведение в последнее время. Мы расце-

ниваем его положительно по отношению к нам, но может оказаться другое. И ее желание участвовать в экспедиции может быть вызвано желанием лично убедиться в том, что база перестала существовать и ее тайны останутся не известными нам.

— Вы обвиняете Гианэю в вероломстве? — спросил Стоун.

Муратов взволнованно вскочил с кресла.

— Я ни в чем ее не обвиняю. Со своей точки зрения она, может быть, абсолютно права. Все во мне протестует против моих же слов. Я высказываю одну из возможных версий. И только.

— Об этом стоит подумать, — сказал Токарев. — Очень заманчиво познакомиться с оборудованием базы и самими разведчиками. Но пренебрегать словами Гианэи было бы неосторожно.

— Вполне ясно, — сказал Стоун. — Давайте подумаем, нельзя ли, с помощью роботов, проверить степень опасности, которую представляет собой база.

Совещание приняло узкоспециальный характер, и Муратов вышел из комнаты.

В общем зале он увидел Гианэю. Она стояла у того же окна, в той же позе.

Он медленно подошел к ней, мучимый угрызениями совести, раскаиваясь уже в том подозрении, которое возбудил против нее. Но он должен был сказать, если ему в голову пришла такая мысль; ничем нельзя пренебрегать в таком деле...

Гианэя не обернулась. Казалось, она не видела, кто именно подошел к ней. Но, когда он остановился позади нее, она сказала:

— Посмотрите, Виктор. Я давно наблюдаю и ничего не могу понять. Тени не движутся. Можно подумать, что Луна не вращается.

— Нет, Гианэя, она вращается, — ответил Муратов, думая о том, как узнала его Гианэя, по шагам, что ли? — Луна вращается, как и все небесные тела, но только очень медленно. Один оборот за двадцать восемь земных суток. Поэтому движение теней очень трудно заметить.

— А зачем это нужно?

— Что нужно? Наблюдать за движением теней? —

— Я говорю о другом. Зачем вам нужно, чтобы Луна вращалась так медленно? Или это более удобно для проводимой здесь научной работы?

«Скорость вращения Луны от нас не зависит.

Гианэя бросила на него короткий взгляд. Но он не увидел в нем ожидаемой насмешки. Она, видимо, просто очень удивилась.

— Посмотрите! — Гианэя снова протянула руку к окну. — Как сильно нагреты освещенные скалы и какие они холодные в тени. Разве это удобно для вас?

«Так! — подумал Муратов. — Она видит тепловое излучение. Температура тела ей так же ясна, как нам ясен его цвет. Она ее видит!»

В последние дни ему постоянно приходилось волноваться при разговорах с Гианэей. Так и сейчас. Он почувствовал сильное волнение. Видеть температуру! Что может быть более странным и фантастичным! Значит, глядя, например, на него, Гианэя видит не только черты его лица или цвет кожи, но и на сколько градусов нагрето его тело. Каким же он представляется ее глазам?

— Разве это удобно? — повторила Гианэя.

«Но ведь и мы видим Гианэю не такой, какой видят ее соотечественники, да и она сама — в зеркале. Температура для них — внешний зрительный признак предметов, как форма или как цвет. С их точки зрения, это нормально и естественно. Наше восприятие мира, в суженном спектре, должно казаться Гианэе непонятным и странным, точно так же, как мне непонятно и странно ее восприятие окружающего», — думал Муратов.

Гианэя слегка коснулась его руки.

— О чем вы так задумались? — спросила она и улыбнулась.

«Сказать? Нет, лучше не надо».

— Я думал о ваших словах, — ответил он. — Да, конечно, неравномерность нагрева лунной почвы не очень удобна, но что можно тут сделать?

— Ускорить вращение Луны.

— Вы думаете, это просто?

— А разве не так? — вопросом на вопрос ответила Гианэя.

— К сожалению, не так. Ускорить или замедлить движение небесного тела, изменить его вращение вокруг

оси — все это мы можем проделать с небольшим небесным телом, но не таким, как Луна. Это задача будущей техники. А разве у вас, — спросил он, почти не надеясь, что Гианэя ответит, — это возможно?

— Кажется, да. — Гианэя сказала это неуверенным тоном. — Я читала, что на нашей родине «луна» тоже вращалась медленно, но, когда понадобилось, ее вращение ускорили.

— У вас одна «луна» или несколько?

Ответ был очень неожидан, очень странен и принес еще одну загадку.

— Не знаю, — сказала Гианэя. — Вернее, не помню, что было сказано об этом в книге, которую я читала.

У Муратова, как он говорил впоследствии, было такое впечатление, точно его неожиданно хватили обухом по голове. От изумления он на несколько секунд потерял способность сказать что-нибудь.

Вот так новость! Выходит, что Гианэя знает свою родину только по книгам. Она даже не помнит, сколько «лун» на небе ее планеты!

«Что же она, родилась на звездолете? — думал он. — Тогда, значит, ее родина чрезвычайно далеко, так далеко, что человек может родиться и вырасти за время пути? Но это никак не вяжется с нашим предположением, что они посетили нас вторично спустя даже четырехста или пятьсот лет после первого прилета. Такие рейсы не могут предприниматься столь часто».

— Видимо, здесь Рийагея ошибся, — сказала Гианэя так тихо, что Муратов понял — она говорит не ему, а самой себе. — Он был убежден, что люди Земли уже достигли большего, — прибавила она громко.

— Кто — он? — Муратов обрел, наконец, дар речи. Он решил притвориться, что не слышал начала ее фразы, адресованной не ему.

— Рийагея.

— Вы разочарованы?

— Нет, нисколько. Это же его мнение, а не мое. Я ожидала меньше, чем увидела.

— Тогда, значит, Рийагея был о нас лучшего мнения, чем вы, Гианэя.

— Да, был.

— Вы имеете основание думать, что Рийагея переменил свое мнение?

— Нельзя переменить мнение, не видя объекта, — ответила Гианэя. — «Был» — потому что самого Рийагейи больше нет.

— Он умер?

Гианэя вздрогнула.

— Я забыла, — сказала она, — вы этого не знаете. Да и лучше вам не знать.

Догадка мелькнула в мозгу Муратова.

— Рийагейя был на погибшем корабле?

Гианэя молчала.

Муратов увидел, как две слезы медленно скатились по ее щекам. Его тронуло выражение ее лица. Большое и искреннее горе отразилось на нем.

И он понял, что угадал. Рийагейя погиб вместе с кораблем, с которого Гианэю высадили на астероид. И он был человеком, которого Гианэя не только уважала, как говорила Марина, но и любила.

«Он поступил иначе», — вспомнил Муратов слова Гианэи, переданные ему Мариной.

И смутная догадка, что есть какая-то связь между отношением Рийагейи к людям Земли и гибелью корабля, заставила его вздрогнуть.

Жутко было подумать, что огромный космический корабль мог не случайно погибнуть, а был намеренно уничтожен, после того как Гианэю высадили, именно высадили с него.

Но другая женщина, та, что была матерью Гианэи, почему она осталась на обреченном звездолете?

Он осторожно взял руку Гианэи. Она не сопротивлялась.

— Скажите мне, — его голос срывался от волнения, — вы родились на этом корабле?

Гианэя изумленно подняла на него глаза.

— Откуда у вас могло возникнуть такое странное предположение? Если бы я родилась в полете, то моя мать была бы сейчас здесь, со мной.

Все! Этими словами Гианэя подтвердила догадку. Звездолет был намеренно уничтожен! И, очевидно, именно Рийагейей.

Тайна появления Гианэи на Гермесе начала проясняться.

— Вы были единственной женщиной на корабле? — спросил он, желая убедиться окончательно,

— Какое это имеет для вас значение? — ответила Гианэя, отнимая свою руку, которую он все еще держал в своей. — Да, единственной.

Внезапно Муратов вспомнил другие слова Гианэи. Она как-то сказала, что отправилась в полет к Земле почти против воли. Значит, она и не могла родиться на корабле, как он подумал сначала. Это было явно ошибочное предположение. Но и маленьких детей не берут в космос. Почему же она не помнит своей родины?

Снова загадка, еще более непонятная и запутанная!

Там, у Гермеса, в черной бездне космоса, произошла трагедия. И она связана с судьбой людей Земли!

Но ясно одно: Рийагейя уничтожил корабль, уничтожил, чтобы помешать осуществлению плана, направленного против Земли. И он заставил Гианэю покинуть звездолет, он хотел спасти ее как женщину, быть может, любимую. «А у вас, на Земле, я оказалась совсем уже против своей воли», — сказала она тогда же.

Да, все это случилось именно так!

И, не обдумывая своих слов, подчиняясь только чувству, Муратов сказал:

— Смерть Рийагейи прекрасна!

Несколько секунд Гианэя смотрела на него широко открытыми глазами, в них было смятение. Потом она резко повернулась и выбежала из зала.

Стоун и Токарев очень серьезно отнеслись к рассказу Муратова.

— Ситуация проясняется, — сказал Стоун. — Становится все более ясным, что спутников и базу надо уничтожить как можно скорее. Ваше предположение, — обратился он к Муратову, — что Гианэя в чем-то хитрит, видимо, неверно. Она искренна. Против нас было задумано что-то скверное, и Гианэя действительно хочет спасти нас.

— Из чего вы это заключаете? — спросил Токарев.

— Из того, что нам рассказал Муратов. Мне кажется, что его догадка о намеренной катастрофе верна. Конечно, трудно сказать, что именно произошло: на

звездолете, но с очень большой долей вероятности мы можем считать, что он погиб не случайно.

— Вы полагаете, что между соплеменниками Гианэи возникли разногласия?

— Они должны были возникнуть. Вся история представляется мне теперь так. Очень давно, несколько веков тому назад, по нашему счету лет, был составлен план, направленный против Земли и ее обитателей. Что именно было задумано, не столь важно. Ясно, что они просчитались, никакая угроза нам не страшна, мы справимся с любой опасностью. Не в этом дело. Расстояние между Землей и их планетой велико. От одного полета к нам до другого проходит много времени. А общество разумных существ, где бы оно ни существовало, не может стоять на месте. Оно развивается, прогрессирует, это закон жизни. То, что было задумано, видимо не слишком уж человечно, стало казаться многим, наиболее передовым людям их мира, невыносимой жестокостью. Из слов Гианэи видно, что некий Рийагейя, передовой человек, хорошо понимал, что человечество Земли далеко ушло вперед, уже не такое, каким оно было во времена их первого прилета. Вспомним слова Гианэи: «Люди Земли не заслуживают той участи, которую им готовили». Видимо, сама Гианэя раньше думала иначе, но на нее оказало большое влияние мнение Рийагейи, судя по всему, друга человечества Земли. И вот представим себе такую картину. К Земле вылетает корабль с задачей осуществить давно задуманное, претворить его в жизнь. Среди членов экипажа находится Рийагейя. Он всей душой против намерений своих спутников. Он считает, что надо во что бы то ни стало помешать им. Ведь он знал, что к следующему их прилету мы станем еще могущественнее. И если он был человек идейный, то ему ничего не оставалось, кроме того, что он и сделал. И вот Гианэя, единственная женщина на корабле, высажена на случайно подвернувшийся астероид, на котором, видимо, есть люди, а самый корабль уничтожен. Как раз то, что случилось с Гианэей, лучше всего рисует образ Рийагейи. Любой из нас на его месте поступил бы точно так же.

— Что ж, — после некоторого молчания сказал Токарев, — такая версия вполне возможна. И она хорошо

согласуется с обстоятельствами появления Гианэи и последующим ее поведением. Но можно придумать и другие версии.

— Несомненно! Только сама Гианэя может открыть нам истину. Ясно одно: спутники и база опасны. И как бы мы ни были уверены в том, что сумеем ликвидировать любую опасность, их надо уничтожить. И не будем медлить.

— Значит, вы считаете, что не надо предварительно проверить, существует ли эта опасность?

— Нет, почему же, проверим. Все может быть.

9

Очень скоро Муратов понял, что «впал в немилость». Гианэя больше не обращалась к нему, она его не только избегала, но и просто игнорировала его присутствие. Если ей надо было что-нибудь, она спрашивала инженера экспедиции Рауля Гарсиа, а когда Муратов сам задал ей какой-то вопрос, она повернулась к нему спиной.

Он тщетно ломал голову над причиной столь крутой и внезапной перемены. Кажется, он ничего не сказал, что могло бы обидеть или оскорбить Гианэю.

Может быть, она рассердилась на его догадливость? Но ведь она сама сказала многое, и его догадка, если она верна, вызвана ее же словами.

Ни с кем Гианэя не разговаривала, держалась в стороне и вышла из предоставленной ей комнаты только к обеду, а затем к ужину. На дружный персонал станции она произвела неблагоприятное впечатление.

— Вы долго думаете пробыть здесь? — спросила она за ужином при всех, обращаясь к Гарсиа.

— Пока не найдем базу, — ответил инженер.

— Тогда надо найти ее скорее, — бесцеремонно заявила Гианэя. — Я хочу вернуться на Землю.

— Отчасти это зависит от вас.

Она только пренебрежительно улыбнулась и ничего не сказала.

На следующее утро, хорошо зная, что Стоун торопится, Гианэя задержала отъезд, больше часа плавая в бассейне. У нее не было купального костюма, и хотя

она сама не придавала этому никакого значения, никто не решился войти туда и поторопить ее. На станции не было ни одной женщины.

Только в восемь часов (часы станции показывали время на меридиане Парижа) четыре машины, хорошо защищенные от метеоритной опасности, вышли из высеченного в скале гаража. Началась первая поисковая экспедиция.

Огромные металлические вездеходы быстро нагрелись солнечными лучами, и была включена охлаждающая установка. На сегодня было решено обследовать подножие горного хребта кратера Тихо с западной стороны от станции.

Гианэя находилась в машине Стоуна. Там же были Токарев, Гарсиа, Вересов и Муратов.

Виктор просил поместить его с Синицыным во втором вездеходе, но Стоун отказал ему.

— Не обращайтесь внимания на капризы Гианэи, — сказал он. — Вы мне нужны.

Но Муратов понимал, что начальник экспедиции просто, в деликатной форме, не считает нужным помещать его в других, рабочих, машинах потому, что там мало места и присутствие постороннего человека будет лишним. Машина самого Стоуна была как бы штабной. Остальные три несли на себе все оборудование, и, если база будет найдена, именно они и предназначались для самого дела. Муратов считался гостем.

В случае необходимости можно было вызвать по радио еще четыре машины, которые остались на станции в полной готовности.

Найти базу именно сегодня, в первый же день, никто не надеялся. Слишком свежи были в памяти годы бесплодных поисков.

Гианэя по-прежнему не замечала Муратова, изредка обращаясь к Гарсиа. Она была задумчива и казалась рассеянной.

Круговые обзорные экраны (на вездеходах не было окон) создавали иллюзию сквозных отверстий, подробности окружающей местности выглядели вполне реально.

Перед креслом Стоуна помещался большой инфракрасный экран. Обычные, видимые, цвета не отражались на нем, и лунный пейзаж казался причудливым

сочетанием черно-белых пятен, в которых только опытный глаз мог разобраться.

Стоун не слишком рассчитывал на этот экран. Он больше надеялся на живое инфракрасное зрение Гианэи. Перед самым отъездом он, через Гарсиа, спросил ее, уверена ли она в том, что сможет увидеть базу?

— Насколько я знаю, — был ответ, — она расположена открыто. Почему же я могу не увидеть ее? Лишь бы вы оказались достаточно близко.

Она говорила равнодушным тоном, но Стоун верил ее словам. Кроме того, он помнил, что Гианэя хорошо видит на таком расстоянии, на каком человек Земли ничего не увидит без бинокля.

Она сидела рядом с ним, со скучающим видом рассматривая скалы. Оба смотрели вперед. Немного дальше было место Гарсиа, он следил за северной стороной. Восточная была поручена Вересову, а южная — Токареву и Муратову.

Кроме Гианэи, никто не мог непосредственно увидеть базу, но ее и не стремились непременно увидеть. Искали удобное для базы место, такое, где сами люди поместили бы такую базу, будучи на месте соотечественников Гианэи.

Считалось наиболее вероятным, что если база находится здесь, то расположена у подножия скал, то есть с северной стороны.

Машины шли медленно, со скоростью пятнадцать — двадцать километров в час.

Внутри вездехода было просторно, прохладно и даже уютно. В шесть раз меньшая, чем на Земле, сила тяжести создавала впечатление легкости движений, какой-то необычайной силы, наполнявшей, казалось, все мускулы тела.

Муратову нравилось это ощущение. Не очень мягкое на ощупь кресло, в котором он сидел, было сделано словно из пуха. Никакая перина на Земле не могла быть столь мягкой, ведь его тело весило здесь в шесть раз меньше, чем на Земле.

Он внимательно рассматривал залитую солнечным светом и тем не менее очень мрачную на вид, словно перепаханную гигантским плугом, равнину. Он понимал, что ему и Токареву поручили смотреть в эту сторону именно потому, что здесь было меньше всего шан-

сов найти искомое. Они оба были самыми неопытными наблюдателями. И поэтому он мало верил, что увидит подходящее место.

Было жаль, что на черном, густо усыпанном звездами небе не видно Земли. Стоун держался слишком близко к горам. А Муратову очень хотелось полюбоваться видом родной планеты. Он видел ее с борта звездолета, но это продолжалось короткое время, и он не насытился непривычным зрелищем.

Часа через полтора напряженное внимание несколько ослабло, и Муратов стал думать о другом. Он снова вернулся к мыслям о Гианэе и о причинах ее гнева.

Для него явно не было никаких причин.

«Но, может быть, — подумал он, — я ошибаюсь, и Гианэя вовсе не рассердилась на меня, а просто боится дальнейших вопросов с моей стороны. И избегает меня только потому, что не хочет отвечать мне».

Эта мысль была ему приятна. Неожиданная враждебность Гианэи огорчала Муратова.

Как и чем исправить положение?..

Прошел еще час. Вездеходы находились уже более чем в пятидесяти километрах от станции. Постепенно всех участников экспедиции начала одолевать скука.

Стоун почувствовал это.

Вездеход остановился. За ним остановились и другие машины.

— Предлагаю позавтракать, — весело сказал Стоун. — Отдохнем и отправимся дальше.

— На какое расстояние вы думаете удалиться сегодня? — спросил Токарев.

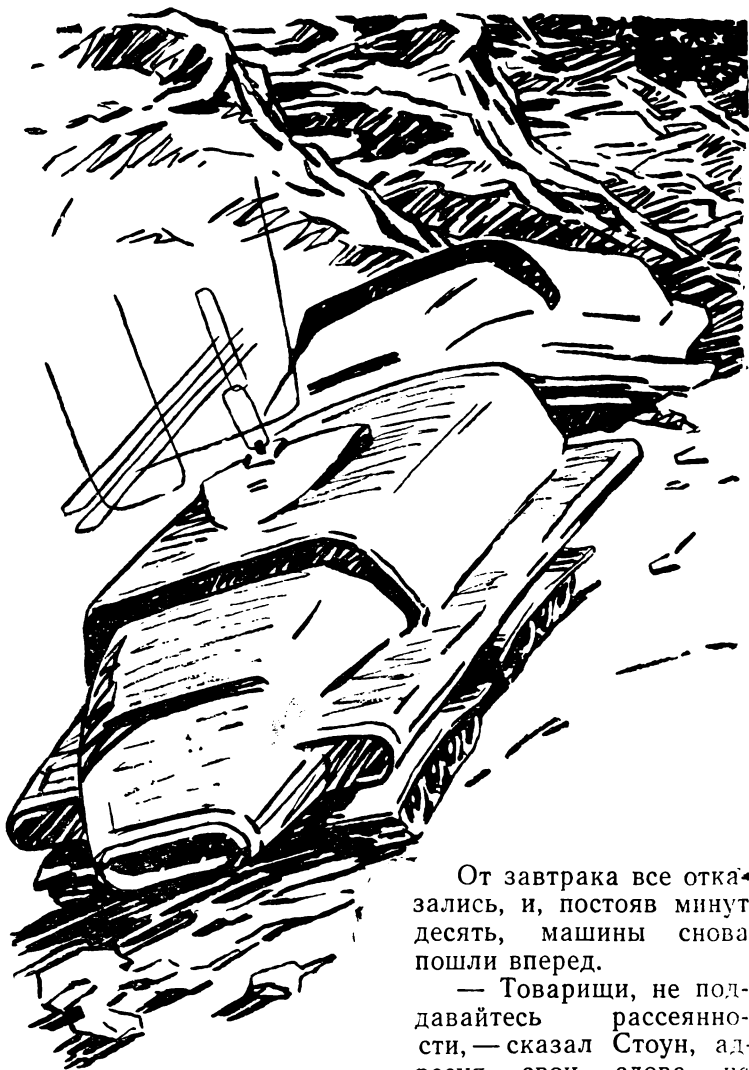
— Не более, как на семьдесят километров. Если верить тому, что сказала Гианэя, то дальше искать бесполезно. Будет хорошо видна Земля. А Гианэя говорила, что база расположена в таком месте, откуда Земли не видно. Может быть, успеем сегодня же осмотреть и восточную сторону.

— Это будет утомительно.

— Не страшно. Медлить нельзя. Я вижу, что вы, жители Луны, обленились здесь, — пошутил Стоун. — Мы заставим вас потрудиться по-земному.

— Как будто на Земле работают целыми днями, — отпарировал Токарев.

— Если нужно, да, — серьезно ответил Стоун.

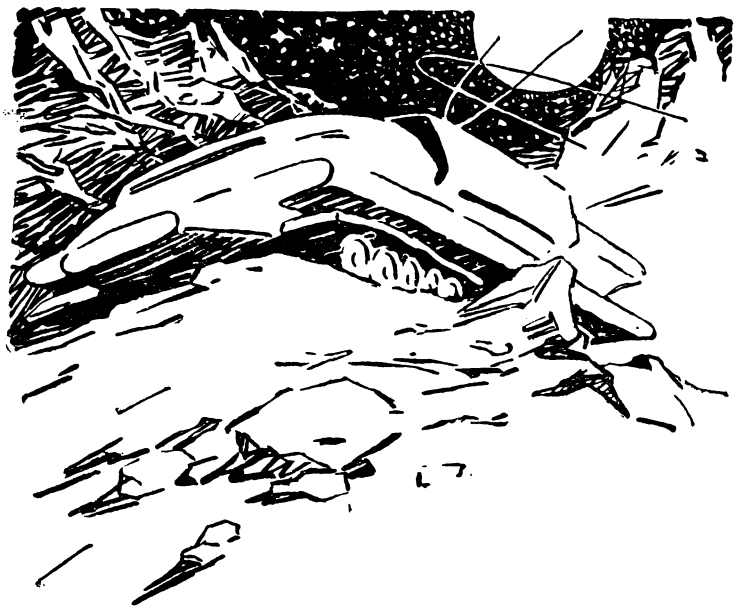

От завтрака все отказались, и, постояв минут десять, машины снова пошли вперед.

— Товарищи, не поддавайтесь рассеянности, — сказал Стоун, адресуя свои слова не

только экипажу своей машины, но и всем остальным. — Смотрите внимательнее. Сюда мы не вернемся второй раз.

— Смотрим!.. Смотрим!.. — прозвучали ответы. — Смотрим, но ничего не видим, — узнал Муратов голос Синицына.

— Увидим, можете быть уверены, — ответил Стоун. — Если не сегодня, так завтра.

Труднее всего было бороться с усыпляющим однообразием лунного пейзажа. Казалось, вездеходы все еще находятся возле станции. Никакого изменения местности нельзя было заметить, особенно в той стороне, куда смотрели Муратов и Токарев. Все было точно таким же, как и раньше.

— Удивительно скучная планета, — сказал Токарев.

— Вы давно здесь? — спросил Муратов.

— Почти год.

— И ни разу не возвращались на Землю?

— Некогда, — ответил Токарев. — Сегодня я второй раз покинул станцию. У нас очень интересная и нужная работа, — прибавил он, как бы в пояснение.

«Всюду одно и то же, — подумал Муратов. — Все увлекаются своим делом и забывают о себе. Нет, интересно все-таки жить на свете!»

И вдруг он услышал, как Гианэя спросила Гарсиа:

— Скажите, как у вас, на Земле, относятся к смерти?

— Я думаю, так же, как и в любом другом населенном мире, — ответил инженер, видимо удивленный столь неожиданным вопросом.

— Это не ответ. — Муратов слышалось, что голос Гианэи звучит раздраженно. — Вы не могли бы ответить точнее?

Гарсиа долго молчал, обдумывая, что сказать. Муратов решил, что настал удобный момент снова заговорить с Гианэй.

— Смерть, — сказал он не оборачиваясь, — это грустный факт. Но, к сожалению, неизбежный и обязательный. Люди смертны, и тут ничего нельзя сделать. Когда умирает близкий человек, — это большое горе для тех, кто его знал. Умирает нужный человечеству, — это горе для всех. А когда умираешь сам, — жалеешь, что мало успел сделать. Мы относимся к смерти, как к неизбежному злу, и надеемся в будущем победить ее.

Он не знал, хочет ли Гианэя слушать его. Но она слушала и не перебивала, этого было пока достаточно.

Но оказалось, что его заключение было поспешно.

— Я жду ответа, — сказала Гианэя.

— Разве вы не слышали, что сказал Виктор? — спросил Гарсиа.

— Я спрашиваю у вас.

— Я полностью присоединяюсь к сказанному им.

Муратов едва удержался, чтобы не рассмеяться. Эта выходка была совсем ребячьей. Как все-таки наивна Гианэя! Видимо, она действительно молода, очень молода!

Он с интересом ждал, что она еще спросит. Если она промолчит, — значит, ее вопрос был совершенно случаен, а Муратов не допускал этого.

И через несколько минут молчания Гианэя действительно снова обратилась к Гарсиа.

— Оправдывается ли у вас на Земле самоубийство или убийство? — спросила она.

— Это совершенно разные вещи, — ответил Рауль, — и их нельзя соединять в одном вопросе. Убийство оправдать невозможно. Это самое тяжкое и самое отвратительное преступление, какое только можно вообразить. А что касается самоубийства, то все зависит от его при-

чины. Но, как правило, мы считаем самоубийство актом слабости воли или проявлением трусости.

— Значит, и у вас нельзя называть этот акт «прекрасным»?

«Так вот оно что! — подумал Муратов. — Ее оскорбило, что я назвал смерть Рийагеи «прекрасной». Но ведь должна она была понять, какой смысл я вложил в это слово».

— Конечно, — ответил Гарсиа. — Самоубийство отнюдь не прекрасно.

— Я недавно слышала другое, — сказала Гианэя.

— От кого?

Муратов сидел спиной к Гианэе и не видел, указала она на него или нет. Но словесного ответа не последовало.

Здесь проявилась разница во взглядах и понятиях людей Земли и соотечественников Гианэи. Очевидно, на ее родине добровольная смерть от любой причины выглядела или считалась настолько некрасивой, что, услышав слова Муратова, Гианэя посчитала его «нравственным уродом» и не захотела общаться со столь «низким интеллектом».

Он едва не рассмеялся. Но весь этот разговор доставил ему большое удовольствие. Он показывал, что Гианэя все время думает об их ссоре, что размолвка ей так же неприятна, как и самому Муратову.

Но было и другое, гораздо более важное. Вопросы Гианэи окончательно подтверждали, что Рийагея уничтожил корабль. Он покончил самоубийством и убил своих спутников. Не случайно, как полагал Гарсиа, Гианэя объединила оба вопроса в один.

«Надо оправдаться перед ней, — подумал Муратов. — Надо пояснить ей мои слова, если она сама их не может понять».

И он сказал:

— Самоубийство никогда не может быть прекрасным. Никогда! За исключением одного-единственного случая, когда оно совершается для блага других. Но в этом случае надо говорить не о самоубийстве, а о самопожертвовании. Это разные вещи. Пожертвовать собой, чтобы спасти других, — это прекрасно!

Он повернулся, чтобы узнать, как отнеслась Гианэя к его словам, какое они произвели на нее впечатление.

Она смотрела прямо перед собой, на обзорный экран. У нее был такой вид, будто она ничего не слышала. Но Муратов был уверен — Гианэя не только слышала, но и задумалась над его словами.

И он не ошибся. Через некоторое время она сказала:

— Хорошо, я согласна. Но какое право он имел жертвовать другими?

У Муратова мелькнула мысль, что слезы, которые он тогда видел на лице Гианэи, могли относиться не к смерти Рийагейи, а к смерти другого человека, убитого Рийагейей. Тогда становилось понятным тяжелое впечатление, произведенное на нее словом «прекрасна».

— О чем вы говорите? — спросил Токарев.

В вездеходе Стоуна только Муратов и, конечно, Гарсиа владели испанским языком. Остальные ни слова не поняли.

— Подождите! — сказал Муратов. — Я потом расскажу. Мне нужно ответить ей. — Он продолжал по-испански: — Все зависит от обстоятельств, Гианэя. Бывают случаи, когда человек, убежденный в правоте своего дела, вынужден жертвовать не только собой, но и другими, считая, что иного выхода нет. Цель, которую он перед собой ставит, оправдывает в его глазах его действия. Мы не знаем причин, побудивших Рийагейю поступить так, как он поступил. Но вы знаете эти причины. И даже если вы сами не разделяете его взглядов, вы можете объективно ответить самой себе на вопрос, прав ли он. Я назвал смерть Рийагейи прекрасной потому, что понял вас так, что он сделал это, пожертвовал собой, для нас, для людей Земли. С нашей точки зрения, это прекрасный поступок.

Гианэя повернула к нему голову. И вдруг улыбнулась немного смущенно.

— Простите меня, Виктор. Я тогда вас не поняла и напрасно осудила.

— Я нисколько не обиделся, — ответил Муратов. — Потому что понял вас. Мы, я подразумеваю ваше и наше человечество, имеем разум. А разумные существа всегда могут понять друг друга при наличии доброй воли к этому. Хотя иногда это бывает и нелегко.

— Да, иногда это труднее, чем кажется, — вздохнула Гианэя, снова поворачиваясь к экрану.

«Ну вот и все, — подумал Муратов. — Марина права, у Гианэи хороший характер».

10

Еще час вездеходы шли по прежнему направлению. Вид горного хребта изменился. Крутые, обрывистые склоны постепенно сменились пологими. Чаше попадались отдельно стоящие скалы и беспорядочные груды огромных камней, когда-то скатившихся с гор. Продвигаться вперед становилось труднее. Машины сильно накренились, часто приходилось объезжать препятствия.

По-прежнему не попадалось ни одного места, удобного для расположения невидимой базы. Очередная неудача становилась ясной для всех.

И, хотя никто и не рассчитывал на столь быстрый успех, невольно появилось чувство разочарования. Присутствие Гианэи заставляло людей на что-то надеяться.

Часы показывали ровно двенадцать, когда Стоун остановил свою машину.

— Дальше искать бесполезно, — сказал он.

— А местность как раз становится все более подходящей, — отозвался Синицын из второй машины.

— Да, но мы должны верить словам Гианэи. Муратов, — прибавил Стоун, — вы хотели видеть Землю. Посмотрите назад!

В той стороне, где находилась станция, низко над вершинами почти наполовину опустившегося за горизонт горного хребта висел в небе ярко сверкающий полумесяц. В сравнении с привычным полумесяцем Луны на небе Земли он выглядел огромным. Багровое кольцо атмосферы, освещенной Солнцем, позволяло отчетливо различать темную, ночную, половину земного шара. Диск Солнца висел недалеко, немного выше.

«Луна», звезды и Солнце одновременно!

— Такой удивительной картины не увидишь на Земле, — сказал Муратов.

— Неужели? — услышал он голос Сергея. — Почему бы это?

— Потому что на Луне нет атмосферы. Разве ты этого не знаешь?

— Теперь знаю, — ответил Синицын под общий смех.

— Спросите у нее, — сказал Стоун, — надо ли нам искать дальше?

Гианэя удивилась, выслушав перевод вопроса.

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? — ответила она. — Вы сами должны знать, что делать и как поступать.

— Мы спрашиваем вас потому, — объяснил Муратов, — что основываемся на ваших словах, вернее, на словах Рийагейи. Он, кажется, говорил, что база расположена в таком месте, откуда никогда не видно Земли.

— Почему «кажется»?

— Не обращайтесь внимания. Это просто неудачный оборот фразы. Он говорил так?

— Да. И все же я не понимаю, почему вы спрашиваете у меня, — упрямо повторила Гианэя.

Муратов почувствовал, что логика на ее стороне.

— Мы хотим, чтобы вы вспомнили точнее, — сказал он, — это для нас крайне важно.

— Я ничего не могу прибавить к тому, что уже сказала.

Стоуну передали содержание разговора.

— Если мы будем искать дальше, — сказал он, — то нет никаких оснований не искать и во всех других местах, как мы это делали раньше. Мне кажется, что следует принять слова Рийагейи как истину и основываться только на них. Каково мнение остальных?

Все согласились со Стоуном.

— Тогда, — резюмировал он, — поворачиваем обратно. Будем опять с прежней внимательностью осматривать все, что попадется на пути, чтобы у нас была полная уверенность: в этой стороне базы нет.

Обратный путь не принес ничего нового.

Когда вернулись на станцию, было уже три часа дня. И как ни хотелось Стоуну продолжать поиски, он вынужден был согласиться с Токаревым и отложить вторую экспедицию на завтра.

— Внимание ослаблено утомлением, — сказал профессор. — Толку не будет.

Но еще до решения Стоуна Муратов уже знал, что поиски на сегодня закончены. Гианэя сказала ему, что устала и никуда не поедет.

— Это очень скучное занятие, — сказала она. — Я сожалею, что прилетела сюда.

— Но завтра вы поедете?

— Конечно. И завтра и в следующие дни. Надо быть последовательным, — повторила она полюбившееся ей слово. — Я давно так не уставала, — прибавила она, помолчав, — хотя ничего не делала.

— Безделье утомляет иногда больше, чем работа, — сказал Муратов. — Идите в бассейн. Купанье вас освежит.

— Идемте вместе, — неожиданно предложила Гианэя.

Муратов смутился.

— Это не совсем удобно, — сказал он.

— Но почему? — Гианэя казалась искренне удивленной. — Я не могу понять этого. Давно уже. Марина говорила, что у вас не принято совместное купанье мужчин и женщин. Но я сама видела, как на море купаются вместе. И когда я надеваю купальный костюм, Марина разрешает мне плавать в бассейне при всех. В чем тут дело? Объясните мне, Виктор! Я очень хочу понять вас.

В который раз за последние дни Муратов почувствовал, что стоит на пороге одной из загадок, связанных с Гианэей. Эта была незначительна по сравнению с другими, но все же загадка. И поскольку Гианэя спрашивала сама, была надежда разрешить ее.

Он собрался с мыслями, чтобы разъяснить ей земную точку зрения.

— Это объясняется многими причинами, Гианэя, — сказал он. — Я думаю, что основная в том, что люди привыкли закрывать свое тело одеждой. Постоянное ношение одежды постепенно привело к тому, что мужчины и женщины стали стесняться друг друга. Конечно, я понимаю вашу точку зрения. И считаю ее даже более нравственной, чем наша. Но укоренившийся в сознании обычай — большая сила. Теперь, — прибавил он, — вам понятнее?

Он думал, что вполне удовлетворительно разрешил ее недоумение.

— Вы мне ничего не объяснили, — сказала Гианэя неожиданно для него. — Но, кажется, я сама догадалась, в чем тут дело. По-вашему, купальный костюм закрывает тело, и его не видно. Так?

И внезапно Муратов все понял сам. Ее вопрос открыл ему истину.

Вот оно что! Он забыл о тепловом излучении всех живых тел, излучении, которое Гианэя и люди ее планеты воспринимают как свет, которое они видят.

Предрассудок — цепкая вещь. И наряду с удовлетворением, что загадка раскрылась, Муратов почувствовал сильное смущение. Костюм не скрывал его тела от глаз Гианэи.

И она думала до сих пор, что и люди Земли видят ее тело, одета она или нет.

Отсюда и вытекало непонятное отсутствие у Гианэи женской стыдливости. В их мире одежда служила только для защиты от холода и пыли.

Легерье ошибся. Поведение Гианэи в первый день встречи ее с земными людьми не имело ничего общего с его предположениями. Она просто не видела разницы, быть одетой или нет.

И покрой ее платьев, который все расценивали, как проявление кокетливости, был вызван обычаем, в котором не было никакого желания быть красивой или привлекательной.

И в то же время платье играло какую-то роль в ее понимании. Об этом свидетельствовал случай, когда Гианэя надела подаренное ей в Японии кимоно и явно интересовалась, идет оно ей или не идет.

«Трудно разобраться в мировоззрении существа другого мира, — подумал Муратов. — Между нами только внешнее сходство, но внутренне мы совсем разные».

Он был уверен, что теперь, после того, что она узнала, Гианэя уже не предложит ему идти с ней в бассейн.

Но он не учел, что сознание человека не может измениться мгновенно. Самая мысль, что тела можно стыдиться, никак не могла возникнуть у Гианэи. Он понял это, когда она сказала:

— И все же я не понимаю, почему вы не можете пойти со мной.

— Идемте! — сказал он.

Гианэя обрадовалась совсем по-детски.

— Я очень не люблю быть одна, — сказала она, опровергая этими словами еще одно ошибочное мнение. Все считали, что Гианэя как раз любит одиночество и терпит присутствие возле себя Марины Муратовой в силу необходимости. — Тем более когда плаваю. Одной скучно. Мы будем перегонять друг друга, хорошо?

Она уже забыла о только что состоявшемся разговоре, забыла потому, что не придавала ему никакого значения.

— Вряд ли мне удастся перегнать вас, — сказал Муратов. — Я неважный пловец.

— Жаль, что нет мяча. — Гианэя произнесла слово «мяч» с очевидным трудом. — Мне нравится игра с этим предметом, особенно в воде. Мы играли с Мариной.

— Почему же, — ответил Муратов, — наверное, здесь найдется мяч. Я сейчас узнаю. Можно пригласить еще кого-нибудь и сыграть в водное поло.

Мяч для игры в поло, конечно, нашелся на станции. Нашлись и любители древней игры.

Но никто не согласился с мнением Муратова.

«Гианэя может делать что ей угодно, — ответили ему, — а мы будем поступать по-своему, как привыкли».

И семь человек вошли в воду бассейна в традиционном наряде пловцов — плавках и шапочках.

И Гианэя не только не обратила никакого внимания на «отсталость» своих партнеров, но даже просто не заметила ничего. И если бы Муратов подумал как следует, он понял бы, что она и не могла этого заметить.

Игра продолжалась долго и закончилась полным разгромом партии, в которой находился Муратов, игравший против Гианэи.

Ее ловкости и силе бросков никто не мог противостоять.

На Луне не было хороших спортсменов. И в ворота, охраняемые Виктором, влетело восемнадцать мячей, посланных рукой Гианэи. Ее партнеры, сразу увидевшие, какого мастера они имеют в своих рядах, всю игру строили в расчете на Гианэю, выводили ее вперед, и каждый прорыв заканчивался голом.

— С вами невозможно играть, — с досадой сказал Виктор, когда, возбужденные и усталые, они вышли из воды. — Эта игра существует на вашей родине?

— Нет, у нас не может ее быть, потому что у нас нет мячей.

После ужина Муратов снова сидел в комнате Гианэи и беседовал с ней. Она сама попросила его прийти. Казалось, после ссоры она испытывала к Виктору особую симпатию.

Он успел уже рассказать всем о своем очередном открытии, и новость никого не удивила.

— Так и должно быть, — сказал Токарев. — Тепловое инфракрасное излучение проходит сквозь ткани, и Гианэя конечно видит то, что скрыто от наших глаз. Но видит иначе, чем при отсутствии покровов. Было бы очень интересно, если бы Гианэя нарисовала в красках человека так, как она его видит.

— Да, но у нас нет красок для передачи инфракрасного цвета, — сказал Стоун. — Вполне возможно, что он воспринимается Гианэей не таким, каким мы видим его на инфракрасном экране.

В беседе Муратов попытался выяснить этот вопрос.

— Право не знаю, как вам объяснить, — ответила Гианэя. — Этот цвет смешивается с другими, и его трудно выделить. Потому я и рисую только карандашом. У вас нет нужных красок. Именно это и натолкнуло меня на мысль, что вы видите не так, как мы. А объяснить, как выглядит цвет, которого вы никогда не видели, невозможно.

— Значит, — сказал Муратов, — вы сразу определяете температуру тела, с одного взгляда?

— У нас нет слова «температура», и степень нагретости мы никогда не измеряем. Зачем? Это и так видно.

«Вот почему она оттолкнула термометр Янсена, — подумал Муратов. — Она не поняла, что он хочет сделать».

— Скажите, когда вы подлетели к Гермесу, вы увидели, что астероид обитаем?

— Да, небесные тела таких размеров холодны. Мы заметили, что от искусственного сооружения — мы тогда не знали, что это такое, — исходит свет двух видов. Искусственный — холодный и живой — теплый. Мы поняли, что там есть живые существа, — конечно, люди.

— С вашей стороны, — сказал Муратов, обрадованный подвернувшейся возможностью выяснить еще что-

нибудь, — было все же рискованно высаживаться из корабля без запаса воздуха.

— Это была ошибка. Но мы очень нервничали.

— Зачем вы покинули корабль? — в упор спросил Муратов.

Гианэя долго молчала, словно обдумывая, что ответить.

— Не сердитесь, — сказала она наконец. — Но мне не хотелось бы отвечать вам на этот вопрос.

Муратов был глубоко разочарован, но ничем не показал этого.

— Тогда, конечно, не надо, — сказал он. — Я спросил случайно.

— Зачем вы говорите неправду? — мягко сказала Гианэя, дотрагиваясь до его руки. — Вы очень хотите это узнать и спросили не случайно. Но поверьте, Виктор, вы это узнаете. Но не сейчас. Я не могу.

Она произнесла «не могу» с таким очевидным отчаянием, что Муратову стало жаль ее.

— Не думайте об этом, Гианэя, — сказал он. — Вас никто ни к чему не принуждает. Поступайте, как находите нужным. Конечно, вы правы, и нам очень интересно многое узнать у вас. Скажете, когда захотите. И простите меня за нескромное любопытство.

Снова он увидел слезы на ее глазах.

— Вы очень хорошие люди, — тихо сказала Гианэя. — И я начинаю любить вас.

«Начинает через полтора года», — невольно подумал Муратов.

На следующее утро те же четыре вездехода, с тем же экипажем, снова вышли из гаража и направились на этот раз в восточную сторону.

Уверенность в успехе сильно возросла. Муратову удалось накануне перевести беседу на Рийагейю. И Гианэя вспомнила подробности слышанного ею на борту звездолета разговора. Из этих подробностей вытекало, что база может находиться только внутри кратера Тихо, у подножия горного хребта, с северной стороны.

Муратов не пытался, а Гианэя не проявляла инициативы говорить о самом Рийагейе как о человеке, и речь шла только о его высказываниях о Луне.

А личность Рийагейи очень интересовала «землян». Этот человек, которого никто уже никогда не увидит, играл огромную роль в событиях, связанных с Гианэей и спутниками-разведчиками. Его воля изменила весь ход этих событий.

— Нарисуйте его портрет, — попросил Муратов. — Мы хотим видеть черты его лица.

— Лично вам, — с улыбкой ответила Гианэя, — для этого достаточно посмотреть в зеркало.

Так Муратов узнал о своем сходстве с Рийагейей, человеком другого мира, судя по всему, искренне и самоотверженно любившим людей Земли.

Муратов многое понял в эту минуту..

Поисковая экспедиция второго дня началась почти с уверенностью, что будет успех. И надежда не обманула.

Не успели отъехать и пятнадцати километров от станции, как Гианэя резко наклонилась вперед, протянула руку и сказала:

— Вот то, что вы ищете.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Здание стояло на вершине холма.

Огромный город раскинулся у его подножия. Он был так велик, что даже из окон верхних этажей, с высоты двухсот метров, не было видно окраин.

Со всех сторон тянулись до горизонта и исчезали за ним бесконечные квадраты разноцветных крыш. Казалось, что холм с одиноким зданием находится в самом центре города, хотя в действительности это было не так.

Случайно, а может быть и по замыслу архитекторов, ближайшие к холму здания были не высоки, не доходя до его вершины. Высотные, превосходившие по размерам весь холм, выстроились гигантским кольцом в отдалении. А еще дальше, поднимаясь над линией горизонта, виднелись верхние части еще более высоких домов.

Здание, стоявшее на холме, было видно отовсюду, с любого места в городе.

Оно было совсем не похоже на другие.

Больше всего оно напоминало памятник, выстроенный как будто из одного стекла двух оттенков голубого цвета. Более темные, синеватые полосы составляли каркас, более светлые, казавшиеся кое-где почти белыми, — проемы окон. И те и другие были расположены наклонно, и все здание в целом словно ввинчивалось в темно-синее небо.

А над куполом крыши, хорошо видная отовсюду, «парила» в воздухе гигантская белая статуя.

Женщина в коротком платье, с развевающимися волосами, с закинутой назад головой протягивала руки к небу. Ее облик выражал страстный призыв, направленный к кому-то находящемуся за синей завесой неба, в безднах вселенной.

Здание было очень велико, но снизу, из города, казалось небольшим и узким, точно скрученная в спираль игла.

Люди Земли сказали бы, что оно похоже на штопор.

Город был одной из древних, насчитывающих тысячи лет своей истории столиц этой планеты, хотя теперь, в эту эпоху, само слово «столица» было давно забыто.

А странное здание на холме действительно было памятником тем, кто проник в космос и не вернулся оттуда. Одновременно оно служило пантеоном ушедших из жизни космонавтов и штабом космической службы планеты.

В этот день в нижнем этаже здания, в огромном зале, залитом лучами высоко стоявшего оранжевого солнца, происходило большое собрание.

Вокруг огромного стола, стоявшего посередине зала, сидело более ста человек мужчин и женщин.

Их одежда была очень похожа. Женщины носили платья, мужчины — короткие туники. Ноги женщин были обвиты до колен перекрещивающимися лентами, а колени прикрыты пряжками в форме листка. Ноги мужчин оставались обнаженными. У женщин были длинные и густые волосы, головы мужчин — обриты.

Все были в белом, кроме одного.

Различной густоты зеленый оттенок их кожи, косо посаженные глаза, приподнятые у переносицы, высокий рост как мужчин, так и женщин — все было бы знакомо человеку Земли, и он безошибочно угадал бы в этих людях соотечественников Гианэи.

А если бы здесь могла оказаться Марина Муратова, то она узнала бы и язык, на котором говорили все эти люди.

Но узнав, поняла бы, что этот язык не совсем тот, на котором говорит Гианэя, что он чем-то отличен, хотя в основе и тот же.

И человек, отличающийся от других своей одеждой, так же, видимо, затруднялся в понимании этого языка и иногда переспрашивал.

Тогда поднимался один из мужчин и повторял сказанное, но уже на точно таком же языке, на котором говорила Гианэя.

Посередине, на высоком стуле, возвышаясь над всеми, сидел совсем еще молодой человек с очень узкими, словно прищуренными глазами, одетый так же, как и все остальные.

Он не мигая пристально смотрел на стоявшего напротив него иначе одетого человека, того, кто не всегда понимал, что ему говорили, и который сам говорил на чистом языке Гианэи.

Этот человек имел все отличительные черты соплеменников Гианэи, но был немного ниже ростом, чем остальные. Зеленый оттенок кожи был мало заметен, скрытый сильным загаром. На нем была не туника, а что-то вроде широкого плаща, сверкающего в оранжевых солнечных лучах червонным золотом. Его голова не была обрита, и черные волосы, отливающие изумрудом, спускались ниже плеч.

Молодой человек с узкими глазами, очевидно, председательствовал на этом собрании.

Его неотступный взгляд смущал человека в золотом плаще, который часто не выдерживал и отводил глаза, но каждый раз, точно притягиваемый магнитом, снова поворачивался к нему.

В эти мгновения все видели, как в темных глазах человека в плаще вспыхивали искры не то вызова, не то тщательно скрываемого страха.

И каждый раз, заметив эту искру, молодой председатель улыбался.

В его улыбке было презрение, насмешка, гнев, но не было ненависти. И казалось, что именно это — отсутствие ненависти — больше всего смущало человека в плаще.

Он все время стоял. Видимо, так было и нужно, потому что возле него не было стула. Стоял уже долго, в то время как все остальные сидели.

Это походило на суд.

И действительно, это было судом, но только не в том смысле, как принято понимать это слово на Земле.

Судили не этого человека, а других, к числу которых он принадлежал и которых не было сейчас в этом зале.

Судили не людей, а дело, которое хотели совершить люди.

— Итак, — сказал председатель, по-прежнему пристально глядя в лицо «подсудимого», — ты все рассказал нам, Лийагейя, ничего не утаивая?

— Да, все! Больше мне нечего прибавить. И я готов принять смерть.

Улыбка, на этот раз выражавшая только презрение, встретила его слова.

— Мы это видим. — Молодой председатель жестом указал на одежду Лийагейи. — Но ты поторопился. Три дня ты на родине. Неужели ты не заметил, что находишься в ином мире?

Тот ничего не ответил.

— Неужели, — продолжал председатель, — ты не понял ничего из того, что увидели твои глаза? Или, может быть, ты не хочешь ничего понять?

Снова не последовало ответа.

— Но ты поймешь, Лийагейя. Мы не убьем тебя, как сделали бы это вы на нашем месте. Давно уже погасли и исчезли из памяти людей ваши костры. Ты будешь жить среди нас.

— Значит, вы не отпустите меня обратно?

— Нет. Ты останешься здесь навсегда. Космос не место для таких, как ты. Туда надо отправляться с чистыми мыслями и незапятнанными руками. Тебе придется трудиться, Лийагейя. Вероятно, в первый раз в жизни, — тоном величайшего презрения прибавил он. — И от тебя самого будет зависеть, чтобы люди забыли, кто ты и какое черное дело пытались вы осуществить.

— Пытались? — По губам Лийагейи, в первый раз за это утро, скользнула улыбка.

— Ты хочешь сказать, что ваше дело уже сделано? Ты снова ошибаешься, Лийагейя. Ты забыл, что за время твоего отсутствия на нашей планете сменилось десять поколений. Они жили не зря. С нашей точки зрения ваши корабли космоса — неуклюжие лодки. Мы будем на этой планете... как ты ее назвал?

— Лиа.

— Мы будем на Лиа очень скоро. И зло не осуществится. А если мы опоздаем, — глаза молодого председателя сверкнули и на мгновение полностью раскрылись; они были огромны, темны и глубоки, — вы отве-

тите за это. Нам не долго вспомнить обычаи вашей эпохи.

— Это означает, что вы сожжете меня не сейчас, а немного позже, вот и все.

— Я сказал, ты будешь жить. Мы не меняем своих решений и не лжем, как вы.

Лийагейя опустил голову.

— Я сказал вам только правду.

— Мы это знаем.

— Откуда вы можете это знать?

— Откуда? — Председатель указал на сидевшего рядом с ним пожилого человека. — Специально для тебя мы пригласили медика, так как хорошо знали, с кем имеем дело. Ты отстал от науки, Лийагейя, и это не удивительно. Твое счастье, что ты был правдив.

— А если бы это оказалось не так? — с вызовом спросил Лийагейя.

— Тогда нам пришлось бы заставить тебя говорить правду.

— пыткой? Этим меня не испугаешь.

Председатель несколько минут сидел молча, видимо пораженный этими словами. Потом он обвел взглядом всех сидевших за столом. Почти все смеялись.

— Видишь? — спросил он. — Это наш ответ, Лийагейя. Трудно тебе будет у нас. Ты первобытный зверь. И так будут смотреть на тебя все, пока ты не изменишь своих взглядов. Советую тебе сделать это как можно скорей. Мы поняли, что ты сказал, но большинство людей на планете совсем не поняли бы. Ты в другом мире, Лийагейя, пойми это.

— А что вы сделаете с нами, если не споздаете? — вместо ответа спросил Лийагейя.

— Мы вернем вас всех обратно. И все, улетевшие когда-то, и их дети, родившиеся за это время, все будут жить на родине. И трудиться. Привилегированное положение твоей касты придется забыть.

Глаза Лийагейи блеснули ненавистью.

Председательствующий рассмеялся.

— Если бы я жил во времена вашего отлета, — сказал он, — ты, вероятно, не стал бы и говорить со мной. Времена изменились. И вы сами знали, что они должны измениться. Зачем иначе было вам улетать на поиски других планет?

— Мы сделали это для того, чтобы спасти будущие поколения, — гордо ответил Лийагейя.

— Лжет или говорит не то, что думает, — сказал тот, кто был медиком.

— Видишь, Лийагейя. Стоило тебе уклониться от правды, и это сразу обнаружилось. Я скажу за тебя правду. Вы улетели для того, чтобы сохранить свою касту, в предвидении неизбежной расплаты. Вы знали, что дни вашего господства над планетой сочтены. И вы решили переселиться на другую планету, где вы снова могли стать господами, могли жить за счет других. Колонизация — дело длительное.

Лийагейя поднял голову.

— А вы, — с силой ненависти сказал он, — вы, благородные и правдивые, не терпящие зла, что делаете вы? Обрекаете население планеты на гибель? Вы знаете, что на планете нет места для увеличивающегося населения, и отталкиваете руку помощи, которую мы протягиваем вам. Если бы ты был прав, Вийайя, так, кажется, тебя зовут, зачем мне было возвращаться сюда?

— Неискренен, — спокойно сказал медик.

— Знаю. Председатель насмешливо улыбался. — И все это знают. Нет, Лийагейя, — сказал он, — ты вернулся не потому, тебя послали за людьми. Вы нашли дику планету. Она требует много труда. И это вам не по вкусу. Тогда вы отправились на поиски другой. Вы нашли Лию. Там все готово, есть города, дороги, заводы. Вам это больше понравилось. Но население Лии уже не дикое, и оно вам не подчинится. Тогда вы решили уничтожить население планеты. Решение вполне соответствующее вашему моральному облику. Но что бы вы стали делать там одни? Вам нужны люди. И ты прилетел только для того, чтобы обмануть нас, увлечь за собой тысячи людей, которым предстояло бы работать на вас. Но вы ошиблись, Лийагейя. Мы не хотим избавиться от перенаселения такой ценой. Да мы и не нуждаемся больше в спасении. Иди, попробуй позвать. Ты не найдешь ни одного человека, который не повернется к тебе спиной, услышав твои слова. Ни одного на всей планете. Люди не те, какими были во времена вашего отлета. Вы не ожидали этого?

Лийагейя молчал. Его лицо пылало, но глаза как-то сразу потускнели, потухли.

Потом он сказал без ненависти, тоном усталости:

— Вы хорошо использовали время. Мне жаль, что мы не придавали значения словам Рийагейи.

— Рийагейя, — удивленно сказал председатель, — я помню это имя. Он был командиром вашей эскадрильи и вашим сообщником.

— Времена меняются, — ироническим тоном повторил Лийагейя слова самого Вийайи. — Что еще вы хотите от меня?

— Ничего. Ты свободен, Лийагейя.

— Тогда я сам задам тебе один только вопрос. Почему ты сказал, что вы не нуждаетесь в спасении? Или население планеты стало уменьшаться под вашим правлением?

— Нет, оно увеличивается, и быстрее, чем это было в твоё время, под вашим правлением, — ответил Вийайя. — Но я тебе уже сказал, что десять поколений, проживших без ига вашей касты, прожили не зря. Ты знаешь, Лийагейя, как тщательно хранили вы секреты вашей власти, в том числе и технику космических полетов. Вы все увезли с собой. И были уверены, что «низшие существа» никогда не откроют этих секретов. Немного времени понадобилось, чтобы превзойти вашу технику. Чьими руками строили вы свои корабли? Эти руки остались на планете. А разум вы считали своей привилегией. Самая большая ошибка, Лийагейя. Отвечаю на твой вопрос. Проблема перенаселения, которая вас несколько не интересовала, хотя ты и сделал попытку убедить нас в обратном, заставила наших предков предпринять то, что ты хотел поставить в заслугу вам. Мы сами отправились в космос, случайно — в другую сторону, чем вы. Ведь мы не знали, куда вы направились. И мы нашли братьев по разуму, которые поняли нас и предложили нам свою помощь. Теперь уже близко время массовой эмиграции на новую родину, подготовленную совместными усилиями двух планет.

— Значит, вы все-таки собираетесь заселять чужую планету?

— Необитаемую, Лийагейя. Я вижу по выражению твоего лица, что ты не видишь здесь разницы. По-твоему, низшие существа, населяющие Лиа, не заслуживают ни жалости, ни снисхождения, если затронуты интересы

таких «высших» существ, как ты. Но, с нашей точки зрения, низшие существа — это ты сам и твои сообщники. И я не верю твоим словам, что обитатели Лиа дикари. Твои рассказы об этой планете опровергают это утверждение. Пройдет немного дней, и наш корабль улетит туда. Я знаю, что мы встретим там братьев, которые, так же как мы, сочтут тебя и вас всех двуногими зверями.

Лийагейя вскинул голову. Мрачный огонь загорелся в его темных глазах.

— Ты не стесняешься, Вийайа, — сказал он, — осыпать оскорблениями того, кто не в силах противиться тебе. Я один здесь. Но если ты считаешь меня зверем, то зачем же ты приглашаешь зверя жить среди вас? Не лучше ли его уничтожить?

— Может быть, ты и прав, Лийагейя, — ответил Вийайа, — но мы не привыкли убивать людей. И мы не приглашаем тебя жить с нами, а заставляем, в виде наказания.

2

Долог путь по дорогам вселенной.

Луч света годами летит от одной звезды к другой. А создание рук человеческих не может лететь со скоростью света.

Долог и томителен путь!

А если экипаж корабля снедает тревога и нетерпение, он кажется еще длиннее.

Они не могли провести большую часть пути во сне. Они жили в обычном режиме дня: половину — бодрствовали, половину — спали, и нечем было заполнить пустоту времени.

Их было четверо.

Идея влекла их вперед, к далекой цели. Идее жертвовали они собой. У них не было надежды вернуться обратно. Они улетели с родной планеты навсегда. Вернуться они не могли потому, что не знали, как управлять кораблем, как найти путь в безграничной пустоте.

Корабль вели автоматы.

Умные, осторожные, чуткие, они вели корабль по намеченной трассе, проложенной не теми, кто был на

борту сейчас, а другими. Теми, кто построил корабль, умел управлять им, знал, как находить дорогу в космосе.

Никого из таких людей не было на борту звездолета.

Автоматы были надежны. Они знали больше своих теперешних хозяев, и с равнодушием машины изменили прежним.

Корабль летел по точно рассчитанному курсу. Что бы ни случилось, какие бы препятствия ни возникли на пути, «командир» корабля в доли секунды примет решение и избежит любой опасности.

Четыре человека, составлявшие теперь экипаж корабля, хорошо это знали. И они боялись даже подойти к двери отсека управления. Дверь была плотно закрыта, и желтой краской на ней был нарисован косой крест.

Для того, чтобы никто не мог случайно проникнуть в запретную зону.

Все зависело от «командира». Его механический мозг был единственной надеждой на успех, единственной гарантией достижения цели, единственным шансом на жизнь.

Четверо не были уверены, что посадка произойдет так же благополучно, как взлет. Они не знали, умеет ли «командир» опускать корабль на планету. Они только надеялись на это.

И они часто бросали взгляды на большой, герметически закрытый ящик, окрашенный в ярко-желтый цвет, стоявший посередине центрального помещения исполнителя корабля.

В этом помещении четверо проводили все время, только изредка покидая его. Здесь они жили, питались, спали и беседовали, хотя это помещение и не было жилым.

Но они «жались» друг к другу, стремились всегда быть вместе, помогая один другому преодолевать невольный страх перед окружающим их со всех сторон бесконечным простором вселенной.

Каюты корабля, предназначенные для членов экипажа, все были одиночными, рассчитанными на одного человека.

Утонченный комфорт этих кают не привлекал новых хозяев. Все было им чуждо, непривычно и глубоко ненавистно.

Они ненавидели каждый предмет на корабле и самый корабль. Все, кроме желтого ящика. Это было единственное, что принадлежало не прежним хозяевам, а им самим, было сделано ими, заключало в себе известную им цель.

Желтый ящик — это были «они сами». Потому что, если им не суждено будет живыми достигнуть цели, содержимое ящика сделает все за них.

В любом случае задача должна быть выполнена.

Ящик был тяжел, массивен и очень крепок. Если корабль разобьется, он уцелеет.

Это было главное.

И за долгие годы пути они привыкли смотреть на ящик, как на пятого члена экипажа. И называли его ласково — «Григо», что было человеческим именем.

На корабле было все. Длинные аллеи, полные растительности, приглашали к прогулкам. Уютные салоны, игральные и спортивные залы, бассейны для купанья, читальни и зрелищные установки звали к развлечению и отдыху. Астрономические пункты, кабинеты и лаборатории предоставляли все удобства для научной работы. И возле каждой каюты находилось голубое помещение с продолговатым бассейном, сейчас пустым.

Четверо пользовались только аллеями. Им необходимо было двигаться, и они бегали по аллее каждый «день», в определенное время.

До всего остального они не дотрагивались — мешала ненависть.

Но они охотно воспользовались бы голубыми помещениями и стоявшими в них бассейнами. Время полета было пыткой. Но бассейны были пусты. А если и были бы заполнены, то все равно не могли ничем помочь. Четверо не знали, как вызвать анабиоз и как из него выйти. Эта техника была им совершенно неизвестна.

Четверо были первыми людьми своего народа, проникшими в космос. Ненависть вела их и руководила их поступками.

Ненависть и любовь.

Бывшие хозяева корабля — это было то, что они ненавидели. Свобода и прежняя жизнь — это было то, что они любили.

Но существовало еще и третье — неведомые люди неведомой планеты. Им угрожали те, кого ненавидели

четверо. И четверо спешили на помощь неведомым людям и невольно, не зная, любили их, как братьев, попавших в такую же беду, как они сами.

Но главным была для четверых все-таки не любовь, а ненависть.

Их родина была теперь свободна и могла жить, как жила прежде, до появления «ненавистных».

Сорок три врага избежали справедливой кары. Их надо было настигнуть и уничтожить.

Если они вернутся и узнают, что произошло в их отсутствие, они отомстят за смерть своих собратьев.

Сорок три не должны были вернуться.

Четвертых не смущало, что их всего четверо. Будь их в десять, в сто раз больше, они все равно не смогли бы справиться с могучими пришельцами. «Ненавистные» были сильнее. Им подчинялись силы, еще неизвестные и недоступные народу, к которому принадлежали четверо.

И они надеялись только на помощь тех, к кому спешили на помощь сами.

Совсем недавно на родной планете четверых никто не думал о существовании иных планет, иных человечеств. Никто не задумывался еще о тайнах мироздания. Они были дети природы, добрые и доверчивые. Их техника была примитивна, знания ограничены, жизнь проста.

Три поколения прожили под игом, под жестоким и беспощадным террором, работая на пришельцев.

Природа планеты была богата и разнообразна. Она щедро давала своим детям все, в чем они нуждались. Люди не испытывали ни голода, ни жажды, ни холода. Не было хищных животных, не от кого было защищаться. И почти полное отсутствие борьбы за существование сослужило им плохую службу. Их разум застыл, не было могучего импульса для движения вперед.

Видимо, так было не всегда, иначе вообще не появился бы человек. Но в эту эпоху было так. И никто из них не помнил другого времени, других условий.

Они не знали, есть ли на планете другие люди, кроме них. Время исследования планеты еще не наступило. Огромный остров, на котором с незапамятных времен жили несколько десятков тысяч людей их народа, со всех сторон был окружен океаном.

Поколение за поколением нежилось в колыбели природы. Разум дремал, и ему нужен был внешний толчок, чтобы пробудиться.

Таким толчком явились пришельцы.

Три поколения прожили под игом.

«Ненавистные» относились к коренному населению с холодной жестокостью. Они заставили выстроить для себя целый город. Тех, кто противился, уничтожали.

Они были сильны знанием и техникой. Их было мало, и они управляли страхом.

Чтобы сохранить жизнь, надо было приспособляться. Появилась борьба за существование.

И всего за три поколения обитатели острова неузнаваемо изменились. Они многое поняли и многое узнали. Их развитие сделало резкий скачок.

Пришельцы не собирались учить покоренных. Но они нуждались в их труде и вынуждены были немного ознакомить их со своей наукой и техникой.

С глубоким презрением относясь к жителям острова, пришельцы недооценили природную остроту ума, сообразительность и способности своих рабов. Они не дали себе труда задуматься.

И поплатились за это.

Проснувшийся разум не может мириться с насилием. И случилось то, что неизбежно должно было случиться.

Пришельцы исчезли с лица планеты.

Но сорок три из них были еще живы. Они должны были также исчезнуть!

Никто не знал, откуда явились пришельцы, что им надо здесь, какую цель они преследовали.

Их нетрудно было уничтожить сразу. Но жители острова радушно встретили неведомых существ, совсем не похожих на них самих, когда восемь гигантских кораблей опустились на острове. А потом было уже поздно. Понадобилось много времени, чтобы научиться настолько, что стало возможным обратить технику пришельцев против них самих.

«Ненавистные» — так прозвало пришельцев первое поколение, оказавшееся в их власти. Так же называло их и нынешнее, четвертое поколение островитян.

Три поколения сошло в могилу. А пришельцы были все те же. Казалось, они властвовали и над смертью. Ни

один из них не умер за время пребывания на острове. Наоборот, их число увеличилось — рождались дети.

Но пришельцы не были бессмертны. В этом убедились островитяне, когда долго накапливающийся гнев вылился в восстание и все, кроме сорока трех улетевших, были поголовно уничтожены.

Сорок три ускользнули случайно. Они покинули планету, ничего не зная о готовящемся восстании.

Один из пришельцев улетел еще раньше.

Из восьми кораблей на острове оставались шесть.

Пришельцы очень берегли свои корабли и заботились о них. Собирались ли они все улететь с планеты? Этого никто не знал. Островитяне давно потеряли надежду.

...Четверо летели в неведомую даль.

Но они знали, с какой целью улетели сорок три, которых они хотели настигнуть.

«Ненавистным» мало было одной планеты, они готовились покорить вторую. Островитяне считали свой остров «всей» планетой.

Среди пришельцев были разные люди. Некоторые из них хорошо относились к местному населению, снисходили до разговора, отвечали на вопросы.

Был один из пришельцев, которого островитяне даже любили, но он улетел вместе с сорока тремя.

Его звали Рийагейя.

Если бы он остался, его пощадили бы.

Он часто говорил с людьми и многое открыл им.

С какой целью? Они не знали.

Четверо были убеждены, что не известная им планета подобна их собственной, что обитатели этой планеты окажутся под игом «ненавистных».

Им надо все рассказать, предупредить их о грозящей участи.

Четверо могли это сделать.

Давно, еще при жизни второго поколения, три корабля пришельцев покинули остров и потом вернулись. Вернулись с тем же экипажем.

Среди них был один, которого звали Дейя. У него была дочь, по имени Гийанейя.

Отец привез из экспедиции новый, никогда ранее никем не слышанный язык.

Пришельцы заставляли островитян не только работать на своих стройках, но и обслуживать себя. В каждом доме были слуги из местного населения.

В доме Дейа таким слугой работал Мериго, молодой человек с прекрасной памятью, один из тех четверых, кто летел сейчас к неведомой цели. Но теперь он был уже не молод.

Дейа обучал свою дочь новому языку. В его доме этот язык слышался чаще, чем язык «ненавистных», на котором говорили все.

Зачем это было нужно, Мериго не знал, но он невольно сам выучил этот язык.

Дейа называл его «испанским». И Мериго вскоре узнал, что это язык той планеты, куда летали Дейа и его спутники.

А когда выросшая Гийанейя улетела в числе сорока трех, Мериго понял, зачем обучали ее чужому языку. Она должна была говорить с местными жителями.

Он видел, что Гийанейя не хотела улетать с острова. Она плакала, но пришельцы были жестоки не только к покоренным островитянам, но и друг к другу. Даже отец к дочери.

Много раз пришлось Мериго и другим слугам Дейа испытать на себе жестокость хозяев. За малейшую провинность их избивали, а трое заплатили даже жизнью за ничтожную вину. Их сожгли живыми.

Так погибла сестра Мериго. И он остро ненавидел пришельцев и все, что было с ними связано.

Мериго первым узнал об отлете «ненавистных» к другой планете.

Лететь должны были два корабля. Но потом почему-то улетел только один.

Второй остался, полностью подготовленный. Видимо, он должен был стартовать несколько позднее.

Но не успел. Произошло восстание.

«Ненавистные» ничего не делали сами. И к подготовке обоих кораблей они привлекли рабов. Самых развитых и образованных.

Техника была им, конечно, неизвестна и непонятна. Куда улетел корабль, они не знали. Но им было известно, что экипажи будут в пути спать, а управлять кораблем предстояло загадочному механизму, который «ненавистные» называли «мозг навигации».

Этот мозг сам доведет корабль до цели.

Оба корабля готовились одинаково и одновременно.

А когда один улетел, а второй остался, когда было покончено с пришельцами, возник план воспользоваться этим кораблем.

У долго угнетаемого народа развилось чувство солидарности. Они хотели помочь другим избежать собственной участи и хорошо понимали, что нельзя оставить в живых сорок три.

Вернее, сорок два, так как ни у кого не поднялась бы рука на Рийагейю.

Как пустить в ход механизмы корабля, они знали. Но больше не знали ничего. И даже не думали о безумии своего плана.

Четверо улетели.

Мериго должен был рассказать все тем, неведомым. И помочь трем своим спутникам говорить и понимать ответы тех людей.

Он уже сейчас учил их говорить по-испански. Ведь если удастся живыми достигнуть цели, четверым всю жизнь придется провести на чужой планете. Кто мог указать им дорогу обратно?

Только Рийагейя.

Но захочет ли он это сделать? Они не знали, как подействует на него известие об уничтожении всех его соотечественников.

Четверо были готовы никогда не вернуться на родину.

— Я снова встречусь там с Гийанейей, — говорил Мериго. — Она не ждет такой встречи. И я сам, своими руками, убью ее.

Сколько оставалось еще лететь?

Они этого не знали.

3

— Вот! — сказала Гианэя. — То, что вы ищете.

Радиосвязь между четырьмя вездеходами была включена все время. Ее слова, тут же повторенные Муратовым, слышали одновременно все. И можно было уверенно сказать, что все участники поисковой экспедиции,

на всех четырех машинах, радостно и взволнованно вострепнулись, так же, как сделал это Стоун.

— Где? — спросил он на языке Гианэи.

Найти на второй день поисков! Какая удача! После почти трех лет систематических неудач.

— Прямо перед вами. И близко.

Муратов перевел ответ.

Вездеходы остановились.

Ничего не было видно впереди. Те же мрачные коричнево-серые скалы, изрезанные трещинами, чуть желтоватая пыль, толстым слоем покрывавшая почву. Высоко в небо уходили крутые отроги гор.

Нигде, ничего!

Так казалось людям Земли. Но Гианэя видела другое.

В таком месте никому не пришло бы в голову искать базу. Здесь никогда ничего не нашли бы.

Прямо впереди, метрах в двухстах, горный хребет изгибался, заканчиваясь острым выступом, с огромным нагромождением хаотически наваленных друг на друга камней — следами когда-то рухнувшей большой лавины. Глубина изгиба скрывалась в непроглядно-черной тени.

Сколько таких изгибов уже попадалось во время поисков!

Прямо туда, в эту тень, указывала рука Гианэн.

— Там, — спросил Стоун, — в тени?

— Да, в самой глубине.

— Прожекторы! — приказал Стоун.

С четырех машин четыре сильных луча рассеяли черный мрак.

Ничего! Те же скалы, то же подножие гор. Как везде.

— Здесь мы никак не могли ничего найти, — сказал Вересов. — И так близко от станции.

— Вы уверены? — спросил Стоун.

— Я вижу, — просто ответила Гианэя.

Как выяснилось позднее, у всех мелькнула в этот момент одна и та же мысль:

«Здесь вечная тень. Никогда это место не освещается Солнцем. Горные породы охлаждены почти до абсолютного нуля. Никакого инфракрасного излучения здесь не может быть. Как же Гианэя может что-нибудь видеть? Значит, не только инфракрасная часть спектра доступна ее зрению».

В том, что Гианэя действительно видела загадочную базу, невозможно было сомневаться.

— Какую примерно площадь занимает база? — спросил Стоун.

Выслушав перевод вопроса, Гианэя задумалась. Муратов решил было, что она не знает земных мер длины и площади, но оказалось, что Гианэя молчала по другой причине. Она просто хотела ответить точнее.

— Мне трудно определить на глаз, — сказала она наконец, — но мне кажется, что ее площадь около шести тысяч квадратных метров.

«Однако! — подумал Муратов. — Она знает испанский язык, как настоящая испанка. Даже арифметика ей доступна. Совершенно непонятно».

Сейчас некогда было думать о посторонних вещах. Муратов перевел ответ Гианэи нетерпеливо ждущему Стоуну.

— Значит, — сказал начальник экспедиции, — примерно восемьдесят на восемьдесят метров. Такую небольшую площадь мы сможем обработать четырьмя рабочими машинами.

Он тут же отдал распоряжение, чтобы к этому месту вышел еще один вездеход с оборудованием.

— Полным ходом по нашим следам, — приказал он в микрофон. — Скрытых трещин нет, дорога безопасна. Предупредите Сабо. Жду через пятнадцать минут.

Прожекторы ярко освещали горные уступы в глубине изгиба. Отчетливо виднелись тени от впервые проникшего сюда света. Но по-прежнему ничего постороннего не было видно.

Тревожная мысль мелькнула у Стоуна.

— Спросите ее, — сказал он, — безопасно ли освещать эту базу?

Гианэя ответила, что этого она не знает.

Из осторожности, правда, несколько запоздалой, Стоун приказал погасить прожекторы.

— Когда будет нужно, снова зажжем их.

— Странно, — заметил Муратов. — Спутники не прозрачны. Почему же они не заслоняют скалы, находящиеся за ними? Почему от спутников нет теней?

— Может быть, они уже не здесь? — высказал предположение Токарев. — Может быть, тут только одна покинутая база?

— Спросите об этом Гианэю, — сказал Стоун.

Муратов объяснил, как мог лучше, что именно смущает его и остальных участников экспедиции.

— Мне немного странно, — ответила Гианэя, — что вы не видите этого сами. Но я понимаю, отчего это происходит. Мы — (она имела в виду своих соплеменников) — не подозревали такой особенности вашего зрения. Я узнала об этом только на Земле. — Гианэя словно забыла вчерашний разговор. — Вы ничего не видите, когда нет света. Я хотела сказать, такого света, который вы воспринимаете. Мы видим гораздо больше. Темные, по-вашему, предметы, для нас освещены. Странно, не правда ли, Виктор? Ведь вы так похожи на нас.

Он подумал, что она неудачно выбрала время для подобной беседы. И не смог скрыть нетерпения, когда попросил ее ответить на заданный вопрос.

— Почему вы говорите со мной в таком резком тоне? — как ни в чем не бывало, спросила Гианэя. — Я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали.

— Простите! Но мы очень взволнованы.

— Нет причин волноваться. То, что вы искали, найдено. Чего же вам еще нужно?

В ее тоне ясно слышалось: «Я выполнила то, что вы хотели. Оставьте меня теперь в покое».

— Вы видите, Гианэя, — сказал Муратов, — а мы нет. Так помогите нам еще раз.

Она повела плечом — характерный жест, свойственный только ей одной.

— Опустите прожекторы ниже, — сказала она так, как мог бы сказать учитель бестолковому ученику. — База — (она впервые четко произнесла это слово) — расположена в углублении. Кажется, оно искусственное, потому что имеет ровные границы. Лучи света проходят выше, и потому вы ничего не видите.

Она понимала разницу их зрения, но только умом. Понять ее до конца так, чтобы почувствовать, Гианэя не могла.

— Подождем, — сказал Стоун, когда Муратов перевел ему все, что сказала Гианэя. — Неизвестно, как действует свет на установки этой базы. Мы и так сильно рисковали, когда зажгли прожекторы, не подумав хорошенько. Но это моя вина.

Точно через пятнадцать минут подошла пятая машина. Наступил долгожданный момент операции.

Стоун отвел свой вездеход немного назад и в сторону. Четыре рабочие машины выстроились в одну линию. От них до границы невидимой пока базы было, таким образом, больше ста метров — расстояние вполне достаточное из соображений безопасности и удобства работы. Даже если произойдет взрыв любой силы, вплоть до аннигиляции, то он не причинит никакого вреда. Сотрясения воздуха не приходилось опасаться здесь, где не было никакого воздуха. Оставалась только теоретическая возможность, что база взорвется, как ядерная бомба, с огромным повышением температуры. Но вездеходы, сконструированные специально для поисков базы, были рассчитаны на такой случай и должны были остаться невредимыми, так же как и их экипажи. Какая-то степень риска, конечно, оставалась, но с этим приходилось мириться. Отвести машины еще дальше, на абсолютно безопасное расстояние, было никак нельзя. Тогда очень бы затруднилось управление роботами.

Никто из участников экспедиции и не думал о какой-либо опасности. Они знали одно: база найдена, и надо ее уничтожить.

Надо! Этого слова было совершенно достаточно.

В машине Стоуна появился прибывший на пятом вездеходе руководитель технической части всех шести предыдущих экспедиций — инженер Ласло Сабо. Это был плотный широкоплечий человек небольшого роста и неопределенного возраста. Его лицо с резкими волевыми чертами оттеняла небольшая клинообразная борода, украшение, очень редко встречающееся в эту эпоху.

Муратов, еще в пути с Земли на Луну, заметил явную неприязнь Гианэи к этому человеку. И дело заключалось не только в том, что Сабо был небольшого роста. В последнее время Гианэя стала заметно терпимее относиться к подобным людям. Видимо, она поняла или начинала понимать, что люди Земли одинаковы, независимо от их роста. Рецидив прежних взглядов произошел при ее встрече с Болотниковым. Антипатия Гианэи имела еще какие-то, пока неизвестные, причины.

Она вздрогнула, когда Сабо, проходя по вездеходу на свое место, кивнул ей головой в знак приветия. Му-

ратов видел, какого труда стоило Гианэе ответить ему таким же кивком.

В руки Сабо перешло руководство всей операцией.

— Внимание! — сказал он, едва успев снять лунный скафандр. — Приступаем к выполнению первой части программы — разведке. Выпустить робот номер один!

Из машины, в которой находился Синицын, выполз ярко блеснувший под лучами Солнца металлический шар на гусеничном ходу.

Вересов накануне отлета подробно описывал Муратову его устройство. Это была очень сложная и совершенная машина, плод конструкторского и технического труда многих людей, теперь, по всей вероятности, обреченная на гибель.

Робот отполз от вездехода метров на десять и остановился.

Он ждал команды.

Сабо произвел переключение на пульте радиосвязи.

— Вперед! — сказал он, отдельно произнося каждый слог. — Первый поиск!

Робот покачулся и быстро пополз к горному изгибу.

Гарсиа пересел к пеленгатору. Нужно было проследить, не появится ли какой-нибудь радиосигнал. Стоун склонился к инфракрасному экрану.

Они не принимали никаких мер защиты против возможной вспышки, подобной той, которая появилась при ацинигляции робота-разведчика три года тому назад, во время экспедиции на «Титове».

Экраны не пропускали чрезмерно сильных световых лучей, глаза людей были в полной безопасности, что бы ни произошло.

Было хорошо видно, что по мере приближения к границе черной тени робот замедлял движение. Точно живое и разумное существо, он подходил к цели очень осторожно. Машина не была живой, но обладала высокоразвитым «мозгом».

Потом робот остановился. Его передняя часть погрузилась в тень и сразу исчезла из глаз. Задняя продолжала блеснуть на солнце. Было такое впечатление, что чьей-то невидимой рукой машина была внезапно разрезана пополам.

Щелкнул контакт приемного аппарата, и раздался отчетливый металлический голос:

— Трещина. Два метра глубины. Расстояние девятнадцать метров. Видимость нуль.

— Это не трещина, — сказал Стоун. — Это искусственная выемка, в которой находится база. Что будем делать, Ласло? Включать свет рискованно.

— А в чем риск? — возразил Сабо. — Взорвется? Ну и пусть взрывается. Мы же сами хотим уничтожить эту базу. — Он слегка наклонился вперед, к микрофону, и произнес, так же как раньше, разделяя слоги: — Свет! Те-ле-пе-ре-да-ча.

На всех вездеходах люди поспешно повернули переключатели. Нижняя часть обзорных экранов чуть потемнела. Теперь эта нижняя половина превратилась в телеэкран. Верхняя оставалась прежней, для визуального наблюдения.

В черной мгле, где скрылась передняя часть робота, вспыхнул сильный луч света. Было видно, что робот направил свет прожектора вниз. На телеэкранах появилась ровная, как по линейке проведенная, линия обрыва. От робота она находилась метрах в двадцати, как казалось людям, а по определению самого робота — в девятнадцати.

— Подойти ближе! — скомандовал Сабо.

Робот совсем исчез. Только свет его прожектора указывал место, где он находился.

Линия обрыва приблизилась. Не могло быть никакого сомнения, что она искусственная.

— Шире свет! — последовала команда.

Было хорошо слышно, как там, внутри шара, защелкали контакты переключателей. Луч света разошелся в стороны. Его яркость усилилась.

Теперь хорошо была видна вся выемка, вырубленная в скалистом грунте. Она была правильной квадратной формы, глубиной в два метра, с ровным, гладким дном.

Вот она наконец, таинственная база чужого мира, три года тщетно разыскиваемая людьми! .

В первый момент всем показалось, что база пуста. Ни спутников-разведчиков, ни каких-либо аппаратов. Но потом люди заметили тени, отбрасываемые как будто пустым местом. Абсолютно невидимые агрегаты базы не были прозрачны, как и предполагалось, они поглощали свет полностью, не отражая его.

Теней было много, и они находили друг на друга. Ничего нельзя было определить.

Робот стоял теперь у самого края выемки, совсем близко от спутников, которые безусловно находились здесь. Но ничего не происходило, робот оставался цел. Ожидаемая всеми вспышка аннигиляции не появлялась.

Может быть, защитные установки сейчас выключены? Может быть, они действуют только в полете?

— Подойдем сами, — предложил Стоун. — Или пошлем разведчиков-людей.

— Рано! — отрывисто ответил Сабо. — Внимание! Выпустить роботов номера восемь, девять, одиннадцать и двенадцать.

Четыре машины вышли на лунную почву. В отличие от первой, они были длинной, сигарообразной формы. На носу каждой далеко выдавался вперед конический выступ.

— Вперед! Фронтом!

Как хорошо вымуштрованные солдаты былых времен, роботы выстроились в одну линию и быстро исчезли во мраке изгиба. Свет прожектора первой машины не освещал их, и на экранах их не было видно.

— Они понимают все, что им говорят? — спросила Гианэя.

— Нет, — ответил Гарсиа. — У них определенный запас слов, которые они понимают и могут произносить сами.

— У вас есть такие машины? — спросил Муратов.

Гианэя поморщилась, точно вопрос был ей неприятен, но ответила:

— Я не видела. Но у нас есть думающие машины.

Металлический голос робота номер один сообщил, что четыре вспомогательные машины на месте и готовы к работе.

— Пыль! — скомандовал Сабо. — Вторая программа!

Муратов с особым интересом смотрел на экран. Сейчас осуществлялась его идея.

Было хорошо видно, как в ярко освещенную прожектором выемку с огромной силой влетела веерообразная струя черной краски. За ней последовала вторая — красного цвета. Третья — желтого. И наконец послед-

няя — зеленого. Разноцветная дымка закрыла всю выемку.

А когда закончилась работа пульверизаторов, рассеялась дымка, глазам людей предстала замечательная картина.

4

Давно уже люди Земли познакомились со своими небесными соседями — планетами Солнечной системы, давно уже земные глаза привыкли наблюдать картины чужой природы, изучать растительный, а кое-где и животный мир других миров.

Недалеко было время, когда могучие звездолеты Земли оправдают свое название и устремятся не к планетам, а к звездам, чтобы у других солнц, в других планетных системах найти разумную жизнь, найти братьев по разуму.

Никому уже не приходило в голову сомневаться в их существовании во вселенной. И никто не воспринял появление Гианэи как доказательство, потому что никакого доказательства бесспорной истины не требовалось.

Но если исключить одежду Гианэи, в которой она явилась людям на Гермесе, никто еще не видел ничего, что было бы сделано руками разумных существ иного мира.

И вот перед небольшой группой людей, среди которых, словно нарочно, находилась представительница чужого разума, самым своим присутствием подтверждающая реальность виденного, появился целый комплекс предметов, сделанных не на Земле, и не отдельные, не связанные друг с другом предметы, а именно комплекс, объединенный одной целью, единым замыслом, общей для них всех научной и технической мыслью.

Мыслью чужого, чуждого Земле мира.

Момент был настолько волнующим, что те из участников экспедиции, кому было поручено заснять базу, когда она будет найдена и сделана видимой, не сразу вспомнили о своих обязанностях.

Но они вспомнили о них, когда началась операция, и все, что произошло, было навеки запечатлено на пленках.

Не меньше десяти минут экипажи всех пяти вездеходов молча смотрели на то, что появилось перед ними. Каждый хотел навсегда запомнить это зрелище.

Пестрые, как детские игрушки, стояли два огромных яйцеобразных тела. Они были совершенно гладкие, без выступов раструбов, без чего-либо, напоминающего дюзы, каждый сорока метров в длину.

Это и были таинственные спутники-разведчики, так долго занимавшие мысли ученых, доставившие столько беспокойства и хлопот космической службе.

Со всех сторон, от небольших возвышений, имевших форму куполов, поднимавшихся над землей не больше, как на двадцать сантиметров, к каждому «яйцу» подходили длинные шланги. Было ясно, что это верхняя часть, а все остальное упрятано в лунную почву, и для того чтобы узнать, что оно собой представляет, нужны раскопки.

В глубине выемки, у противоположного ее края, виднелся какой-то длинный предмет в форме ромба.

Затаив дыхание люди рассматривали, словно из небытия возникшую базу спутников и их самих.

Все было неподвижное, застывшее, будто скованное ужасающим морозом лунной тени.

Краска почти не затронула почвы, и все, что подверглось ее действию, выделялось очень рельефно. Ромб, купола, шланги и сами спутники-разведчики казались металлическими, но были ли они таковыми в действительности, мешала определить та же краска, сделавшая их видимыми.

Долгую тишину нарушил Сабо.

— Убрать распылители! — Его голос звучал так же спокойно и ровно, как и раньше. — Внимание! Выпустить роботы номера второй и третий!

Теперь появились механизмы, ничем не напоминающие первые. Это были роботы-«люди», с ногами, руками и круглыми стеклянными «головами». Немного неуклюже, но быстро, они зашагали к выемке.

Четыре сигарообразные машины вернулись, каждый к своему вездеходу, и были убраны внутрь.

Наступил наиболее ответственный и самый интересный момент операции.

Кибернетические автоматы могли произвести полное и детальное исследование любого предмета как снаружи,

так и внутри, не вскрывая наружной оболочки. Быстро и очень точно они определяли размеры, материал, химический состав, «видели» все, что находилось внутри, могли разобраться в любой схеме, даже такой же сложной, как их собственная.

Подобные роботы применялись часто для самых разнообразных целей и обычно хранили полученную информацию в своей «памяти», выдавая ее по требованию. На этот раз было внесено изменение в их конструкцию. Приходилось считаться с возможностью уничтожения роботов защитными установками базы или спутников. Все, что им удастся узнать, роботы немедленно передадут на пульт штабного вездехода.

Сабо приготовился к приему сообщений.

Но удастся ли узнать что-нибудь? «Допустят» ли это спутники и их база?

Многие сомневались в успехе.

Робот номер два, подойдя к краю отвесного обрыва, ловко спустился на площадку. Номер третий почему-то замешкался, но потом спустился и он.

— Номер первый! — сказал Сабо. — Передаю управление! Второй поиск!

— Второй поиск, — равнодушно повторил невидимый на экранах шар.

Муратов помнил объяснения Вересова. Оба робота-«человека» поступили под команду электронного мозга, заключенного в шаре, и теперь будут выполнять только его приказы. Шар находился ближе к месту действия и имел прямую «зрительную» связь с исполнителями. И у него хватит «сообразительности», чтобы при любой неожиданности гораздо быстрее, чем мог бы это сделать человек, принять правильное решение.

Роботы разошлись. Один направился к ближайшему спутнику, другой — к ромбу.

База не реагировала. Создавалось впечатление, что никаких защитных установок против вторжения посторонних тел здесь нет. Но было хорошо известно, что спутники имеют такую защиту.

Почему же она бездействует?

Муратов посмотрел на Гнаню. Она с видимым интересом наблюдала за происходящим. Никакой тревоги не было на ее лице.

О чем она думала сейчас? Что чувствовала?

Люди Земли готовились проникнуть в тайну, которую соотечественники Гианэи хотели скрыть от них. Она не могла относиться к этому с полным равнодушием, но внешне это выглядело именно так.

Робот номер три вдруг остановился и, повернувшись, пошел обратно, к шару.

— Видимо, он решил, что обследование нужно производить по очереди, — сказал Стоун, имея в виду электронный мозг. — Он опасается путаницы одновременной информации.

— Да, видимо, так, — согласился Сабо.

Робот номер два беспрепятственно подошел к ромбу.

Загорелась зеленая точка сигнальной лампочки на панели приемного аппарата, с легким шелестом поползла за стеклом узкого «окошка» лента записи.

Робот приступил к работе.

Он действовал по порядку, с хладнокровием машины. Сообщил размеры ромба, указал, что большая его часть заключена в скале, и приступил к материалу, из которого была сделана наружная поверхность.

Сначала все шло гладко. На ленте быстро отпечатывались символы химических элементов. Железо, алюминий, марганец, кальций.

Но вот появился вопросительный знак. Это означало, что роботу встретился не известный ему элемент или сплав из нескольких, который он не мог разложить.

Второй вопросительный знак... третий!

— Плохо! — сказал Сабо. — Конструкция не продумана до конца. Он не умеет производить незнакомый анализ.

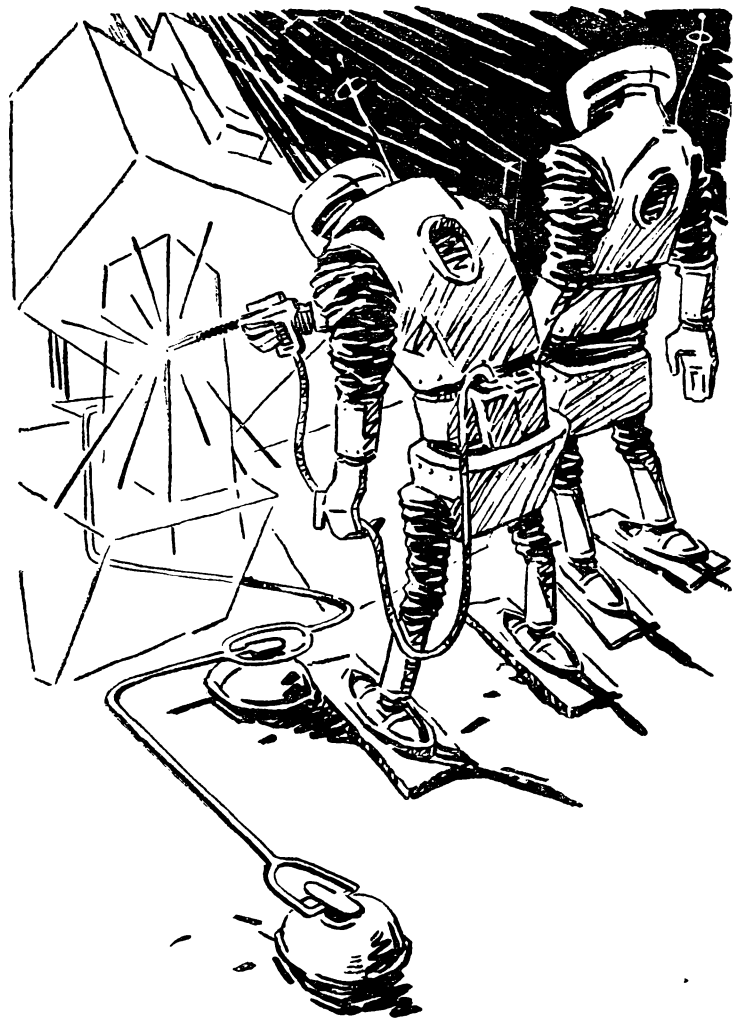
— Ничего подобного, — раздался из динамика чей-то голос из другого вездехода. — В него заложена программа любого анализа, который когда-либо производился на Земле. А то, чего не могут или пока не умеют делать люди, естественно, не может уметь и он.

— Адвокат не нужен, — пошутил Сабо. — Эта профессия давно исчезла.

— Догадается ли он отрезать кусочек от ромба — для анализа на Земле? — спросил Стоун.

Сабо не пришлось отвечать на этот вопрос. За него ответил шар.

Они увидели, как робот достал какой-то инструмент. Видимо, это был резак. Посыпались искры.

— Материал не поддается, — холодно сообщил электронный мозг. — Пришлите другого.

— Более совершенного нет, — ответил Сабо.

— Прекращаю, — сказал шар.

И тотчас же робот номер два убрал электрический резак.

Муратов никогда не видел работу таких машин. Ему было немного странно слушать обмен фразами и сознавать, что говорят не два человека, а человек с машиной.

— Плохо! — повторил Сабо. — Именно в том, чего не сумел понять наш разведчик, заключена тайна невидимости.

— Может быть, попробовать отрезать кусочек купола? — предложил Стоун.

Электронный мозг шара сам пришел к такому же решению. Робот направился к ближайшему куполу.

Но и здесь ничего не вышло. Материал, из которого были сделаны агрегаты базы, не поддавался.

Робот вернулся к ромбу.

Он поднял руки и положил их на его поверхность.

И снова ничего не случилось.

Резким скачком изменилась окраска экранов. Они стали чуть зеленоватыми. Ромб и стоявший возле него робот приблизились и заняли всю площадь экрана.

Потом все увидели, как потускнела, расплылась поверхность ромба и стали видны какие-то провода, рычаги, острые выступы неизвестных приборов.

Открылась внутренность ромба.

— Если это и есть электронный мозг базы, — сказал Токарев, — то при чем здесь рычаги?

— Может, это вовсе и не рычаги, — отозвался Сабо, — а только что-то похожее на них. Не забывайте, что перед вами не земная конструкция.

— Об этом забыть никак нельзя.

Робот застыл в неподвижности. Лента приемного аппарата продолжала двигаться, что указывало на продолжающуюся работу «мысли» в стеклянной «голове» кибернета.

— Схема не поддается, пришлите другого, — раздался металлический голос шара.

— Более совершенного нет, — теми же словами ответил Сабо.

Но слова «прекращаю» не последовало. Очевидно, шар не терял надежды, что его помощнику удастся все же разобраться в схеме электронного мозга базы, видимо, более сложной, чем его.

Внутренность ромба все так же держалась на экране телесвязи.

А на визуальном экране было видно, как робот номер три снова направился к спутнику. Шар не желал терять время. Поскольку от робота номер два передача информации временно прекратилась, он приказал номеру третьему начать работу.

— Похоже, что нам все же удастся исследовать базу и основательно познакомиться с ее агрегатами, — сказал Стоун. — Где же та опасность, о которой говорила нам Гианэя?

Она услышала свое имя и вопросительно посмотрела на Муратова.

Он перевел ей слова начальника экспедиции, стараясь не возбудить в ней чувство обиды на то, что ей как будто не верят.

Выслушав, Гианэя повела плечом.

— Я не знаю, в чем заключается опасность, — сказала она, — но хорошо помню слова Рийагейи. Он сказал, что если люди Земли попытаются подойти к базе, то вызовут этим катастрофу. Вот и все. Я считала своим долгом предупредить вас.

Ее слова смутили всех.

— Может быть... — начал Токаров, но Стоун перебил его.

— Гианэя могла неправильно понять Рийагейю, — сказал он. — Или, сама того не подозревая, придать его словам другой смысл. Нельзя из-за ни на чем не основанного страха упускать единственную возможность.

— Ни на чем не основанного! — сказал Токарев. — Разве так?

— Все равно! — Стоун досадливо махнул рукой. Он явно был сильно раздражен.

«Не потому ли, что чувствует свою неправоту», — подумал Муратов.

— Я согласен с Генри, — сказал Сабо. — Раз начали, надо продолжать.

Остальные промолчали.

Пока шел этот разговор, робот номер три вплотную приблизился к спутнику.

— Товарищи, смотрите! — воскликнул Муратов, указывая на телеэкран.

Но все уже увидели, одновременно с ним.

Внутри ромба возникло движение. Короткие вспышки, как стая искр, побежали по проводам, или по тому, что люди принимали за провода.

— Сигналы! — сказал Гарсиа, сидевший за пеленгатором. — Ультракороткие волны.

Едва успели прозвучать его слова, как сильная вспышка света залила экраны. Она была очень ярка и только благодаря смягчающему действию экранов не ослепила людей.

— Так и знал! — сказал Стоун.

Аннигиляция?!

Экраны продолжали светиться. Это означало, что робот номер один не пострадал. И не только не пострадал, но и продолжал руководить операцией.

Изображение, передаваемое им на телеэкран, отодвинулось. Снова стала видна вся база.

Робот номер два по-прежнему стоял возле ромба.

Робота номер три нигде не было видно.

Его судьба была ясна. Он подошел вплотную к спутнику, тот «сообщил» об этом ромбу. Последовала команда, и робот был тут же уничтожен.

Точно так же, как был уничтожен робот-разведчик, посланный три года тому назад с борта «Титова».

Видимо, и тогда спутник получил приказ от этого же ромба.

— А вы говорили! — сказал Токарев.

— Не изменяю своего мнения и сейчас, — ответил Стоун. — База для нас безопасна. Защиту имеют только спутники.

— Внимание! — сказал Сабо. — Выпустить робот номер четыре!

Слово «внимание» произносилось специально для того, чтобы роботы, находившиеся в действии, знали: это к ним не относится.

— С самого начала надо было послать четвертый номер, — проворчал Сабо. — Зря погубили машину!

— Вы сами согласились, что надо испытать степень опасности, — сказал Стоун.

Муратов знал, что робот номер четыре — это такая же машина, как номера два и три, но снабженная противоминиатюрной защитой. Он понял, что Сабо решил испытать ее, послав к тому же спутнику.

Третий «человек», гораздо выше и массивнее первых двух, зашагал к выемке.

Но он не успел пройти и половины пути, когда случилось то, чего никто не мог предвидеть и ожидать.

Ближайший спутник-разведчик вдруг покачнулся и быстро поднялся, встав вертикально.

За первым последовал второй.

Что-то блеснуло в нижней части аппаратов...

И оба «яйца» взлетели над выемкой, на секунду остановились... снова сверкнули две молнии... и спутники-разведчики исчезли в черной бездне лунного неба.

5

Сабо выругался грубо и зло.

— Доигралась! — раздался из динамика голос Синицына.

Стоун нахмурился, но ничего не сказал, хотя замечание Синицына явно относилось к нему.

— Не об этом ли говорил Рийагейя, — сказал Муратов. — Не это ли подразумевал он под словом «катастрофа».

— Не вижу катастрофы, — сказал Стоун. — Спутники отправились в полет. Мы достанем их там. База осталась в нашем распоряжении.

— Сомнительно! — заметил Вересов.

— Именно так!

На площадке базы все было по-прежнему спокойно. Но вот возникло движение. Многочисленные шланги стали быстро укорачиваться, пока не скрылись внутри куполов.

И снова все замерло.

Внезапно раздался смех — смеялась Гианэя.

— Что же вы наделали? — сказала она.

— Откуда мы могли знать? — ответил Муратов. — Вы же нас не предупредили.

— Я сама этого и ожидала.

— Тем более мы.

Неожиданный поворот событий смутил всех участников экспедиции. Слова Муратова заставили призадуматься. Выходило, что команда на взлет была подана

ромбом, и именно потому, что на базе появились люди, потому, что база была ими увидена. Такой случай предвидели ее строители и заранее приняли меры. Видимо, они ничего не имели против того, чтобы «земляне» познакомились с базой, но отнюдь не со спутниками. И, выполняя их волю, оба «яйца» улетели от нежелательного соседства.

Но только ли улетели? Только ли отправились во внеочередной полет вокруг Земли? Рийагея вряд ли назвал бы простое бегство катастрофой.

Но гадать было совершенно бесполезно.

— Вы не знаете, — спросил Гианэю Гарсиа, — через какой промежуток времени эти спутники возвращаются сюда?

— Не знаю. Но они летают долго.

— Придется доставать их в небе, — сказал Сабо. — Это труднее и более сложно. Жаль, что так получилось. Уничтожить их здесь было просто. Но нет худа без добра. Теперь мы можем основательно ознакомиться с оборудованием базы. И нет смысла уничтожать ее вообще.

— Как сказать, — возразил Токарев. — Может быть, как раз наоборот: надо уничтожить базу и тем лишить спутников возможности заряжаться. И, вернувшись, когда придет время, они окажутся в наших руках.

— Совсем уже невероятно, — сказал Вересов. — Во-первых, они могут защищаться неопределенно долго, даже потеряв способность летать. А во-вторых, вряд ли они смогут вернуться на базу, если будет уничтожен ромб.

Стоун долго молчал.

— Я кое в чем ошибся, — сказал он. — Вот мое решение. Базу уничтожим, но после того, как детально ее обследуем. Спутников тоже уничтожим, в небе. Есть возражения?

— Обследование надо производить крайне осторожно, — сказал Синицын. — Кто может знать, какие сюрпризы здесь заготовлены.

— Мы будем осторожны.

Предложение Стоуна было принято.

Робот номер два все еще неподвижно стоял у ромба. Четвертый оставался там, где застал его неожиданный отлет спутников. Видимо, приказ остановиться он получил от шара.

Но вот оба робота зашевелились. Электронный мозг шара разобрался в обстановке и принял решение продолжить работу. Второй номер снова поднял «руки» и положил их на поверхность ромба, четвертый двинулся вперед.

— В сущности, он уже не нужен, — сказал Сабо.

— Неважно, — ответил Стоун. — Противоаннигиляционная защита ему не помешает.

Гианэя повернулась к Муратову.

— Зачем вы продолжаете совершать ошибку? — сказала она. — Или вы хотите погубить ваши машины? Мне жаль их, они выглядят очень умными.

— Разве им угрожает опасность, когда нет спутников?

— Я вам говорила — уничтожьте!

— Объясните яснее, Гианэя.

— Разве я это знаю, — сказала она, как показалось Муратову, с грустью в голосе. — Я мало знаю.

— Так почему же вы так настойчиво рекомендуете уничтожить, и притом скорее?

— Потому что я слышала. Рийагея сказал кому-то из наших, что никогда люди Земли не смогут узнать устройство ни спутников, ни базы, даже если найдут их. Он прибавил: «Такая попытка дорого им обойдется». Он хорошо знал.

Муратов поспешно передал ее слова остальным.

— Мне теперь кажется, — прибавил он, — что этот Рийагея имел в виду, что, тронув базу, мы приведем в действие что-то относящееся к спутникам и, видимо, опасное.

— Да, вы правы, — с тревогой согласился Стоун. — Мы совсем упустили из виду, — как только была обнаружена база, спутники улетели. Может последовать команда действовать.

— И даже наверное, — раздался голос Сицицына. — Они, безусловно, должны были предусмотреть возможность нахождения нами этой базы и отлично понимали, что в этом случае она будет нами уничтожена.

— Номер первый! — На этот раз голос Сабо не был так невозмутимо спокоен. — Прекратить поиск! Назад! — Он повернулся к Стоуну. — Риск действительно очень велик. Лучше не искушать судьбу.

— Как ни жаль, но, по-видимому, это будет самое лучшее.

— Уничтожаем?

— Да, — твердо ответил Стоун.

Решение было принято.

Но оно опоздало.

Хозяева базы решили все раньше.

На Луне нет звуков. И первый взрыв люди увидели. Робот номер один еще не погасил своего прожектора, ожидая, пока выйдут из выемки оба его помощника. Они как раз показались на краю площадки, когда один из куполов вдруг точно раскрылся, изнутри его вырвался сноп огня, и через мгновение на этом месте осталась только глубокая яма.

И тотчас же взорвался второй, потом третий...

Четвертый взрыв произошел уже в темноте. Шар быстро полз к взеводам. Впереди его «бежали» оба робота-«человека».

А там, в черной мгле тени, с методической аккуратностью, через равные промежутки времени взлетали столбы огня, уничтожая не известные людям сложные установки базы, доставленные сюда соотечественниками Гианэи с другой планеты, — сгусток технической мысли неведомого народа.

Люди Земли были бессильны. Ничто не могло остановить разрушение. Никто никогда уже не узнает, что представляли собой купола и ромб. Об этом оставалось только догадываться.

«Прогремел» беззвучно последний взрыв, самый мощный.

И наступила прежняя «тишина».

Пять прожекторов без чьей-либо команды, но одновременно, осветили изрытую ямами площадку.

Все обратилось в пыль. Там, где стоял ромб, сила взрыва обрушила часть скалы, обломки гранита засыпали половину выемки.

И только ровные линии ее границ указывали, что здесь находилось искусственное сооружение.

И это было все, что осталось людям на память о пришельцах из космоса.

Нет, не все!

Оставались еще два спутника!

Где-то в пространстве они снова кружились возле Земли, неся на себе неизвестную опасность.

Нельзя было сомневаться, что «команда действовать», как говорил Стоун, уже отдана. Это логически вытекало из того факта, что база перестала существовать. Ромб должен был выполнить и, конечно, выполнил свое последнее назначение.

Что же грозит Земле в ближайшие часы, а может быть, и минуты?

И на Земле ничего не знают!

Штабной вездеход полным ходом помчался обратно к станции. Волнение и тревога были настолько сильны, что об остальных машинах вспомнили только в пути и по радио объяснили причину такого стремительного отъезда.

Через десять минут Сабо и Стоун уже были в радиорубке. Прямая связь с Институтом космонавтики была установлена меньше чем за минуту, и Сабо, внешне спокойный, передал тревожное сообщение.

— Вы должны немедленно вылететь, — сказал Стоун Вересову, — нагнать эти спутники и уничтожить их. Ах, да, — воскликнул он с отчаянием, — я и забыл, на вашем корабле нет антигазовых катапульт!

— Они есть на «Титове», — спокойно сказал Вересов. — Неужели вы думаете, что на Земле не догадаются, что надо делать?

— Вы правы, — ответил Стоун. — Я потерял голову.

Гианэя сразу по приезде на станцию отправилась в бассейн. Она до странности любила воду.

Муратову нужно было задать ей несколько вопросов. Не раздумывая, он пошел туда же.

Гианэя плавала, как всегда, быстро. Он подождал, когда она приблизилась к нему, и окликнул ее.

Она остановилась и стояла в воде почти не двигаясь. Плавуемость ее тела была поразительна. Мокрые волосы черным шлейфом слегка колыхались за ее спиной.

— Извините, — сказал Муратов. — Я вам помешал.

— Это ничего, — улыбнулась Гианэя.

— Мы просим вас припомнить, не говорил ли Рий-агейя, в чем именно заключается опасность спутников для людей Земли.

— Я не слышала.

- Но вы знали, зачем летите к Земле?
- Мы знали это.
- Зачем же?
- Чтобы осуществить давно задуманный план.
- Какой?

Гианэя засмеялась.

— Вы не последовательны, Виктор, — сказала она насмешливо. — Если бы я могла ответить на этот вопрос, то могла бы и на первый. Это одно и то же. Я знала, что мы хотели осуществить наш план. А какой? Об этом знали Рийагейя и еще трое.

Марина говорила брату, что Гианэя способна на ложь. И он был совершенно уверен в том, что и сейчас она лжет. Его уверенность в этом подкреплялась ее же фразой: «Люди Земли не заслуживают той участи, которую им готовили». Чтобы так сказать, надо знать, что готовилось.

— Вы знаете, Гианэя, — сказал он тихо.

Снова раздался ее мелодичный смех.

— Допустим, — сказала она, нимало не смущаясь. — Но вам этого знать не нужно.

Муратова взорвало.

— После того, что вы нам уже сообщили, — сказал он резко, — вы обязаны сказать все.

— Вы меня упрекаете?

Муратов понял, что надо изменить тон. Огонек в глазах Гианэи был опасен.

— Я ни в чем вас не упрекаю, Гианэя, — сказал он. — Наоборот, я восхищаюсь вашим благородным поступком. Вы оказали нам огромную услугу. Но будьте же последовательны. Нас очень тревожит неизвестность.

— Конечно, она должна вас тревожить. Но, если бы я и сказала, вы этого не поймете. — Гианэя в третий раз повторила эту фразу.

Муратов силой воли заставил себя не реагировать.

— Попробуйте, — сказал он только. — Может быть, мы способны вас понять.

Она взялась руками за край бассейна, легко поднялась из воды (ее движения всегда были легки, а здесь, на Луне, в особенности) и непринужденно села рядом с ним. Электрический свет бликами играл на ее влажном зеленоватом теле.

— Для этого вам надо знать, что послужило причиной возникновения нашего плана.

— Так расскажите это.

— Я расскажу.

— Когда?

— Когда-нибудь потом. Здесь не место для столь длинного разговора.

— Но пока вы будете собираться, — снова не выдержал Муратов, — может произойти непоправимое.

— Это возможно. Но теперь уже ничего нельзя исправить или изменить. Не говорите со мной резко, я этого не люблю. Наш план уже осуществляется помимо нас. Так случилось по вашей вине. Я вас предупреждала.

Ее хладнокровное спокойствие и необъяснимое упорство способно было довести до бешенства. Муратов сдерживался с трудом. Ведь она сама сказала когда-то, что «спасает» людей. А теперь ни единым словом даже не пытается помочь тем же людям.

Может быть, одного ее слова было бы достаточно!

Он почувствовал что-то вроде ненависти к этой женщине чужого мира, так равнодушно говорившей об опасности, угрожавшей человечеству.

«Она сама помирилась со своей участью никогда не вернуться на Родину, — думал он. — А наша участь ее несколько не интересует. Может, она даже радуется».

Он понимал, что не справедлив к Гианэе. Ее поразительное, до тождества, внешнее сходство с людьми часто заставляло забывать о том, что это человек иного мира, рассуждающий иначе, думающий иначе, ведущий себя иначе. Ее поведение продиктовано другими взглядами, представлениями, понятиями, совсем иным воспитанием. В чем же можно было обвинять Гианэю? В том, что она не такая, как люди Земли? Она и не могла быть такой.

Был момент, еще на Земле, когда Муратов подумал, что слова Гианэи «спасаю вас» вызваны не опасением за судьбу людей, а инстинктом самосохранения. Ведь, живя на Земле, Гианэя разделяла любую участь человечества Земли. Но сейчас он понял, что она была тогда искренна. Ее собственная участь ей безразлична. Если бы это было не так, Гианэя сказала бы все немедленно.

— То, что сделал Рийагейя, оказалось напрасным, — задумчиво произнесла Гианэя, очевидно думая вслух. — Но так и должно было случиться.

Муратов расслышал эти слова, хотя они и были сказаны очень тихо.

Он не задал напрашивающегося вопроса, — она говорила не ему, а самой себе.

И вдруг он осознал, что Гианэя сказала эту фразу по-испански.

Он еще не успел до конца понять все значение этого факта, когда Гианэя резким движением бросилась в воду. Брызги окатили его с головы до ног.

— Вам нет причин волноваться, — крикнула она, уплывая. — Марина говорила мне, что вы справитесь с любой опасностью.

6

Несколько минут Муратов машинально следил за Гианэей. Он первый раз видел, как она плыла, и невольно залюбовался красотой ее движений. Играя в поло, Гианэя плавала иначе.

Но его мысли были далеко.

Она сказала самой себе, подумала вслух — и сделала это на земном языке!

Люди иногда произносят свои мысли вслух, когда глубоко задумываются. И в самом факте, что Гианэя, очевидно, не заметив этого, выразила свои мысли словами, не было ничего удивительного. Но почему она «подумала» на испанском языке? Было гораздо естественнее, если бы она сказала эту фразу на своем. Человек всегда думает на своем, а не на чужом языке.

Муратов чувствовал, что стоит на пороге какого-то очень важного открытия.

«Выходит, — думал он, — что испанский язык знаком Гианэе очень давно, может быть, с детства. Она его так хорошо знает, так привыкла к нему, что даже может на нем думать. Это странно и необъяснимо. Но примем это как факт. Гианэя явно не разбирается в технических вопросах, плохо знает цель их прилета в Солнечную систему. План ее соплеменников известен ей только в общих чертах. Почему это так? В космический

полет не возьмут ненужного члена экипажа. Зачем-то она была им нужна. Зачем? Только одно могло сделать ее полезной — знание ею языка Земли, испанского языка. Гианэя должна была служить им переводчицей! Но тогда получается, что экипаж погибшего корабля намеревался высадиться на Земле, а не только на Луне, где, по их мнению, людей еще не было. Чрезвычайно важный вывод!»

Муратов чуть не бегом бросился на поиски Стоуна. Он нашел начальника экспедиции в обществе Сабо, Токарева и Вересова.

— Послушайте, товарищи! — В своем волнении Муратов даже не заметил, что прервал что-то говорившего Стоуна на полуслове. — Я могу сообщить вам очень важную новость.

Он передал подробно весь свой разговор с Гианэей и свои мысли.

— Получается, — закончил он, — что они не только намеревались осуществить свой план, но и какое-то время провести на Земле. Как же это согласовать?

Сообщение Муратова произвело большой эффект. Стоун в волнении вскочил с кресла.

— Вы правы, тысячу раз правы, — сказал он. — Мы глупцы, что не поняли этого раньше. Вся ситуация меняется. Если Земле грозит опасность, то, как бы она ни была страшна, это не катастрофа. Их план осуществится не мгновенно, для него нужно время. И достаточно длительное. А тогда и страшного ничего нет. Мы справимся с любой опасностью — (Стоун, не зная этого, повторил только что сказанные Гианэей слова). — Спутники будут уничтожены в ближайшие часы. Вы трижды молодец, Муратов! Другой бы не обратил внимания на то, что Гианея думает по-испански. Она явно знает этот язык с детства, это совершенно очевидно. И, значит, с детства предназначалась для роли переводчицы. Помните, она как-то сказала, что прилетела на Землю почти против воли.

— Если все это так, — сказал Токарев, — то зачем было Рийагее уничтожать корабль и самого себя? Если он был друг Земли, логичнее было явиться к нам и предупредить об опасности.

— Да, если он мог это сделать, — отозвался Сабо. — Мы ничего не знаем, вот в чем горе.

— При этом нельзя забывать и о том, что все наши предположения могут оказаться совершенно ошибочными, — сказал Стоун. — Возможно, что корабль не был уничтожен, а все же погиб по несчастной случайности.

— Нет, невозможно, — возразил Муратов, немного подумав. — Гианэя сказала: «То, что сделал Рийагея, было напрасным». Почему напрасным? Да потому, что спутники все равно получили приказ действовать. Это опять-таки вытекает из ее же слов.

— Она может и сама ошибаться, — с обычной упрямой манерой сказал Стоун.

Но, как выяснилось очень скоро, Гианэя не ошибалась.

Сообщение Седьмой лунной экспедиции было встречено на Земле с вниманием, но без особой тревоги. Те, кому это полагалось, обсудили полученное известие и пришли к выводу, что самой Земле, то есть тому, что было построено на ней людьми, никакая опасность угрожать не может. Что могли сделать огромной планете два маленьких «яйца» по сорок метров в длину, чем бы они ни были начинены. Даже взрыв обоих спутников, в сотни раз превосходящий по мощности их полную аннигиляцию, на том расстоянии, на котором оба спутника держались от поверхности Земли, не причинил бы ни малейшего разрушения. Речь могла идти только о том, что на спутниках заложено что-то вредное для населения Земли, скорей всего, источники какого-то мощного излучения, действующего на живые организмы. Да и то только в том случае, если действительно было задумано причинить людям вред, в чем многие все еще сильно сомневались.

Но словам Гианэи не было оснований не верить. Тревожный сигнал был получен, и надо было принять меры защиты.

Они были приняты быстро и оперативно.

Космическая служба получила приказ немедленно отправить звездолет «Герман Титов» в погоню за спутниками и уничтожить их. Только на этом корабле давно уже были установлены антигазовые катапульты. Оборудовать еще один корабль в помощь «Титову» не было времени.

Радиообсерватории и станции космических лучей усилили наблюдение за всеми излучениями, идущими к Земле из космоса.

И буквально через считанные минуты после получения радиограммы о вылете с Луны обоих спутников-разведчиков (их продолжали так называть по старой привычке) они были «схвачены» зоркими лучами локаторов, объективами визуальных телескопов, мощными щупальцами гравиметров, размещенных на многочисленных искусственных спутниках Земли.

И, вылетев со своей лунной базы, оба «яйца», пестрые с одной стороны и по-прежнему невидимые с другой, смогли летать всего несколько часов.

В этом отношении Седьмая лунная экспедиция «спугнувшая» спутников, оказалась очень полезной. «Яйца» не успели даже разойтись в пространстве, а были настигнуты «Титовым» почти в одном и том же месте — над меридианом Гавайских островов.

В этот момент над Тихим океаном стояла глубокая ночь. И очень немногие люди увидели ярко блеснувшие молнии аннигиляции, возвестившие, что оба спутника иного мира перестали существовать.

Успели ли они выполнить в какой-то мере свое назначение? Или погибли бесполезно для своих хозяев?

Ответ на этот вопрос был получен через два часа после их уничтожения.

И на оба вопроса пришлось дать положительный ответ.

Спутники успели причинить, хотя и небольшой, но вред. Пришлось принять меры к очищению атмосферы и прибегнуть к медицинскому вмешательству по отношению к тем, кто оказался затронутым излучением со спутников. Смонтированные на них установки, видимо, начали действовать сразу же после вылета с Луны.

Но спутники не выполнили своего назначения в полном объеме. В этом смысле они погибли бесцельно.

Скорей, чем ожидалось, люди узнали, что им грозило, чем хотели поразить население Земли соплеменники Гианзи.

И ясной стала их цель.

Те, кто был в курсе событий, а таких пока еще было немного — ведущие ученые, сотрудники космической

службы, персоналы обсерваторий, — невольно улыбнулись.

Слишком очевиден был грубейший просчет, слишком низко оценивали науку и технику Земли соплеменники Гианэи. Если даже они были в первый раз на Земле в средние века, они должны были принять во внимание законы развития общества, которые не могли быть им неизвестными.

Но они ничего не предвидели и потому просчитались.

— Было бы совсем не до смеха, — сказала одна из крупнейших ученых-физиков Земли — профессор Марлен Фрезер, — если бы они осуществили свой замысел несколько веков тому назад. Да и в последние века, когда люди были разобщены эксплуататорским строем, их акция могла привести к гибели многие существовавшие тогда малоразвитые народы. Но сейчас, у нас... Что может причинить вред объединенному человечеству?

— Приходится сделать вывод, — дополнил ее слова другой ученый, — что мы ошибаемся относительно сроков запуска спутников-разведчиков. Видимо, они появились возле Земли не так уже давно. Но тогда и те, кто запустил их, были на Земле недавно. И еще более непонятным становится их просчет. Чтобы так ошибиться, надо обладать исключительно развитым самомнением, высокомерием по отношению к другим и глубоким презрением ко всем, кого считаешь ниже себя.

Никто на Земле и не подозревал, как близок к истине был этот ученый.

Всякая опасность миновала.

Сейчас! А в будущем?

Можно ли ждать нового нападения?

Оно могло произойти. Но, судя по тому, что среди народа Гианэи появились люди, подобные Рийагейе, этого не приходилось опасаться. Незвестное человечество, очевидно, достигло такого уровня развития, когда становятся невозможным враждебные акты в отношении других человечеств.

Оставалось загадкой, как могли существа, обладавшие столь могучей наукой и техникой, задумать и пытаться осуществить бесчеловечный план — заставить население земного шара исчезнуть с лица планеты, исчез-

нуть «естественно», в силу прекращения рождаемости, и самим заселить освободившееся место.

Это свидетельствовало, во-первых, о перенаселении их собственной планеты, а во-вторых, — о низком моральном уровне.

Но низкий моральный уровень и высочайшее развитие техники, с земной точки зрения, были несовместимы.

Немного спустя после всех этих событий известный историк и философ Андрей Первенцев выступил со статьей, где излагал свою точку зрения на весь комплекс этих загадок.

По его мнению, единственное объяснение надо было искать в аналогии с земной историей.

Законы развития общества разумных существ всюду примерно одинаковы. Но природа бесконечно разнообразна, и бесконечно разнообразны пути развития мыслящих существ. Тем более в таких масштабах, как вселенная.

Всего немногим более ста лет тому назад одна из самых развитых стран Земли — Германия — ввергла мир в опустошительную войну, проводя доктрину уничтожения других народов. А разве владение термоядерными силами — не высокая техника? И разве не было времени, когда люди, владевшие этой техникой, готовили ядерную катастрофу, грозившую тем, кто уцелеет, той же участью, которой грозили соотечественники Гианэи?

«Природа эксплуататоров, — делал вывод Первенцев, — всегда и всюду одинакова. Для меня нет сомнений, что на планете Гианэи существовал резко выраженный эксплуататорский строй в то время, когда был задуман их план. Теперь, по всей вероятности, такого строя там уже нет. Или он доживает последние дни своего существования. В этом убеждает нас все, что сделал Рийагейя».

Первенцев был еще ближе к истине. Но пока этого еще не знали.

Одно было ясно: такой враждебный акт, с каким пришлось столкнуться людям Земли, — редчайшее исключение. И не было оснований думать, что это исключение может когда-нибудь повториться.

Как правильно сказала Фрезер, космическая интер-

венция могла иметь успех в пору младенчества человеческого общества. Но не тогда, когда люди объединились и могли совместно защищаться от любой опасности?

Общество, живущее дружной, сплоченной семьей, достигшее высоких вершин науки и техники, уже непобедимо.

7

— Это начинает меня беспокоить, — сказала Марина.

Она встала и, козырьком ладони защищая глаза, всматривалась в сверкающую мириадами искр водную даль.

Изумрудно-сапфировые волны Черного моря лениво набегали на берег. Перламутровая дымка скрывала линию горизонта. Там, где только угадывалась эта линия, словно висело в воздухе белое судно. Оно было далеко и казалось неподвижным. День был почти безветренным, изредка чувствовалось легкое дуновение, приносившее не прохладу, а еще больший зной.

Черной головки Гианэи нигде не было видно.

— Она прекрасно плавает, — лениво сказал Виктор Муратов.

— Но прошло больше часа.

— Что ж из того.

— Я все-таки беспокоюсь.

Рауль Гарсиа приподнялся на локте.

— Поехали на поиски, — предложил он.

— На чем?

— На любом катере. Если мы объясним, в чем дело, каждый уступит нам лодку.

— Подождем еще немного.

Беспокойство сестры передалось и Виктору. Он вскочил и подошел к воде.

Они все много плавали в этот день. Гианэя все время была с ними. А когда все устали, она уплыла одна. И вот прошел целый час, а Гианэи все не было.

Уже месяц, как Седьмая лунная экспедиция вернулась на Землю. Большинство людей почти забыло тревоги и волнения тех дней. И только присутствие на

Земле Гианэи невольно напоминало о необычайных событиях.

Участники Седьмой экспедиции решили предоставить себе месячный отдых и в полном составе поселились на Кавказском побережье.

В первое время Гианэи с ними не было — она вернулась в Японию, к Марине.

Многое прояснилось за этот месяц. Гианэя стала заметно откровеннее. Окончательно было выяснено, что где-то существует мир, обитатели которого остро нуждаются в планете для заселения. Перестало быть загадкой, что Гианэя не помнит своей родины, обстоятельство, так сильно поразившее в свое время Виктора Муратова. Она родилась на другой планете, найденной ее соотечественниками и признанной ими не годной для колонизации. Своей настоящей родины Гианэя никогда не видела.

Яснее стала и личность Рийагейи. Ученый, инженер (по-земному), технический руководитель космической экспедиции, этот человек, по-видимому, был совсем не похож на других соплеменников Гианэи. Он всегда возражал против плана своих товарищей относительно Земли, считал этот план бесчеловечным. Он настаивал на том, чтобы остаться на первой планете, застроить ее и заселить. Почему с ним не соглашались, осталось неясным. Гианэя чего-то недоговаривала.

И хотя была вполне ясной цель прилета корабля, с которого высадилась Гианэя, к самой Гианэе никто на Земле не испытывал неприязненных чувств.

Ясной была пассивная роль этой девушки, а ее словам, что она полетела на Землю против воли, все верили, и это служило оправданием той симпатии, которую все чувствовали к Гианэе.

По словам Марины Муратовой, после возвращения с Луны Гианэя поразительно изменилась. Если раньше у нее иногда чувствовался скрываемый страх, то сейчас от него и следа не осталось. Если раньше Гианэя старалась избегать людей, то теперь она искала их общества. И по ее желанию, по ее инициативе Марина и Гианэя вскоре присоединились к участникам Седьмой экспедиции.

Причина этой перемены угадывалась всеми. Гианэя знала о грозящей людям Земли опасности, она ожидала

осуществления преступного плана и боялась возмездия. Было очевидно, что она судила о людях по обычаям и представлениям своих соплеменников, которые, видимо, были суровы и жестоки. Недаром, после того как она стала откровенной, Гианэя заявила, что путь на родину ей закрыт.

А теперь, когда ничего не случилось, когда план был в корне ликвидирован и никакая опасность не висела больше над людьми, Гианэя перестала бояться за себя.

Все это было достаточно правдоподобно, чтобы считаться истиной.

Конечно, никто не тронул бы Гианэю, даже осуществись их план. Но ее тревога была понятной.

На вопрос, могут ли ее соотечественники направить к Земле новых спутников-разведчиков, Гианэя решительно и твердо ответила: «Нет!». И отказалась подробнее обосновать этот ответ.

— Я не хочу, — сказала она Марине, — чтобы у вас сложилось слишком плохое мнение о нас. И так уже оно нелестно. Понимаю, что с вашей стороны это не простое любопытство, но верьте моим словам. Никогда больше никаких попыток повредить людям Земли не будет. Я говорю это от имени Рийагейи, хотя он и умер. Если бы это было не так, он не сделал бы то, что сделал.

Эти слова, сообщенные Мариной, убедили всех. Личность Рийагейи, которого никто не видел и не увидит, продолжала влиять на события и после его смерти. Ему верили, а в том, что сказала Гианэя от его имени, была несомненная логика. Не было никакого смысла жертвовать собой и своими товарищами, если возможно было направить к Земле новые спутники с той же целью. Тогда, как сказал как-то Токарев, было логичнее явиться к людям и предупредить об опасности.

Правда, оставалось неясным, почему Рийагейя предпочел уничтожить себя и корабль. Он мог бы и в этом случае явиться к людям. Ведь корабль намеревался опуститься на Землю, что подтвердила и Гианэя.

Она стала гораздо откровеннее, но не до конца. О многом она умалчивала, а то, что становилось известным от нее, приходилось дополнять воображением.

Но можно было надеяться, что рано или поздно Гианэя все расскажет.

Как и раньше, было решено предоставить ей поступать как она хочет и не форсировать событий.

Гианэю окружали прежним вниманием и заботой.

Многих удивляло, что девушка иного мира нисколько не тяготится бездельем. Скоро два года, как Гианэя находится на Земле, она объездила весь земной шар, видела все и, по понятиям людей Земли, давно должна была испытать потребность в каком-то труде. Но никаких признаков того, что Гианэя чувствует такую потребность, не замечалось.

Было уже известно, что Гианэя очень молода. Мари-на получила наконец ответ на вопрос о возрасте гостьи из космоса. Гианэя сумела даже высчитать свои годы по-земному времени. Оказалось, что если считать по земным годам, то Гианэе всего только семнадцать лет.

Это отчасти объясняло очевидную привычку не трудиться. Гианэя еще не успела привыкнуть к труду.

На естественный вопрос, сколько лет живут, в среднем, ее соотечественники, последовал ответ, который очень многим показался невероятным. Гианэя назвала чудовищную цифру — 500. Выходило, что, по земным годам, ее соплеменники жили в шесть раз дольше людей Земли.

Причины такого долголетия, было ли так всегда или только в последние века, разумеется, очень интересовали ученых, но ответ Гианэи был прост и принес разочарование:

— Я не знаю, — сказала она.

Мало было надежды узнать то, чего не знала Гианэя. Где находится ее первоначальная родина, было ей неизвестно.

— Но там-то знают, куда улетели ваши корабли? — спросили Гианэю.

— Нет, — был более чем странный ответ.

Многое оставалось загадочным. И, по-видимому, навсегда. Если на родине Гианэи не знают о существовании Земли, не было никакой надежды на прилет оттуда космического корабля. В просторах вселенной случайное нахождение планеты, и притом той, которая была нужна, исключалось. Шансы на такую случайность были равны нулю.

Это огорчало и раздражало. Невольно хотелось, чтобы вместо Гианэи на Земле находился более осведомленный человек.

— Эх! — говорили ученые. — Если бы Рийагея был здесь!

Тогда, конечно, связь двух миров не оборвалась бы, как сейчас.

Но изменить или исправить ничего нельзя было. Так случилось, и с этим приходилось мириться.

Вековая мечта — установить, наконец, связь с другими обитаемыми мирами — грозила остаться на неопределенное время, как и раньше, мечтой.

— Хорошо, что хоть смотреть на эту представительницу иного разума приятно, — шутили на Земле. — Она могла оказаться уродом.

Но это было слабое утешение.

Прошло еще десять минут.

Уже несколько десятков человек с тревогой всматривались в море, ища биноклями исчезнувшую Гианэю. Муратов и Гарсиа уже получили прогулочный катер и готовились отправиться на розыски девушки.

— Вот она! — облегченно сказала Марина, первой заметившая беглянку.

Черный шлейф волос, колеблясь в такт движениям пловца, быстро приближался к берегу. Гианэя плыла в своем обычном стиле. В ней не чувствовалось утомления после почти полуторачасового заплыва. Зеленоватые руки равномерно и сильно рассекали воду.

А когда она вышла на берег, в огненно-оранжевом купальном костюме, никто не заметил и затрудненного дыхания. Гианэя выглядела совсем свежей.

— Ну можно ли так волновать нас! — сказала Марина.

Гианэя улыбнулась:

— Я далеко заплыла, — сказала она ровным и свободным голосом. — Хотела догнать белое судно. Но мне это не удалось. А потом я задумалась и забыла, что вы меня ждете. Простите!

Она опустила на мелкую гальку, вперемежку с песком покрывавшую пляж.

В этом движении так же не было заметно утомления.

— О чем же вы так задумались? — спросил Гарсиа.

Молодой инженер с особой симпатией относился к Гианэе. Эта симпатия очень походила на влюбленность, что, конечно, служило поводом частых шуток.

Гианэя повернулась к Муратову.

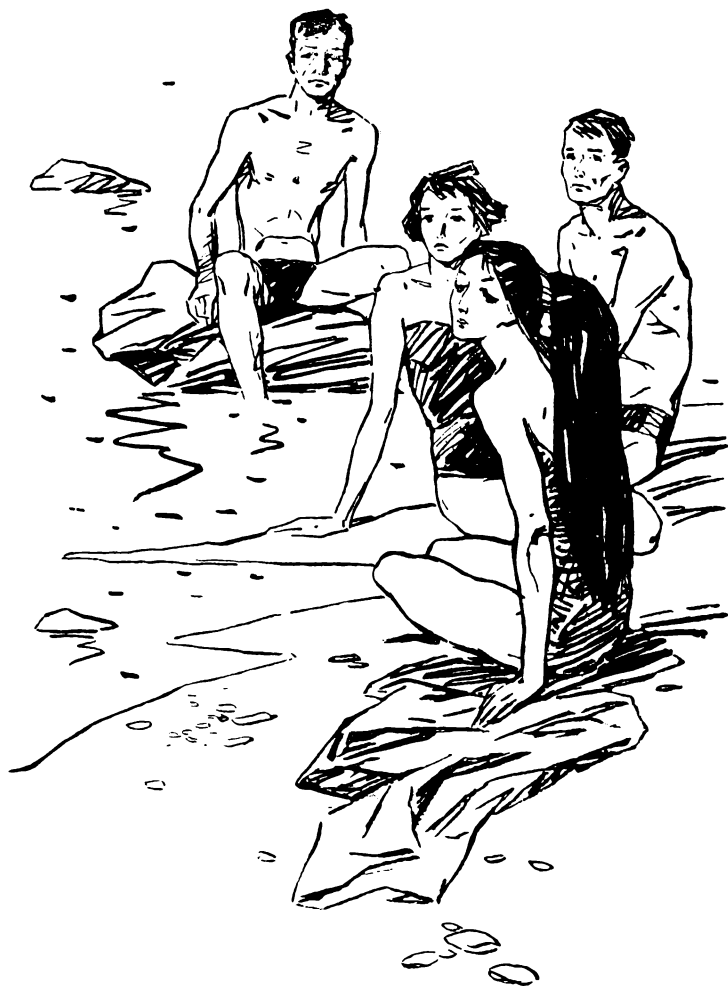
— Мне стало грустно, — сказала она, и Виктор сразу уловил в ее тоне новую нотку. Он посмотрел в ее глаза.

Нет, в них не было слез, но они чувствовались в ее словах. — Я вспомнила своих родителей, сестер, братьев. И так мучительно захотелось увидеть их.

Она не ответила на вопрос самому Гарсиа. Но он не обиделся. Все хорошо знали, что Гианэя, когда вопрос казался ей важным, всегда обращалась только к Муратову.

— Но этого никогда не будет, — прибавила Гианэя.

Она ничего не знала, бедная девочка!

— Боюсь, что это так, — мягко ответил Муратов. — Мы сделали бы все, чтобы дать вам возможность вернуться, но вы сами не знаете, где находится ваша вторая родина. Но, может быть, оттуда прилетит к нам еще один корабль.

— Он должен был прилететь, — неожиданно сказала Гианэя — Но в последний момент было решено не посылать его.

— Ваши люди могут еще передумать. Скажите, Гианэя, — Муратову хотелось отвлечь ее от тяжелых мыслей, — почему именно вы были выбраны на роль переводчицы? Разве только вы знали испанский язык?

— Его хорошо знает мой отец, — ответила Гианэя, — но он уже стар, чтобы вторично лететь на Землю. А я лучше всех училась у него.

— Ваш отец был у нас?

— Он участвовал в первом полете. Именно тогда была найдена ваша Земля.

— Они долго были на Земле?

— Точно не знаю, но, кажется, долго. Отец успел хорошо выучить язык.

— Когда это было?

Рауль и Марина насторожились, услышав этот вопрос, давно интересовавший всех. Ответит ли Гианэя?

— Вам покажется странным, — сказала Гианэя, — но я не знаю этого. Очень путается время в космических полетах. Во всяком случае, по вашему счету лет, это должно было произойти около полувека тому назад.

— Что? — Муратов в сильном волнении приподнялся. — Вы не ошибаетесь, Гианэя?

— Думаю, что не ошибаюсь. А что вас удивляет?

— Нет, ничего. Мы думали, что это было более давно.

Ответ Гианэи в одно мгновение разрушил все здание догадок и гипотез, построенное людьми. Казалось несомненным, что соотечественники Гианэи были на Земле в средние века. Трудно было допустить, что их никто не заметил в более позднее время. Полвека! Это означало, что чужой корабль опустился на Землю в последней четверти двадцатого века, в эпоху социализма и бурного расцвета космонавтики. Невероятно!

— Давайте разберемся, — сказал Муратов, стараясь скрыть от Гианэи возраставшее волнение. — Нам нечего делать, и можно заняться немного математикой. Сколько вам было лет, когда ваш отец улетел на Землю?

— Нисколько, — улыбнулась Гианэя. — Я еще не успела родиться.

Это затрудняло задачу.

— Ну хорошо, а сколько лет было ему самому?
— Не знаю.
— Но ваша мать, например, должна была помнить, сколько времени он отсутствовал.
— Наверное, она это помнит, но я ее никогда не спрашивала.

План Муратова рухнул.

И все же он не мог поверить ее словам. Полвека! Нет, Гианэя ошибается. Еще можно было верить в начало девятнадцатого века, но в конец двадцатого... Гианэю путает разница во времени для людей, находящихся на планете, и для тех, кто летит в космосе с субсветовой скоростью. Все дело в этом.

Но Гианэя могла ошибиться на век, на полтора века, никак не больше. Гипотезу о средних веках земной истории приходилось сдавать в архив.

Это меняло всю картину, составленную учеными Земли при непосредственном и активном участии самого Муратова.

«Да, очень, очень плохо, что вместо Гианэи, — думал он, — здесь нет самого Рийагейи. Откроется ли когда-нибудь истина, или она навеки останется неизвестной?»

Муратов так задумался, что не ответил на какой-то вопрос, заданный Гианэй.

Она повела плечом и повернулась к Марине.

— Смотрите, товарищи, — сказал Гарсиа, — к нам бежит Стоун.

— Бежит? — удивилась Марина.

Все обернулись.

Стоун действительно не шел, а бежал. Это было совсем на него не похоже. Видимо, что-то случилось.

Даже не поздоровавшись, что также было совсем на него не похоже, Стоун сказал задыхаясь:

— Переведите ей! Возле Земли появился космический корабль, и несомненно, этот корабль принадлежит ее соплеменникам.

8

Приближение к Земле невидимого корабля первыми обнаружили гравиметры лунных станций.

Уже одна только невидимость наводила на мысль, что этот корабль принадлежит тем, кто прилетел

полтора года назад. Да и не могло так случиться, что за короткое время Землю посетили обитатели двух разных планет. Это была бы чересчур невероятная случайность, после того как подобного посещения ни разу не произошло на протяжении тысячелетий, если не считать визита тех же соотечественников Гианэи.

Конечно, это были они.

Но зачем, с какой целью они явились так скоро?

План соплеменников Гианэи был совершенно ясен, и это давало возможность предвидеть дальнейшие их действия.

Прилет на Землю второго корабля был преждевременен.

Сколь ни мало времени действовали излучатели спутников-разведчиков, это излучение было поймано приборами, изучено и расшифровано. Оно было родственно радиации от ядерных взрывов, и влияние его на человеческий организм должно было привести к полному прекращению рождаемости. Человечество Земли должно было «естественно» вымереть.

На осуществление такого плана требовалось, как минимум, восемьдесят-девять лет. Только по истечении этого срока ожидался вторичный прилет.

Экипаж первого корабля был уничтожен Рийагейей. Оставшиеся на месте не могли знать, что план провалился.

Но вот они явились спустя всего полтора года.

Безусловно, они должны были думать, что установки на спутниках включены их товарищами с первого корабля. Что случилось в действительности, они не знали и не могли знать.

Зачем же они прилетели?

Было три объяснения.

Первое, самое неправдоподобное, заключалось в том, что корабль Рийагейи не вернулся. Неправдоподобным оно было потому, что экипаж корабля должен был провести какое-то время на Земле, что вытекало из факта участия в экспедиции переводчицы. Полтора года — это слишком небольшой срок, чтобы успеть преодолеть расстояние от Земли до любой из близких звезд, да еще провести на Земле хотя бы один месяц.

Второе, казавшееся более вероятным, подсказывало мысль, что появившийся корабль прилетел для про-

верки. И, наконец, что являлось самым неприятным, он мог прилететь с целью усилить действие спутников, ускорить его, обрушить на Землю новые, более мощные порции дьявольского излучения.

Последнее как будто опровергалось поступком Рий-агейи и тем, что сказала от его имени Гианэя. Но она могла и ошибиться.

И тут пришлось задуматься — как встречать незваных гостей?

Человечество Земли имело все нравственные права попросту уничтожить прилетевший корабль. Это было бы законным, как говорили в старину, актом самозащиты.

Сделать это было легко.

Но такое решение никому не пришло в голову.

Ученые и инженеры испытывали сильно досаждающее чувство разочарования: и база и спутники исчезли бесследно. Никто так и не узнал их устройства и принципов работы. А ведь это была техника иного мира, и, естественно, желание изучить ее было очень сильно.

Уничтожить и этот корабль! Это означало бы окончательно и навсегда отказаться от мысли познакомиться с этой техникой.

Научное любопытство — сильное чувство, и с ним трудно, почти невозможно бороться. Оно сделало человека тем, чем он был, оно всегда было свойством человека!

Уничтожить корабль! Нет, никогда! Только в крайнем случае, если не останется ничего другого.

Могучая техника Земли подсказала другой путь.

Стоило сделать попытку. Ну, а если она окончится неудачей, в любую минуту можно было развеять прилетевший корабль на атомы.

От момента его появления «в поле зрения» гравиметров и до принятия решения прошло немного времени. И через два часа Земля была уже готова к встрече в любом ее варианте.

Корабль «держали» лучи локаторов. Был уже известен его объем и размеры. Планета окуталась защитным слоем — антирадиационным излучением. Четыре звездолета уже приблизились к гостю и неотступно следовали за ним.

Все было готово.

Пришелец, обреченный и беспомощный, находился в полной власти людей Земли.

Знал ли об этом его экипаж? Они должны были заметить «почетный» эскорт и понять его смысл.

И сделать для себя выводы.

Что же они предпримут?

На Земле спокойно ждали. В Институте космонавтики, превращенном в штаб встречи, Ласло Сабо держал руку на кнопке. Одно нажатие — и, получив сигнал к атаке, четыре звездолета выпускают четыре смертоносных ракеты. Ничего не останется от пришельца.

Он вел себя очень странно.

Видимо, уже давно на нем были включены тормозные двигатели, корабль подлетал очень медленно. И все время замедлял движение — больше, чем это было нужно.

Наконец его скорость упала почти до нуля.

На Луну пришелец, очевидно, не думал опускаться. Чтобы выйти на круговую орбиту возле Земли, по примеру спутников-разведчиков, нужна была большая скорость. Опускаться на самую Землю так медленно казалось бессмысленным.

Создавалось такое впечатление, что командир корабля не знает, что ему делать.

Может быть, он увидел все и понял, что попал в ловушку. Тогда корабль мог внезапно повернуть обратно и исчезнуть в космосе.

Сабо твердо решил не допустить этого. «Живым» пришелец не уйдет от Земли!

Кому могло прийти в голову, что кораблем никто не управляет, что четыре существа, находившиеся в нем, даже не знают, что их путь окончен, что автоматы ждут команды, которую некому было им дать.

Самого пылкого воображения не хватило бы, чтобы заподозрить истину.

На Земле недоумевали.

Исполинский корабль — его длина достигала полукилометра — «топтался» возле Земли, бессмысленно тратил время и энергию. Никакого излучения с него не появлялось.

Но корабль не падал на Землю. Это свидетельствовало о работе тормозных установок. Вблизи такого огромного небесного тела, как Земля, удерживать на од-

ном месте такого гиганта стоило колоссального расхода энергии.

И как-то сама собой появилась мысль о новой трагедии. Экипаж корабля мертв.

Что же могло привести к такому финалу межзвездного полета? Второй Рийагейя?!

Срочно обратились к Гианэе. Она подтвердила свои слова, что второй корабль, точно такой же, как первый, действительно готовился к вылету, но потом было решено отправить один. Что могло изменить это решение, она не знает.

Теперь появились еще бóльшие основания осуществить намеченный план.

Но для этого следовало сперва убедиться, что приближение к кораблю безопасно, что на нем нет защитных установок, подобных тем, какие были на спутниках.

Звездолеты, сопровождавшие «гостя», получили указание произвести такую проверку.

Четыре робота-разведчика с разных сторон приблизились к пришельцу из космоса и беспрепятственно коснулись его поверхности.

Аннигиляции не произошло. Защитных установок на корабле не было!

На экранах в рубках управления звездолетов возникли неясные контуры того, что находилось внутри «гостя»...

И новая неожиданность!

Передача с одного из роботов, находившегося у средней части космического корабля, ясно показала, что внутри что-то движется.

Это «что-то» очень напоминало живые существа, напоминало людей!

Выходило, что предположение неверно, экипаж жив!

В Институте космонавтики окончательно стали в тупик. Что же означает нелепое поведение пришельцев? Нельзя же было допустить, что кораблем, совершившим межзвездный полет, управляют люди, не имеющие понятия о законах небесной механики, не отдающие себе отчета в своих действиях.

А получалось именно так!

Никаких колебаний не возникло.

Защитных установок нет, приближение вплотную к кораблю безопасно!

— Поможем им принять решение, — сказал Сабо.

С Земли вылетела та самая эскадрилья, которой когда-то руководил Муратов. Она была давно подготовлена, с целью превратить еще один астероид в научную космическую станцию. Тратить ее энергию на непредвиденную цель очень не хотелось, но другого выхода не было.

Мощи эскадрильи, которой хватило на изменение орбиты Гермеса, было более чем достаточно.

Корабли казались очень маленькими в сравнении с гигантским пришельцем, но их было восемь. С четырех сторон они подошли к «гостю», по два с каждой, и плотно прилипли к борту, невидимому даже с близкого расстояния, но хорошо различимому, как темный «провал» в космос, на фоне звезд.

Могучие магниты связали пришельца и корабли эскадрильи в одно целое.

Корабль был схвачен и не мог уже вырваться.

Сразу стало ясно, что двигатели пришельца противодействуют притяжению Земли.

Первая часть задуманной операции была выполнена, но встал вопрос, как поступать дальше?

Сила восьми звездолетов, вне всякого сомнения, могла справиться с силой двигателей гостя. Но что произойдет на Земле, после приземления?

Остановятся ли двигатели корабля гостей или будут продолжать так же бессмысленно работать?

Ведь все поведение «гостя» возле Земли было достаточно бессмысленным, чтобы такой вопрос не выглядел праздным.

Нельзя же было приковать корабль к ракетодому цепями. Да и какие цепи могли удерживать космический корабль таких исполинских размеров?

Командир эскадрильи сообщил о своих сомнениях в штаб операции.

Там не долго думали.

Автоматы гостей — а было ясно, что в данный момент кораблем управляют не люди, а именно автоматы — казались «разумными». Правда, соответствовавшие им земные аппараты были «умнее» и не допустили бы бесцельной траты энергии, но все же они действовали с какой-то логикой, если в них была заложена программа ожидать команды при подходе к планете.

Значит, «почувствовав» землю, они должны были остановить двигатели.

В этом смысле Сабо и ответил командиру эскадрильи.

Восемь кораблей перестроились. Зачем было противодействовать двигателям «гостя», если можно было их использовать.

Заодно людям Земли хотелось проверить, насколько «разумны» автоматы пришельцев.

Прилетевший корабль можно было вести к Земле кормой вперед. Тогда его двигатели, если они будут работать по-прежнему, не помешают, а, наоборот, помогут. Ну, а если они начнут работать в противоположном направлении, тогда придется применить силу, хотя и жаль было тратить столько энергии.

Оказалось, что «разум» на корабле гостей более совершенен, чем предполагали.

Едва началась буксировка, двигатели гостя перестали работать совсем. Центральный агрегат, видимо, почувствовал и «понял», что корабль управляется извне.

А может быть, и ничего не понял, но такая посадка была обычной.

Учитывая чудовищные размеры корабля, это было вполне возможно.

Как бы там ни было, это не имело уже большого значения; «гость» не противился, и через полтора часа на освобожденном от всех ракет пиренейском ракетодrome опустились восемь кораблей эскадрильи.

Между ними находилось что-то похожее на призрак.

Исполинское тело закрывало все, что находилось за ним, но было абсолютно невидимо, казалось непрозрачной пустотой.

Люди Земли впервые наблюдали подобное зрелище.

Пришельца встречали только работники космической службы. Элементарная осторожность заставила объявить ракетодром закрытым для посторонних.

Исключение было сделано только для двух человек — Муратова и Гианзи.

Вспомогательные корабли отделились и отлетели к краю ракетодрома.

Гость остался один.

Его надо было сделать видимым. «Призрак» во многих отношениях был очень неудобен.

Никто не выходил из корабля. Акустические аппараты не воспринимали никаких звуков внутри него. Автоматы телерентгены, сразу подошедшие к нему, не обнаружили никакого движения.

Но ведь на экранах эскадрильи движение видели. Почему же оно теперь прекратилось?

Те, кто находился внутри космического пришельца, словно затаились.

Люди Земли не боялись никаких угроз. Здесь, на Земле, корабль гостей не мог причинить большого вреда: он находился в полной власти хозяев планеты.

Но отсутствие движения невольно наводило на мысль о какой-то угрозе.

Экипаж корабля должен понимать, что попал в плен. Как поступит командир?

Если он вздумает подняться и улететь, — это не спасет. Четыре звездолета эскорта не опустились на землю, они ожидали высоко в небе, над ракетодромом, пристально наблюдая за гостем. При попытке к бегству корабль будет тут же уничтожен.

Люди тщетно старались догадаться, что происходит сейчас внутри корабля.

Как и раньше, никто, в том числе и Гианэя, не мог даже заподозрить истинное положение вещей.

9

Мериго и его три товарища не заметили и не почувствовали замедления полета. Они не знали, что происходит с их кораблем, не подозревали, что долгий мучительный путь закончен, что они благополучно достигли цели.

Безумная попытка, на которую никогда не смог бы решиться технически и научно грамотный человек, увенчалась успехом благодаря целому ряду случайностей. Но и этого они не знали.

Случайностью было, что четверо остались вообще живы. Наивные, они были уверены, что путь до другой планеты короток. И если бы звездолеты «ненавистных» не служили им складом продовольствия, если бы на этом корабле, готовившемся лететь вслед за первым, произвели выгрузку, четверо умерли бы от голода.

Если бы с корабля, когда было решено отменить его полет, убрали воду, приготовленную для бассейнов, четверо умерли бы от жажды.

Если бы вспыхнули тревожные сигналы малейшей неисправности в агрегате управления, четверо не смогли бы ничего исправить, не поняли бы даже значения этих сигналов и навсегда остались бы в космосе.

И много других «если бы» подстерегало их в пути.

Четверо совершили космический полет, который безусловно был единственным и неповторимым в истории любой планеты.

Они могли бы гордиться, но для этого надо было понять значение их подвига. А они ничего не понимали и даже не думали о том, что совершили подвиг — мужества, самоотверженности и человеколюбия.

Они не знали, что путь окончен. И, ощутив небольшой толчок при посадке, не поняли значения этого толчка.

Сила тяжести на корабле за все время полета оставалась обычной. Никакого изменения веса они не почувствовали и сейчас.

Ничто не могло указать им, что корабль больше не летит, а неподвижно стоит на планете.

И они долго находились бы в этом заблуждении, безроютно, до тех пор, пока люди Земли сами не явились бы к ним.

Но «ненавистные» позаботились о них сами.

Неожиданно для четверых словно исчезли вдруг стены центрального помещения, где они находились. Открылась непонятная и удивительная картина.

Они ожидали увидеть на планете, куда летели, густые леса, хижины обитателей, мир, подобный их собственному.

Корабль стоял среди огромного поля, лишенного растительности и странно гладкого, как горное плато. На горизонте поднимались причудливые здания, отдаленно напоминавшие четверым постройки, возведенные «ненавистными» на их планете. Какие-то машины приближались со всех сторон. Они также походили на машины «ненавистных», но были иной формы.

В машинах виднелись люди. Их можно было хорошо рассмотреть.

Четверо в отчаянии упали на пол.

«Ненавистные»!..

Корабль доставил их не туда, куда они стремились. Он оказался на планете «ненавистных», на их родине! Все погибло, все планы рухнули!

Четверо лежали не двигаясь, покорившиеся своей участи, примирившиеся с роковой неудачей. Пусть входят и делают что хотят.

Для четверых жизнь не имела больше никакой цены.

Первым пришел в себя Вего, самый старший из четверых.

— Нам надо уничтожить содержимое желтого ящика, — сказал он, — пока «ненавистные» не явились сюда. Они обманули нас. Корабль должен был лететь совсем не туда, куда улетел первый. Но здесь ничего не знают. Молчите же, что бы с вами ни сделали.

— Мы будем молчать, что бы с нами ни сделали, — ответили ему трое.

Окраска невидимого корпуса в серый цвет не заняла много времени. Мощные pulverизаторы справились за полчаса.

Колоссальное тело космического исполина пятисотметровой длины возвышалось перед глазами людей, как гора. Оно было продольно ребристое, с утолщениями на обоих концах. Не видно было ничего, что можно принять за дюзы. Видимо, корабль был не реактивный.

— Это тот самый, — сказала Гианэя, — который должен был лететь вслед за нами. Но его решили не посылать. Странно! Зачем он здесь?

— Ваш был такой же? — спросил Муратов.

— Оба совершенно одинаковы.

Больше часа терпеливо ждали. Но из корабля никто не показывался.

— Вход можно открыть снаружи? — спросил Стоун.

— Да.

Обе фразы перевел Муратов.

— Надо войти самим, — предложил Сабо. — Возможно, что экипаж корабля нуждается в помощи.

— Откроем вход, — сказал Метьюз, — и подождем. Состав воздуха внутри корабля может все же отличаться от земного. Надо произвести дезинфекцию.

— Разумеется, — согласился Стоун. — Но можно ли открыть обе двери? Ведь там наверняка есть выходная камера.

Гианэя подтвердила, что выходная камера действительно существует и обе двери, наружная и внутренняя, не могут быть открытыми одновременно.

— Но защита, — прибавила она, — автоматическая. — Ни в корабль, ни из него не может проникнуть ничто вредное. При входе и выходе производится обезвреживание. Вы можете не опасаться. Воздух внутри ничем не отличается от вашего.

— Как же быть? — спросил Метьюз.

Слова Гианэи никого не убедили.

— Можно впустить в корабль роботов-дезинфекторов, — сказал Стоун. — Но их надо много. Придется долго ждать, пока их сюда доставят.

— На космических кораблях воздух обычно дистиллированный, — заметил Лещинский.

— Да, но у нас нет уверенности, что у них тоже так.

Положение казалось затруднительным. Войти в корабль, даже в скафандрах, полагаясь на защиту, о которой говорила Гианэя, было рискованно. Микробы в атмосфере корабля могли оказаться опасными для людей. Кто знает, поможет ли вторичная обработка при выходе. Стоило очутиться в атмосфере Земли хотя бы единичным микробам чужой планеты, и дело могло закончиться эпидемией неизвестной болезни.

Но тем, кто находился внутри корабля, опасность не угрожала. Доказательством этого служила Гианэя — она ничем не заболела на Земле.

Но они не могли этого знать. И, может быть, именно потому и не выходили.

— Производят анализ нашей атмосферы, — предположил Муратов. — Это может продлиться очень долго. Остается одно. Надо показать им Гианэю. Они, конечно, видят, что происходит снаружи. Пусть Гианэя напишет на большом листе крупными буквами: «Выходите! Опасности нет!» — и подойдет с этим листом близко к иллюминаторам. Наверное, она знает, где они расположены.

Мысль Муратова понравилась.

— Предложите ей это, — сказал Стоун.

Гианэя сразу и, видимо, охотно согласилась.

Кто-то отправился в космопорт за листом и красками.

— Но их выход, — сказал Сабо, — тоже опасен для нас, если дезинфекция выходной камеры несовершенна.

— Трудно допустить, — ответил ему Стоун. — Судя по кораблю, техника на высоком уровне. Они умеют с ней обращаться. В этом разница.

— У нас нет иллюминаторов, — сказала Гианэя, обращаясь к Муратову. — Наружные объективы передают изображение на внутренние экраны. Вроде ваших телевизоров.

— Вам придется писать очень крупно, — сказал Гарсиа. — И подойти вплотную. Экипаж может находиться в середине корабля, а это далеко от борта. Или экраны могут приближать наружные объекты?

— Они дают естественное изображение, — ответила Гианэя. — Но я подойду к передней части, к пульту управления. Там должен кто-нибудь находиться.

— Где находится вход, — спросил Стоун, — с какой стороны?

— С левой, обращенной сейчас к нам.

Неожиданно ее слова получили практическое подтверждение.

Все увидели, как в борту звездолета образовалось отверстие. Сверкнув на солнце, упала металлическая лестница.

Она была отчетливо видна. И стало очевидным, что свойством невидимости обладал только материал наружной обшивки.

Группа людей находилась далеко от корабля. Увидев, что экипаж решил выйти, все кинулись к вечемобилям.

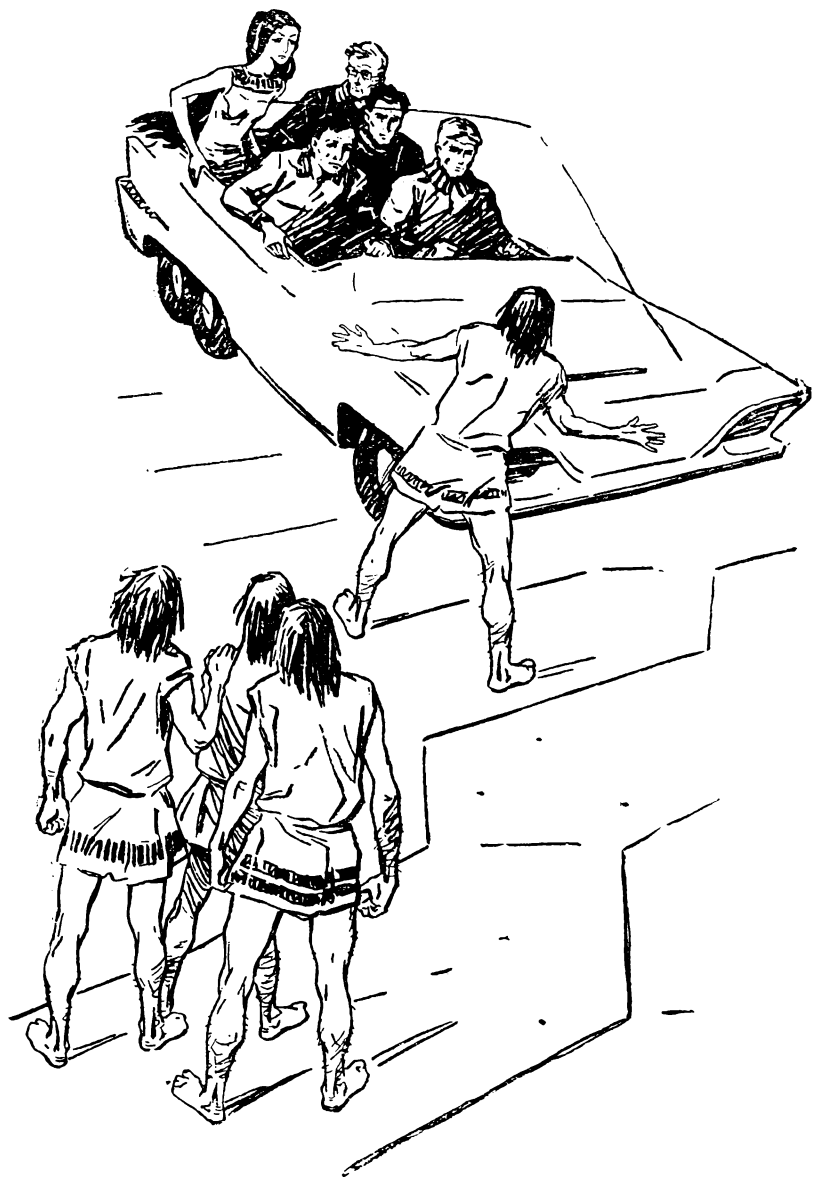
Ни у кого не возникла мысль об опасности. Враждебные акты были бессмысленны в том положении, в котором находились гости.

Машины помчались полным ходом, и в несколько секунд одолели четыреста метров.

Экипаж корабля действительно вышел. Он состоял всего из четырех человек. Но, может быть, остальные остались?

Внезапно Гианэя вскрикнула. Обернувшийся Муратов увидел на ее лице величайшее удивление.

Но удивиться пришлось не только Гианэе, но и всем.

Космическим кораблям соплеменников Гианэи суждено было каждый раз приносить сюрпризы. Из первого явилась Гианэя, в золотом платье, одетая отнюдь не по-космически. А сейчас...

Четыре маленькие фигурки стояли у трапа.

Они были одеты даже не странно, а просто нелепо. Короткие рубашки, перетянутые поясом, даже не достигали колен. Ноги и руки были обнажены и покрыты густыми волосами. На ногах не было обуви. Головы также заросли волосами, густыми и спутанными. У всех были длинные бороды.

Все четверо были приземисты и коренасты, ростом метра в полтора, не больше. Они стояли тесно прижавшись друг к другу и казались очень испуганными. Черты их лиц были человеческими, но сильно отличались не только от земных лиц, но и от лица Гианэи. Не было никакого зеленого оттенка, глаза были совершенно круглые, без бровей и ресниц, носы приплюснуты. Узкие губы открывали желтоватые десны и два ряда мелких зубов, тоже желтого оттенка.

Пассажиры вечемобиля молча рассматривали удивительных космонавтов. Никто ничего не понимал.

— В чем дело? — спросил наконец Муратов. — Это не ваши люди, Гианэя?

Она молчала, не спуская глаз с прилетевших. Потом вздрогнула, и ее глаза сверкнули.

— Мериго! — сказала она, изумленно и растерянно.

Тот, очевидно, услышал. Поднял голову и увидел Гианэю.

В следующую секунду он стремительно кинулся к вечемобилю.

— Убейте ее! — вскричал он, к удивлению всех, на почти правильном испанском языке. — Ее и всех! Это враги, прилетевшие мучить вас!

У него был такой вид, что он намеревается сам тут же задушить Гианэю.

Она не шевельнулась. Все бывшие в машине невольно посмотрели на нее, и все увидели, как губы Гианэи искривились улыбкой невыразимого презрения. Ее прищуренные глаза только секунду смотрели на космонавта. Потом она пренебрежительно отвернулась.

— Так! — сказал Стоун. — Очень интересно!

Гарсиа уже успел перевести ему слова прилетевшего.

— Успокойтесь, мой друг — ласково сказал Муратов. — Зачем нам убивать нашу гостью? Она одна и не может ничем мучить нас.

— Почему одна? — Незнакомец говорил уже спокойно. — Их сорок три. — Он прибавил какое-то слово, видимо на своем языке, с глубокой, очевидной ненавистью.

— Их было сорок три, — ответил Муратов, догадавшийся уже, о чем говорит странный незнакомец. — Но сорок два погибли. Она одна осталась в живых.

— Вы уверены?

— Совершенно уверены. Это так! У вас нет причин беспокоиться.

— Вы знаете, что они хотели сделать с вами?

— Конечно, знаем. Но нам никто не может причинить зла. Скажите лучше, откуда вы прилетели? Сколько вас?

— Нас четверо. Мы прилетели с нашей родины.

— Где она находится?

— Там! — незнакомец показал на небо.

— Сколько времени вы летели? По вашему счету лет.

— Не понял.

— Долго вы летели?

— Очень долго. Мы думали, что никогда не достигнем цели.

— Кто из вас старший? Кто управлял кораблем?

— Старший Вего. А кораблем никто не управлял. Мы не умеем этого делать.

— Что?!

Муратов повернулся к Стоуну и вкратце передал ему содержание разговора.

— Я ничего не понимаю, — закончил он.

— Да, трудно понять. На космонавтов они, во всяком случае, совсем не похожи. Загадка.

Серебристый смех Гианэи прервал его слова.

— Они, — Гианэя пренебрежительно, через плечо, указала на пришельцев, — украли корабль. И полетели на нем, сами не зная куда. Удивительно, что они остались живы!

— Из его слов получается не совсем так, — ответил Метьюз. — Видимо, у них была цель. Но как удалось им достигнуть Земли, не умея управлять кораблем?

— Потому, что осталась прежняя программа полета. Этот корабль должен был лететь за нами.

— Ну вот и все ясно, — сказал Стоун, выслушав перевод. — Звездолетом управлял электронный мозг. И возле Земли он ожидал указаний, которых не последовало. Удивительный и беспримерный случай! С их стороны это безумная смелость — пуститься в такой полет.

Муратов снова обратился к «космонавту».

— Вы слышали, что сказала эта девушка? — спросил он.

— Слышал.

— Вы действительно взяли чужой корабль?

— Теперь он наш.

Гианэя повернулась к пришельцу. Она немного наклонилась к нему и что-то спросила на своем языке.

Круглые глаза блеснули свирепой радостью. Пришелец произнес длинную фразу.

Гианэя страшно побледнела.

Несколько секунд она смотрела в лицо Мериго широко открытыми глазами. Потом со стоном закрыла их и внезапно без чувств упала к ногам Метьюза, не успевшего подхватить ее.

10

Казалось, не было больше ни одной загадки. Все стало ясным.

Инженеры Земли легко разобрались в конструкции звездолета и его двигателей, работавших на принципе взаимодействия гравитонных и антигравитонных полей. Техника Земли уже подходила к решению подобной задачи, и для «открытий» оказалось мало материала.

Это никого не удивило. Судя по оборудованию звездолета, развитие техники на родине Гианэи находилось примерно на том же уровне, что и техника Земли.

Путь, проделанный кораблем, заключенный в программе электронного мозга, расшифровали даже без помощи Гианэи. И на звездных картах поместили звезду — солнце планеты, откуда прилетели четверо.

Они были в пути почти семь лет по земному времени. Скорость была велика, и на родине «звездоплавателей» прошло в несколько раз большее время.

Не составляло никакой трудности отправить четверых обратно. В программу легко было внести приказ совершить посадку.

Но ученые Земли решили иначе. Они не хотели упускать счастливого случая.

Четверым сообщили, что они могут вернуться. И прибавили, что они полетят не одни, что с ними отправятся люди Земли. Путь покажется гораздо короче, не придется больше мучиться семь лет. Анабиозные ванны были в полной исправности. Семь лет пролетят, как один месяц.

Законы относительности были недоступны пониманию Мериго и его спутников. И они не поверили, что, вернувшись, не застанут тех, кого оставили. Но лететь обратно на родину согласились с радостью.

— Мы были уверены, что навсегда останемся здесь, — сказал Мериго, единственный из четверых, с кем можно было свободно разговаривать.

Трое других могли с трудом произносить всего несколько испанских фраз. Правда, и с ними могли говорить те, кто владел языком Гианэи.

— Вы говорите, что мы не увидим больше своих родных, — прибавил Мериго. — Мы уже свыклись с этой мыслью. И простились с ними навсегда, когда покидали родину.

Величие самоотверженного подвига четверых восхищало землян. Оно только подчеркивалось тем, что сами четверо не сознавали, что совершили. И хотя их поступок был совершенно не нужен, люди готовы были на все, чтобы отблагодарить четверых за их доброе намерение.

Присутствие на Земле Гианэи доказало Мериго и его друзьям, что они прилетели именно туда, куда стремились. Но поверить этому было все же очень трудно. Слишком не похожа была эта планета на то, что они ожидали увидеть.

Тогда, на корабле, они скоро поняли, что первое впечатление обмануло их, что люди, находившиеся возле корабля, не «ненавистные», а только похожие на них. И, поняв это, они вышли из корабля.

И все, что их окружало, самый прием, который им оказали, внимание к ним быстро убедили их, что они среди друзей, не менее могущественных, чем «ненавистные», даже более могущественных.

Инстинкт не обманул — это были братья.

Четверо освоились удивительно быстро.

Мериго и его товарищи родились под властью «ненавистных».

Они с детства прошли школу «ненавистных», которым не нужны были «дикие» и необразованные слуги и рабочие.

Между Мериго и его предками, не знавшими еще нашествия пришельцев из космоса, была уже огромная разница в развитии.

Это стало вполне ясно, когда Мериго рассказал обо всем, что произошло на его родине.

Его рассказ слушали с исключительным вниманием, но и с ужасом. Свирепая колонизация мирного острова, грубый захват чужой земли, жестокость поработителей — все это напоминало о худших временах эпохи колониализма на Земле.

И кто осуществлял насилие? Люди, владевшие высочайшей техникой, существа, свободно перелетавшие в одной планеты на другую!

Это казалось немыслимым, невозможным, но это было фактом!

— Здесь что-то не то! — сказала все та же Марлен Фрезер. — Ни Гианэя, ни Мериго не знают всех причин. Насилие одного человечества над другим абсолютно невозможно на том уровне, на котором стоит человечество Гианэи. Это исключено. Видимо, здесь проявилась злая воля сравнительно небольшой группы. Не следует делать поспешных выводов и судить обо всем народе Гианэи по поведению такой небольшой группы, оторванной от своего человечества. Мне кажется, Первенцев прав: мы столкнулись с высокоразумными существами, стоящими на тех же позициях, на которых стояли американские капиталисты в середине двадцатого века, готовившие гибель человечества в термоядерной войне. Моральный уровень один и тот же. В данном случае это были конквистадоры, не более, направившиеся на поиски новых планет и ожесточившиеся в разлуке с родиной. А может быть, у этих людей с самого начала

не было уже ничего общего с их народом в целом. Это могли быть люди, изгнанные со своей планеты. Но даже среди них, что мы видим на примере Рийагейи, появились уже прогрессивные веяния.

Гианэя не знала, где находится первоначальная родина. Тем более этого не знали четверо. Но можно было надеяться, что в архивах «ненавистных» остались указания. Мериго говорил, что, уничтожив пришельцев, его соплеменники не тронули ничего, что принадлежало «ненавистным».

Неожиданно представившаяся возможность завязать сношения с двумя человечествами иных планет не могла быть упущена. И люди деятельно готовились к первому этапу — полету на родину четверых.

Лететь должны были три корабля: тот, на котором прилетели четверо, и два, спешно строившихся на Земле.

Старт был намечен ровно через год.

Гианэя почему-то не любила радиофонов. И Муратов несколько не удивился, получив от нее письмо, хотя она и жила сейчас в том же городе, что и он.

В этом письме Гианэя просила Виктора прийти к ней сегодня вечером.

Она и раньше часто приглашала его, и в этом также не было ничего необычного.

Тогда, после неожиданного обморока, Гианэя сразу покинула Пиренейский полуостров. С тех пор Муратов ее не видел, да и прошло только полторы недели.

Причина обморока стала ясна после рассказа Мериго. Погибли все, кого знала Гианэя, в том числе ее родители, братья и сестры.

Люди Земли жалели Гианэю, но оправдывали образ действий народа четверых. Жестокое насилие требовало отомщения, нельзя было ожидать великодушия от столь долго угнетаемого народа. Расправа справедлива и была вызвана самими «ненавистными». Само это название говорило о многом.

Но горю Гианэи все сочувствовали. Гостью любили, в ней было много хорошего. Теперь ясно было, что Гианэя испорчена воспитанием, жизнью с момента рождения среди убежденных колонизаторов. Очевидное

влияние на Гианэю личности Рийагейи доказывало, что в этой девушке существует бессознательное стремление к благородству и справедливости. И было ясно, что она сильно изменилась за полтора года, живя в коммунистическом обществе Земли.

Мериго требовал смерти Гианэи. Он настойчиво просил, чтобы «ненавистную» отдали ему и его трем товарищам, очевидно для расправы. Приговор был вынесен его народом, и он видел свой долг в том, чтобы выполнить этот приговор.

Люди не согласились с таким требованием. Мериго рассказали о поступке Рийагейи, постарались убедить четверых, что Гианэя больше не враг.

Они настаивали на своем.

Гианэя была нужна, ее хотели убедить лететь на родину четверых, где она родилась, и помочь найти путь к настоящей родине — планете, которую она не знала.

В споре с Мериго людьми руководили иные чувства, но и этих соображений было достаточно, чтобы не отдавать ее Мериго.

Ему сказали и об этом. И снова он не согласился: ненависть была сильнее голоса разума.

Обе стороны так и остались при своем мнении.

За безопасность Гианэи на планете четверых не беспокоились, ее сумеют защитить в любом случае, но в согласии гости многие сомневались.

Муратов решил выяснить этот вопрос, воспользовавшись приглашением Гианэи.

Он пришел точно в назначенное ею время.

Гианэя была одна.

Первое, что бросилось в глаза Муратову, была необычная одежда девушки. На ней снова оказалось золотое платье, в котором она впервые явилась людям на Гермесе.

Он увидел небольшой столик, сервированный на двоих. Два бокала были наполнены золотистым напитком.

Марины не было, и, видимо, Гианэя и не ждала ее прихода.

— Я попросила ее оставить меня одну на весь вечер, — ответила Гианэя на вопрос Виктора. — О том, что вы придете, она не знала.

Он не спросил ее о причине.

Гианэя жестом пригласила его сесть напротив нее. И Муратов вдруг почувствовал, что предстоящий разговор будет необычным.

— Вот, — сказала Гианэя, протягивая ему два толстых альбома. — Здесь мои рисунки, относящиеся к пла-

нете, откуда я прилетела к вам. Возьмите их и передайте тем, кто полетит туда. Пусть они узнают, как выглядит природа и люди этой планеты.

— Значит, вы сами не полетите? — спросил Муратов.

— Нет, — со странным ожесточением ответила Гианэя, — я навсегда останусь здесь.

— Может быть, вы перемените решение, если узнаете, что мы собираемся отыскать путь на вашу первую родину?

— Что в ней? Я ее никогда не видала, не знаю и буду там чужой. Рийагейя говорил, что на родине все изменилось, все стало другим.

— Он был там?

— Нет. Но Рийагейя все знал. Он был большой ученый. Я рада теперь, что он умер.

Муратов положил руку на руку Гианэи, лежавшую на столе. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Поверьте, — сказал он, — меня очень огорчает ваше несчастье. Всей душой я сочувствую вам.

Глаза Гианэи блеснули ненавистью.

— Не смейте говорить так, — сказала она резко. — Вы оправдали зверскую расправу этих дикарей. Вы не казнили их. Впрочем, — Гианэя неожиданно рассмеялась. Муратов содрогнулся — сколько затаенной боли было в этом смехе, — вы не казнили и меня, хотя имели все основания это сделать. Отправляя меня на астероид, Рийагейя был уверен, что я иду на смерть.

— Он?

— Что же вас удивляет? Мы не знали, какими стали люди Земли. Книги, привезенные первыми, кто посетил вас, говорили о другом. Я все их прочла.

— Но если Рийагейя был уверен, что вы идете на смерть, то зачем же он посадил вас на Гермесе?

— Потому, что не мог убить своей рукой. — Гианэя наклонилась в сторону Муратова. Ее глаза затуманились, и она долго молчала, видимо вспоминая прошлое. Потом заговорила отрывисто, не думая о связи своих слов, часто непонятно: — Все спали. Рийагейя не будил экипаж, хотя было давно пора. Он очень мучился. Жалость, но не колебания. Он решил твердо. Второй корабль не летел за нами. И не было третьего. Прошло бы много времени. Он разбудил меня. Я еще ничего не

подозревала. Не думала. И он сказал мне. Никогда не забуду его лица. Нет, я его не отговаривала. Я понимала, что это бесполезно. Его убеждения были всем известны. И он сказал мне, что остальные члены экипажа решили казнить его, как только корабль опустится на Землю. Они ему не доверяли. Он просил меня уйти. Уйти? Мне стало смешно. Куда можно уйти с корабля в космосе. Мы долго летели, совершая круги. Я смотрела на него, спокойного, решившегося бесповоротно. Я знала, что если он не найдет того, что ищет, он все равно выполнит то, что решил. Но ему очень трудно было убить меня. Я давно знала, что Рийагейя любит меня как дочь. Он не мог убить меня своей рукой. Не мог. И сам же послал на смерть. Он был уверен. Мне пришлось подчиниться. Он сказал мне: «Я знаю, что спасаю человечество Лиа. Но не надо, чтобы они знали об этом. Молчи, если останешься живой. Молчи и перед лицом смерти». Я обещала молчать. В тот момент я готова была исполнить любое его желание. Последнее перед страшной смертью.

Она закрыла глаза рукой.

— Вы любили его? — спросил Муратов после долгого молчания.

— Не знаю. Я была слишком молода. А сейчас я стара. Я старше всех. Ведь никого не осталось из моих современников. Всех убили эти... — она низко опустила голову, Муратов знал, чтобы скрыть слезы.

Всеми чувствами Муратов был на стороне Мериго и его народа. Но в этот момент он понял, что можно ненавидеть тех, кому сочувствуешь. Его наполняла острая жалость к Гианэе, ни в чем не повинной, несущей на себе последствия поведения других, в среде которых родилась.

— Вы очень похожи на него, Виктор, — сказала Гианэя, — потому я попросила вас прийти сегодня.

— Я рад, если могу хоть этим облегчить ваше горе, — ответил он.

То, что она рассказала, побуждало его задать ей много вопросов, но он понимал, что они будут неуместны. Пусть говорит сама.

Гианэя подняла голову. Слез не было в ее глазах, она улыбалась даже, но он знал, что это только маска.

— Вы хотите что-то спросить у меня?

— Если вы не возражаете.

— Спрашивайте.

— Почему Рийагейя был так непоследователен? Из ваших слов ясно, что он понимал: люди Земли ушли вперед, они не такие, как прежде. Почему же он думал, что вы идете на смерть?

— Объяснение этому надо искать в нашей истории, — ответила Гианэя совсем спокойно. — Когда-нибудь вы ее узнаете. Я верю, что вы достигнете нашей родины. Ваше развитие шло быстрее, чем это было у нас, и даже Рийагейя не предвидел этого. Я поняла это на Земле. Я не буду рассказывать, Виктор. Сейчас я не могу это сделать. Я так же, как Рийагейя, была убеждена, что люди Земли убьют меня. И, отправляясь на астероид, оделась на смерть.

— Значит, это платье?..

— Погребальный наряд. В золотой цвет одевают умерших и осужденных на смерть.

— Зачем же вы надели его сегодня?

— Я хороню свою молодость.

Ему почудилось, что она говорит неискренне. Неясная тревога медленно поднималась в нем.

Он заставил себя непринужденно улыбнуться.

— Но, оказавшись среди нас, вы поняли, что вам ничто не грозит?

— Не сразу. Слишком сильны были понятия, привитые с детства, и отчасти влияние прочитанного о Земле. Может быть, книги были неудачно выбраны. Не знаю. Когда вы перенесли меня на свой корабль, я подумала: «Странное совпадение».

— В чем?

— У нас есть обычай. Когда мужчина берет себе жену, он переносит ее в свой дом на руках. Я подумала: «Рийагейя мог бы это сделать для жизни, а этот, столь похожий на него лицом, делает то же, но для смерти». — Она замолчала, потом сказала: — Мне самой странно теперь, но я была уверена в смерти на Земле. И готовилась спуститься с вашего корабля прямо на костер. Меня пугала такая смерть.

— Почему на костер?

— У нас такая казнь. И я читала, что на Земле тоже была такая. Потом я поняла, что даже Рийагейя ошибся; вы лучше нас, ваша жизнь светла и прекрасна,

что я должна закончить начатое Рийагейей, что он освободил бы меня от данного слова, если бы знал. — Взгляд Гианэи остановился на часах, стоявших в углу комнаты. Муратов навсегда запомнил, что они показывали ровно десять. — Поздно, пора кончать нашу беседу, — Гианэя протянула руку и взяла свой бокал. Муратов не шевельнулся. — Я пью, Виктор, за вашу родину, за ее счастливую жизнь. Одно время я думала, что она станет и моей третьей родиной.

— А разве это не так?

— Нет. Между мною и вами легла пропасть. Может быть, я рассуждаю неверно и вы правы. Но я ничего не могу поделать с собой. Я боролась, Виктор, иначе я позвала бы вас раньше. Простите меня.

Тревога и смутное подозрение превратились в уверенность. Муратов отчетливо понял, что должно сейчас произойти, что означает золотое платье Гианэи.

Он вскочил, опрокидывая кресло.

— Остановитесь!

Его рука, протянувшаяся, чтобы схватить руку Гианэи, опоздала на долю секунды.

Гианэя проглотила содержимое бокала.

ЭПИЛОГ

На веранде, увитой зеленью, за небольшим столиком сидели два человека.

Одним из них был Виктор Муратов.

Другой, гораздо выше его ростом, с сильным зеленым оттенком кожи, с очень узкими, точно прищуренными, глазами, явно был соотечественником Гианэи. Иногда его глаза раскрывались. Они были огромны, темны и глубоки.

Разговор шел на языке Гианэи. Муратов уже совершенно свободно владел им.

— Жаль, что мы опоздали, — говорил человек с узкими глазами. — На кораблях нашей конструкции путь был бы во много раз короче. Конечно, в смысле времени, а не расстояния.

— Экспедицию уже не вернешь, — сказал Муратов. — Но вы сами говорили, Вийайа, что можно перегнать ее и оказаться на планете раньше. Можно себе представить, как удивятся наши товарищи.

Он улыбнулся, позволив себе эту шутку. Чувство неловкости не покидало его.

Странные глаза Вийайи остановились на его лице.

— Почему вы стесняетесь меня? — спросил он. — И не только вы. И почему не хотите обращаться ко мне на «ты»? У нас давно уже нет другого обращения. Все люди — братья.

— Нас приучила к этому Гианэя, — ответил Муратов. — До вашего прилета мы не знали местоимения «ты» на вашем языке.

— Но теперь вы это знаете.

Муратов смущенно молчал. Он мог бы многое сказать своему собеседнику, но понимал, что для Вийайи его объяснение покажется бессмысленным.

Посещение Вийайи было неожиданным для Муратова. Он знал, что все, прилетевшие на удивительном корабле, испытывают к нему особую симпатию, и понимал, отчего она возникла. Это было все то же сходство Муратова с ними, то, что притягивало к нему Гианэю. Приди к нему кто-нибудь другой, Муратов бы не смущился, но Вийайа...

Гости были уже больше месяца на Земле. Давно уже выяснились причины их прилета, стали известны имена и биографии космонавтов, история их родины. Люди Земли знали не только то, где находится планета, но и как она выглядит. Космонавты привезли с собой все, чтобы как можно полнее и подробнее рассказать о себе.

И люди знали, что Вийайа, даже на той планете, далеко опередившей Землю в науке и технике, считался величайшим ученым. С земной точки зрения, он был гением в самом полном значении этого слова.

Он был еще далеко не стар, даже скорее молод.

Муратову было сейчас около сорока лет. Это составляло почти половину средней продолжительности жизни. Вийайе, по земному счету, — немного больше ста. Но для людей, живших в среднем пятьсот лет, это составляло всего пятую часть.

Если ученые Земли за свою жизнь успевали накопить большие знания, то можно было себе представить, сколько успевали узнать соотечественники Вийайи.

И даже среди них Вийайа выделялся. Не удивительно, что, сознавая разделяющую их пропасть, Муратов чувствовал смущение в обществе такого человека.

Но Вийайа не понимал его состояния.

— Я пришел провести с тобой вечер, — сказал он, сам переходя на «ты» и, очевидно, ожидал того же от Муратова. — Неужели ты хочешь, чтобы я пожалел об этом?

— Пусть будет по-твоему, — ответил Муратов.

— Наконец-то! Мы все полюбили тебя, Виктор. Ты удивительно похож на нас. И мне приятно находиться в твоём обществе. Обращайся ко мне, как к другу.

Но согласиться — это еще не значит сразу перейти к делу. Муратов мучительно искал какой-нибудь естественный вопрос, но ничего не приходило в голову.

Вийайа заговорил сам.

— Странно получилось, — сказал он. — С двух планет люди спешили на помощь Лиа, Земле, я хотел сказать. И не знали, что никакая помощь вам не нужна. Вся эта история странна и, конечно, неповторима.

Муратов обрадовался теме разговора. Здесь он многое мог спросить у Вийайи.

— Нас очень удивляет, — сказал он, что сообщники Лийагейи не сразу пустили в ход излучение. Зачем им понадобилось оставлять спутники возле Земли, строить лунную базу и только при вторичном прилете осуществлять свой план?

— Об этом меня уже спрашивали, — ответил Вийайа. — Это объясняется несколькими причинами — техническими и психологическими. Они искали планету для колонизации. Но не знали, удастся ли такую найти. И, улетаая на поиски, не согласовали своих действий с теми, кто остался. В вашем эксплуататорском обществе властвовал индивидуализм. Коллективные действия были по самой своей сущности чужды господствующим классам. Это во многом способствовало их гибели. — («Когда он успел узнать все это», — подумал Муратов.) — У нас, как это ни странно покажется тебе, коллективизм был свойственен касте господ. Они привыкли согласовывать свои действия между собой. Это, в совокупности с другими причинами, затрудняло у нас освобождение. Решив применить к человечеству Земли излучение, как вы это удачно назвали, они должны были вернуться и получить согласие остальных. Это первая причина. Вторая — чисто техническая. Убегая с нашей планеты, они захватили с собой все имевшиеся в то время космические корабли. На одном из них находились те две ракеты, которые вы нашли и уничтожили. Других у них не было, и сделать их на промежуточной планете, где не существовало никаких заводов, было невозможно. — («Гианэя сказала правду», — подумал Муратов.) — Эти ракеты предназначались для других целей. И, естественно, на них не было никаких излучателей. И на корабле их также не было. Тогда они смонтировали эти излучатели на Луне, где сперва опусти-

лись. Но не было вещества, являвшегося основой излучения. Нужно было вернуться за ним. Они нашли выход в том, что оборудовали зарядную базу на Луне. Вы ошибаетесь, думая, что эта база служила для зарядки двигателей. Они не нуждались ни в какой зарядке. На базе синтезировалось вещество, нужное для излучателей. И по мере изготовления погружалось на ракеты. Но синтез требовал длительного времени.

— Сколько?

— Не могу точно сказать, но не меньше ста ваших лет. В общем, для них все сложилось удачно. Задумав свой план, они имели время вернуться и сообщить о нем остальным.

— Значит, они были у нас сто лет тому назад?

— Приблизительно.

Муратов вспомнил все предположения и гипотезы относительно времени, когда появились возле Земли спутники-разведчики. Сначала их появление относили к 1927 году, потом к временам империи Карла Пятого. По словам Гианэи, они появились в конце двадцатого века. Получалось, что наиболее правильным было первое предположение.

— Почему же их никто не заметил? — спросил Муратов.

— Сам корабль невидим для ваших глаз, — ответил Вийайа. — А люди? Немного надо, чтобы скрыть разницу.

«Да, он прав, — думал Муратов. — Земная одежда, сильный загар, очки и никто ничего не заподозрит».

— А язык? — сказал он. — Ступив на землю, они не могли ни с кем говорить.

Лицо Вийайи омрачилось.

— Это одно из темных пятен, — сказал он. — Но ты, Виктор, уже знаешь нравственный облик этих людей. И это не должно удивить тебя. Они захватили в плен человека Земли. От него узнали язык и все, что было им нужно знать. Кто он был, этот первый, увидевший пришельцев иного мира? Вряд ли вам удастся установить теперь его имя. Но знакомство дорого обошлось этому человеку. Они не могли допустить, чтобы он оказался на свободе и мог рассказать о них.

Муратов не задал вопроса. Все было ясно.

Ему хотелось рассеять тяжелое впечатление от слов Вийайи. Он видел, что и на Вийайю этот эпизод действовал угнетающе.

— Как согласовать, — спросил он, меняя тему, — высокую технику на вашей планете с существованием касты господ?

— Видимо, — ответил Вийайа, — это интересует всех. Я отвечал на такой вопрос много раз. Все дело в том, что продолжительность жизни человека различна на наших двух планетах. Мы живем в несколько раз дольше вас. И это ускоряет технический прогресс и замедляет общественный. Второе отстает от первого.

— Понимаю, — сказал Муратов.

Давно уже стемнело. На безоблачном небе бриллиантовой сетью горели созвездия.

Вийайа встал и подошел к перилам веранды.

— Посмотри, Виктор, — сказал он, — вот солнце нашей планеты.

Муратов увидел тусклую оранжево-красную звездочку, затерянную среди других. Он даже с трудом нашел ее по указаниям Вийайи.

Солнце иного мира!

— Я знаю, — сказал Вийайа, — вы будете у нас. И, может быть, очень скоро. Наши планеты рука об руку пойдут по бесконечному пути жизни.

Муратов подумал о Гианэе.

Эта звездочка, слабо мерцающая на небе Земли, была и ее солнцем, которого она никогда еще не видела.

— Интересно, как воспримет Гианэя ваш мир, — задумчиво сказал он.

— Этот вопрос ясен, — ответил Вийайа. — Гийанейя подготовлена к нашей жизни длительным пребыванием в коммунистическом обществе Земли. Если Лийагейя никогда не войдет в нашу жизнь полноправным ее членом, то Гийанейя сделает это легко. Она подготовлена, — повторил он. — И, кроме того, она очень молода.

— А если нет?

— Ты имеешь в виду моральную старость?

— Она прошла через смерть, — уклончиво ответил Муратов.

Вийайа пристально посмотрел на него.

— Я понимаю, — сказал он, — что заставляет тебя и вообще вас всех беспокоиться о Гийанейе. Вы боитесь

последствий своего поступка. Но поверь мне, Виктор, придет время, и очень скоро, когда Гийанейя будет благодарна вам за то, что вы не дали ей совершить великую ошибку.

— Когда вы думаете разбудить ее?

— Только тогда, когда будем на родине. Так будет лучше, — продолжал Вийайя. — Вернуться к сознательной жизни на Земле ей было бы труднее.

— Вы правы!

— А у нас Гийанейя быстро освоится. И скоро, очень скоро станет такой же, как все наши женщины. И найдет свое счастье. Вы хорошо подготовили ее.

Муратов задумался. Он верил в мудрость и житейский опыт своего собеседника и радовался за науку Земли, сумевшую закрыть перед Гианзеей двери смерти. Она будет жить!

Гианзэ, со всеми противоречиями своей сложной натуры, была ярким доказательством, что не существует врожденных пороков, врожденной ненависти и зла. Все зависит от того, где и когда живет человек, зависит от среды, формирующей его взгляды и характер.

— Я до сих пор не знаю, как вы называете свою планету, — произнес Муратов, всматриваясь в звездное небо.

— Та, которую ты хорошо знаешь, — ответил Вийайя, — получила имя своей родины. Мы называем нашу планету Гийанейя.

Ленинград. 1963 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог	5
Часть первая	23
Часть вторая	115
Часть третья	195
Эпилог	272

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Мартынов Георгий Сергеевич

Г И А Н Э Я

Ответственный редактор

О. Ф. Хузе.

Художник-редактор

В. В. Куприянов.

Технический редактор

Л. Б. Леонтьева.

Корректоры Ю. А. Бережнова

и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 7/IX 1964 г. Подписано к печати 15/XII 1964 г. М45866. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,75. Усл. п. л. 14,35. Уч.-изд л. 14,483. Тираж 100 000 экз. ТП 1965 № 587. Ленинградское отделение издательства «Детская литература».

Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Заказ 1251. Цена 68 коп.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Гатчинская, 26.

68 коп.